

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия
«Страницы истории нашей Родины»

Я. С. ЛУРЬЕ

РУССКИЕ СОВРЕМЕННИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Книгописец ЕФРОСИН
Дьяк ФЕДОР КУРИЦЫН

К1 200097

Ленинград
«НАУКА»

Ленинградское отделение

1988

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусские книжники, о которых здесь будет идти речь, жили во времена европейского Возрождения. Они были современниками Леонардо да Винчи, Коперника, Микеланджело. При их жизни Колумбом была открыта Америка, родились Рафаэль, Лютер, Ганс Сакс; Франсуа Рабле.

Но читатель, взявший в руки книгу, может интересоваться не только хронологическими соответствиями. Он вправе задуматься и над тем, в каком соотношении находились русская культура второй половины XV в. и западная культура того времени.

Название книги никого не должно вводить в заблуждение. Она отнюдь не имеет целью доказать, что XV или XVI века были веками русского Возрождения. Россия и Возрождение — проблема достаточно сложная, и для того, чтобы к ней обратиться, нужно прежде всего решить, что именно мы понимаем под Возрождением — европейским Ренессансом. Споры о Возрождении, о его границах, о возможности распространения его на всю Европу и на неевропейские страны в значительной степени возникают из-за отсутствия однозначного определения этого понятия. Несомненно, что относить к Возрождению все художественные достижения средневековья — скажем, готическую архитектуру, скульптуры Собора Парижской богородицы или Наумбурга, — можно было бы лишь в том случае, если придавать термину «Возрождение» весьма широкий оценочный смысл, превращать его в похвалу. Но, с другой стороны, если исходить из наиболее узкого определения Возрождения, данного в XIX в. Мишле и Буркхардтом, — представлять себе возрожденческую культуру только по ее «классическому» итальянскому образцу и видеть в Возрождении прежде всего «Возрождение античности», — то нельзя будет

говорить о Ренессансе ни в каких странах, не входивших в сферу античной культуры. Слишком широким представляется также рассмотрение Возрождения как следствия уже сложившихся капиталистических отношений в феодальном обществе; и в этом случае можно будет говорить о Возрождении лишь в Италии, Англии, Франции, Нидерландах, но едва ли в большинстве германских княжеств, в Испании, Польше, Венгрии, как это делается обычно. Очевидно, определение должно быть менее жестким, но и не беспрельно широким. Возрождение, несомненно, — порождение городской культуры XIV—XV веков. Оно связано с историческими событиями той эпохи и предполагает отделение светской культуры от церковной и преимущественное развитие в ней именно светских элементов.

В этой книге нам нет надобности решать такие вопросы во всей полноте. Ограничимся лишь тем, что отметим наиболее важные события политической истории и наиболее характерные явления культуры в Европе второй половины XV века, и коснемся соответствующих явлений России того же периода.

XV век — время глубокого кризиса европейских средневековых политических систем и создания национальных государств в значительной части Европы. В середине XV века окончилась Столетняя война между Англией и Францией, и во второй половине века французский король, подчинив себе Бургундское герцогство, по существу завершил создание национального государства во Франции. Единым государством стала и Испания после объединения Кастилии и Арагона во второй половине XV в. Для Англии проблемы политического объединения не существовало — она и прежде была единой страной, но феодальные войны Алой и Белой розы подрывали это единство; окончание феодальных войн в 1485 г. открывало возможность создания сильного централизованного государства.

Проблема государственного единства представляла наибольшие трудности для Италии и Германии. Отдельные итальянские республики достигали подлинного могущества в мировой политике и торговле (Венеция, Генуя), расцветала культура (Флоренция), но задача объединения страны оставалась неразрешенной. Препятствовали этому и распри между отдельными

республиками, и существование сильного папского государства в Риме, заинтересованного не в объединении Италии, а в сохранении своей мировой роли, и нападения соседних государств, особенно Франции, начавшей в конце века войну в Северной Италии. Германия формально представляла собой единую страну — «Священную Римскую империю германской нации», однако Империя, как ее обычно именуют, была скорее федерацией государств, нежели единым государством. Фактически отпала от Империи Чехия: реформационное движение, начатое Яном Гусом, переросло в освободительную войну, и в борьбе с Габсбургами возникло независимое национальное государство. Власти Габсбургов в центральной Европе в значительной степени противостояла и Польша, где с конца XIV в. правила литовская династия Ягеллонов. Великое княжество Литовское, под властью которого находились и западные территории древнего Киевского государства (Белоруссия и Украина), было объединено с Польшей личной унией; на литовском престоле сидел либо сам польский король, либо его сын. Другим сильным государством в этой части Европы была Венгрия, ставшая независимой при Матиаше Хуньяди (Матвее Корвине). И наконец, со второй половины XV века в систему европейских держав вошла новая, грозная сила, пришедшая из Малой Азии — турецкая Османская империя, завоевавшая Константинополь и последние византийские и южнославянские земли.

Европейские страны XV века отличались друг от друга не только тем, что в одних происходило государственное объединение и централизация, а в других — нет. Социальная сущность совершившихся политических процессов также была весьма разнообразна. В Англии и Франции централизация совпала с развитием капиталистических отношений, возникал абсолютизм, покровительствовавший торговле и промышленности, лавировавший между дворянством и буржуазией; органы сословного управления, возникшие в средние века, часто игнорировались королевской властью, но не отменялись. В Англии, Франции, Испании, как и в Италии, XV век был временем изживания и уничтожения крепостного права. Между тем в Османской Турции, где монархическая власть была не менее сильной, чем во Франции, Англии и Испании, в конце

XV в. было установлено ограничение перехода крестьян и прикрепление их к земле.¹ Закрепощение крестьян происходило также в Венгрии и в Польше.

Большинство исследователей культуры сходятся на том, что не только для Италии, но и для большинства западноевропейских стран XV век был веком Возрождения, Ренессанса. Явления гуманизма, развитие новой, светской культуры характерны для всех этих стран. В тот же период ереси, постоянно возникавшие в средневековых городах, стали перерастать в XV в. в широкое реформационное движение. Наиболее сильным оказалось такое движение в Чехии, где борьба с папством, начатая в 1409—1412 гг. Яном Гусом, не была прекращена его казнью, а превратилась в подлинную реформацию — впервые в католической Европе появилось не католическое государство. Обнаружившиеся в следующем столетии противоречия между гуманизмом и Реформацией еще не проявились в XV веке. Гуманистическое движение первоначально включало и вольнодумца Леонардо да Винчи (1452—1519), и будущего католического святого Томаса Мора (1478—1535), и пламенного протестанта Ульриха фон Гуттена (1488—1523).

Едва ли можно в кратком изложении дать какую-либо обобщенную характеристику европейской культуры этого времени. Поскольку герои нашей книги имеют непосредственное отношение к письменности, отметим некоторые общие черты в развитии европейской литературы, причем не столько в «классической» стране Возрождения — Италии, сколько в других странах. Прежде всего речь идет о значительном и резком усилении светского характера этой литературы. Каковы были источники новых литературных явлений XV века? Исследуя французскую и нидерландскую литературу XV в., крупнейший историк культуры средневековья и Возрождения И. Хойзинга показал, что возникновение новых черт в этих литературах лишь в незначительной степени было связано с влиянием античности — иногда, напротив, античные реминисценции, знакомые еще средним векам, вырождались в нелепый «латинизм», высмеиваемый французскими гуманистами. Подлинные новаторы в литературе XV века опирались на «спонтанные», народные традиции средневековья.

Европейское средневековье породило такие эпические памятники, как «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Тристана и Изольду». Но это была прежде всего поэзия, рассчитанная на устную передачу — произнесение вслух или пение. Прозой писались главным образом произведения «деловых» жанров — церковные сочинения, государственные документы, исторические хроники. В XV веке идет широкий процесс переложения художественных сюжетов устной поэзии в письменную форму: «человек, который действует в молчании, человек, который читает, явился вслед за эпохой, когда люди пели». Именно прозаическая запись XIV—XVI вв. спасла, по мнению исследователей, значительную часть средневековых эпических произведений, которые не сохранились бы в устной передаче.² Новеллы, созданные на основе устных рассказов (фацей, фавль, шванков), романы в прозе получили широкое распространение в письменности; этому содействовали уже в позднем средневековье замена дорогого пергамента более дешевой бумагой, а с середины XV в. — изобретение книгопечатания. Появился особый жанр массовой литературы — «народная» или «лоточная» книга. В этом «торжестве чтения» в XV—XVI вв. исследователи справедливо усматривают «победоносное влияние городского класса».³

Органическую связь со средневековым фольклором известный филолог М. М. Бахтин считал важнейшей чертой литературы Возрождения, и в особенности «смеховой культуры» Ренессанса. «Вся богатейшая народная культура смеха в средние века жила и развивалась вне официальной сферы высокой идеологии и литературы. . . И вот в эпоху Возрождения смех. . . прорвался из народных глубин вместе с народными («вульгарными») языками в большую литературу и высокую идеологию, чтобы сыграть существенную роль в создании таких произведений мировой литературы как „Декамерон“ Боккаччо, роман Рабле, роман Сервантеса, драмы и комедии Шекспира и другие. Грани между официальной и неофициальной литературой в эту эпоху неизбежно должны были пасть. . . Переход литературы и отдельных областей идеологии на народные языки должен был на время смести или, во всяком случае, ослабить эти грани».⁴

Происходило ли на Руси XV века что-либо подобное? Важнейшим фактором, оказавшим глубокое влияние на судьбы страны, было татаро-монгольское завоевание в XIII в. Древнее Киевское государство было не только раздроблено на отдельные княжества и земли, но и распалось на две части: Северо-Восточную и Юго-Западную Русь. Северо-Восточная (Владими́ро-Суздальская) Русь, подвергшаяся завоеванию, считалась вассальным владением хана (или как его называли на Руси — «царь») Золотой Орды, центр которой располагался на Нижней Волге; Новгородская и Псковская земли, хотя и избежавшие завоевания, также должны были признать вассальную зависимость от хана. Но Юго-Западная Русь: вся территория будущей Украины и Белоруссии — Киев, Чернигов, Гомель, Минск, Полоцк — была присоединена к Литовскому государству (образовавшемуся в XIII в.); в начале XV в. великие князья литовские завоевывали также Смоленск и Вязьму.

Разделение Древнерусского государства на две части сказалось и на судьбе русской церкви. Главой ее с XI в. считался митрополит Киевский; однако в начале XIV в. носитель этого титула избрал местом своего пребывания Москву и оттуда управлял обеими частями митрополии — как восточной, так и западной. Но западно-русские церковные деятели и литовские князья далеко не всегда признавали зависимость Киева и других западно-православных городов от митрополита «всея Руси», находящегося в Москве.

В XIV в. началась борьба русских князей за независимость от Золотой Орды. Вновь после большого перерыва возникает идея единения Руси. В 1380 г. Дмитрий Донской в Куликовской битве одержал победу над ордынскими войсками. Однако в 1382 г. ордынский хан Тохтамыш, захватив Москву, восстановил прежние отношения. В первой половине XV века власть хана над Русью значительно ослабела из-за раздробления и распада самой Орды; но это же раздробление вызывало постоянные набеги отколовшихся ордынских «царей» и «царевичей» на русские земли. В Московском княжестве, достигшем к концу XIV в. значительного могущества и присоединившем многие соседние земли (Нижний Новгород, Галич, Углич, Белоозеро), со второй четверти XV века началась борьба

за власть, отвлекавшая московских князей от политики «собрания Руси». Русь оставалась раздробленной. Помимо Московского великого княжества существовали еще великое княжество Тверское, Рязанское, независимые княжества Ростовское, Ярославское и ряд других; независимыми были Новгородская и Псковская земли.

XV век, и в особенности его вторая половина, был переломным временем в истории Руси. Иностранцы отмечали бросающийся в глаза рост городов в Московии XV века. Развитие рыночных отношений, естественно, приводило к усилению связей между различными землями страны. Будет ли Русь единым государством или не будет? О единой Руси, о недопустимости междукняжеских раздоров и союзов с ханом говорили с начала XV в. не только в Москве, но и в самых различных русских землях, о чем свидетельствует литература того времени, например тверской летописный свод начала XV века.⁵ Подобно итальянским республикам XV века, Новгород и Псков сочетали приверженность к местным вольностям со стремлением к национальному единству. Каков же будет социальный и политический строй единой Руси? Где пройдет ее граница на Западе — войдут ли в ее состав земли древней Киевской Руси и какие? Когда и как будет окончательно уничтожена зависимость от Орды? Все эти вопросы, уже встававшие перед русскими книжниками в первой половине XV века, еще предстояло решить.

Русская культура и в особенности литература также переживала глубокие изменения. Киевская Русь оставила XV веку большое литературное наследие — не только церковное, но и светское. В это наследие входил такой замечательный исторический и литературный памятник как начальная летопись — Повесть временных лет XII в. Существовала в Киевской Руси и эпическая традиция — памятниками такой эпической, дружинной поэзии были, очевидно, «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли». Известны были русской литературе домонгольского периода и переводные памятники светского характера — греческое эпическое сказание о богатыре Дигенисе Акрите (в русском переводе — «Девгениево деяние»), «Повесть об Акире Премудром», пришедшая с Востока (возможно, через южных славян). Однако в рукописной традиции

до XV века все эти памятники не сохранились: «Слово о погибели» дошло в составе «Жития Александра Невского» (в виде фрагмента); «Девгениево деяние» — в списках XVII в.; единственная рукопись «Слова о полку Игореве», доступная ученым до начала XIX в. и погибшая в 1812 г., относилась, по мнению большинства специалистов, к концу XV или к XVI веку.

Причина такого расхождения между временем создания и временем написания сохранившихся списков заключается в значительной степени в судьбе писчего материала на Руси. Преобладающим материалом для письма был в средние века и на Западе и в России пергамен — специально обработанная телячья кожа, «харатья» по древнерусскому наименованию. Но пергамен был дорог и писали на нем лишь наиболее важные, главным образом церковные книги. Для повседневных нужд люди древней Руси, как мы теперь знаем, пользовались берестой — березовой корой, но береста употреблялась лишь для небольших по размеру текстов — грамот. Бумага появилась на Руси сравнительно поздно: в конце XIV и в основном в XV веке — гораздо позже, чем на Востоке (VI—XI вв.) и на Западе (XII—XIII вв.). Вдобавок это был иностранный, импортный товар: производство собственной бумаги по-настоящему началось в России лишь при Петре I.

И все-таки даже привозная бумага была несравненно дешевле пергамена. Если на пергамене дошло лишь два летописных кодекса XIII—XIV веков, то с появлением бумаги светские сюжеты начинают занимать значительное место в письменности, но книг светского содержания дошло от XV века немного. Преобладающий тип рукописей XV века, в которых сохранились памятники светского характера (в том числе и довольно обширные, как «Александрия» — роман об Александре Македонском) — сборники, чаще всего смешанного церковного и светского характера. В таких сборниках дошли как памятники, создание и появление которых может быть отнесено к более раннему времени, так и памятники, написанные и переведенные в XV столетии.

Задачи, которые вставали перед русскими книжниками в XV в., во многом совпадали с задачами, стоявшими перед их западными собратьями. Речь шла прежде всего о «переложении на письмо» устного художественного творчества. В одном отношении условия реше-

ния этой задачи были для Руси даже более благоприятными, чем для большинства европейских стран: книжным и религиозно-культовым языком, усвоенным Киевской Русью, был церковно-славянский (среднеболгарский), и хотя этот язык не был идентичен народному русскому языку, он был гораздо ближе к нему, чем церковно-книжная латынь к языку большинства народов католической Европы. Это обстоятельство облегчало развитие национальной литературы на Руси. Правда, отсутствие древней латинской (и почти исключительно церковный характер греческой) традиции имело и отрицательное последствие — в XV веке Россия обладала меньшими возможностями обращения к античному наследию, чем даже такие далекие от Средиземноморья страны Европы, как Англия, Нидерланды и Польша.

Какие пути развития русской литературы открывались в XV веке? Возможны ли были и здесь такие явления, какие происходили в Западной Европе в те годы: сближение письменности с фольклором, победа светских элементов в культуре, появление нового мировоззрения, противостоящего традиционной средневековой идеологии?

Большинство историков и филологов, писавших о древней Руси, склонны были отвечать на этот вопрос отрицательно. Вера в коренное различие исторического пути России и Запада была присуща едва ли ни всем представителям исторической мысли XIX века. Славянофилы с гордостью¹ противопоставляли русское «спокойствие» западному «движению»; западники, напротив, склонны были «завидовать народам, которые в этой сшибке мнений, в этой кровопролитной борьбе за истину создали себе целый мир идей»,⁶ — но и те и другие считали, что никаких черт Возрождения или Реформации в древнерусской культуре не было.

В современной научной литературе нет единого мнения об отношении России XV века к Возрождению.

Те авторы, которые говорят о Возрождении в древней Руси, чаще всего имеют в виду наиболее замечательные явления русской культуры начала и конца XV века — например, творчество Феофана Грека и Андрея Рублева или Дионисия. Но что именно связывает этих художников с Возрождением? Каких-либо черт светского искусства, столь характерных для ху-

дожников Ренессанса, в их живописи не обнаруживается. Относить их к Возрождению только потому, что они были великими художниками, можно лишь в том случае, если употреблять термин «Возрождение» в сугубо широком и оценочном смысле.

Чаще исследователи, пишущие о России XV века, склонны не к сближению ее с Европой эпохи Ренессанса, а, напротив, к традиционному противопоставлению Руси и Запада.

«Не ищите на Руси ярких красок Возрождения — апельсин не может расти на севере. В поисках ростков нового не упускайте из вида родной лес, родные березки. У нас все было проще, будничнее, скромнее, — говорили автору этой книги в ходе споров о европейском Возрождении. — Русские люди XV века не были похожи ни на людей Запада того времени, ни на наших современников».

Существование каких-то идейных споров в древней Руси обычно признается теоретически, но конкретно речь идет о «древнерусском» вообще, об общепринятых традициях древней Руси, о «древнерусском мировоззрении».

Надо признать, что подобный взгляд находит опору не только в воззрениях писателей и философов XIX века, но и в памятниках самого XV века. Именно так изображал древнюю Русь известный церковный деятель того времени — игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин, именуемый обычно Иосифом Волоцким. В «инех странах», писал он, хотя и попадались иногда «благочестивии» и «праведни» люди, но там же во множестве оказывались «нечестиви же и неверни», а также «еретичьская мудрствующе». В «Русстей» же земле не только «веси» (деревни) и «села мнози», но и «грады» (города) не знали ни одного «нсверна» или «еретика» — все были «овчата» (овцы, ягнята) единого Христа, «вси единомудрствующе» (единомудрствовали, думали одинаково).⁷

Так ли было в действительности? Заметим прежде всего, что сам Иосиф Волоцкий, рисуя идиллическую картину всеобщего «единомудрствования» на Руси, говорил не о своем времени, а о первых 470 годах после принятия христианства Владимиром. Крещение Руси произошло в конце X века — в 988 г.; стало быть, речь идет о времени до второй половины XV века. Что же

произошло по истечении этих точно подсчитанных Иосифом 470 лет — почему волоколамскому игумену приходилось с тоской вспоминать о прекрасном прошлом? «Се ныне уже приде (наступило) отступление», — писал Иосиф. «. . .ныне же и в домех, и на путех, и на торжищих (рынках) иноци и мирстни (монахи и светские люди) вси сомнятся (испытывают сомнения), вси о вере пытаются (допытываются, рассуждают)».⁸

Итак, «единомудрствование», даже по свидетельству Иосифа Волоцкого, в конце XV века уже кончилось и на Руси. Русская земля стала такой же, как «иные страны» — и в ней появились «нечестиви» и еретики.

Жалобы Иосифа Волоцкого имели основания — и не только потому, что в конце XV века в Новгороде и Москве появились еретики, с которыми волоколамскому игумену пришлось вести нелегкую борьбу. «Нечестие», о котором он говорил, имело гораздо более широкое распространение — недаром Иосиф обнаруживал его «в домех и на путех и на торжищах». Возможно, конечно, что говоря о всеобщих «сомнениях» и желая предостеречь от них своих единомышленников, волоколамский игумен несколько преувеличивал. Но несомненно, что люди второй половины XV века вовсе не всегда «единомудрствовали», что они думали и смотрели на мир по-разному. Конечно, среди них было немало консерваторов и приверженцев традиций. Но и приверженность к традициям, как и склонность нарушать их, — черта не одного XV в. и не только древней Руси. Говорить о «людях древней Руси» как о чем-то едином так же трудно, как рисовать единый образ людей XIX или XX века.

Мало похожи на традиционных «людей древней Руси», какими они представляются по произведениям исторического жанра — романам, трагедиям, операм, — и оба героя этой книги. Один из них, Федор Курицын, был прямым вольнодумцем, «начальником» тех еретиков, с которыми боролся Иосиф Волоцкий. Другой, книгописец Ефросин, — менее известное лицо; мы знаем о нем почти исключительно по составленным им сборникам. Но оба они не были представителями какого-то одного типа, а достаточно своеобразными личностями. и уже поэтому судьбы обоих так же заслуживает внимания, как и судьбы их прославленных современников в других европейских землях.

НАКАНУНЕ

«Великое нестроение»

Мы не знаем, когда родились оба героя нашего повествования. Первые записи Ефросина на его сборниках появляются в начале 70-х годов; Курицын в середине 80-х годов уже ездил послом в Венгрию и Молдавию. Очевидно, оба были по возрасту близки к тому поколению, к которому принадлежал и великий князь — Иван III, родившийся в 1440 г. Судьба и мировоззрение этого поколения во многом определялись главными событиями тех лет — междоусобной войной второй четверти XV века. «... а и ты слыхала, какое было нестроение (беспорядок) в нашей земле при моем отце», — писал в конце века своей дочери Иван III.¹ О «нестроении» при отце Ивана III, Василии II, помнили и пикогда не забывали те, кто пережил его — хотя бы в детстве.

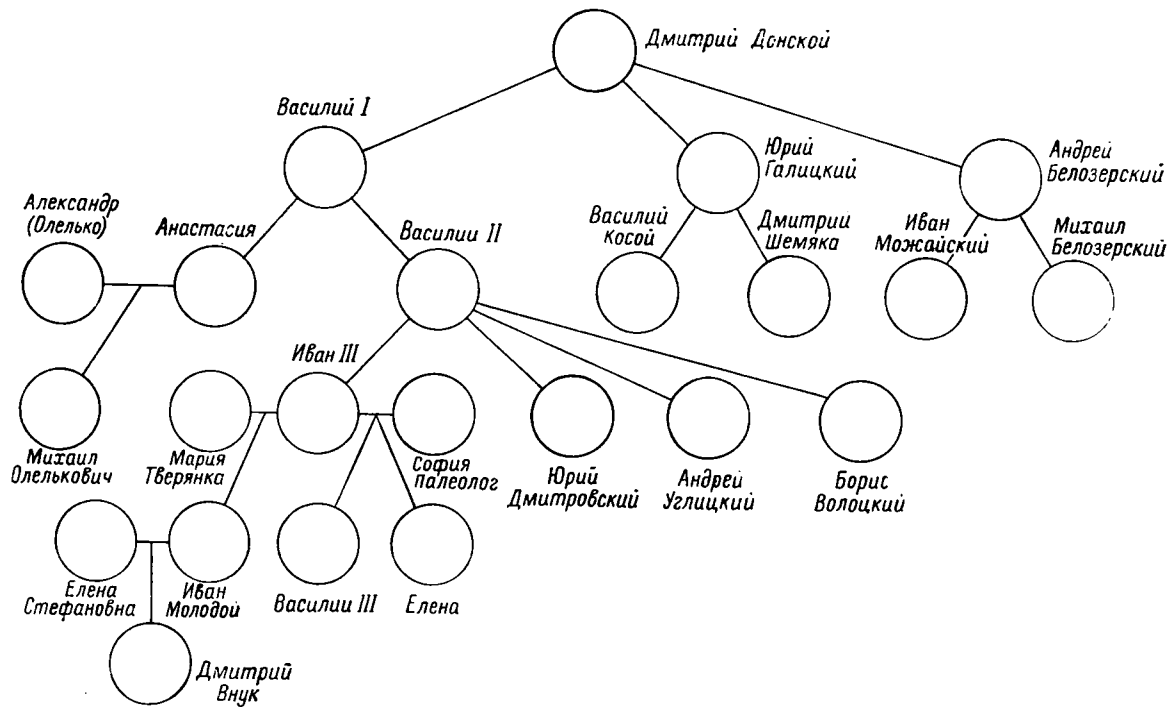
Началось все с завещания Дмитрия Донского, умершего в 1389 г. Согласно этому завещанию, после его старшего сына Василия (Василия Дмитриевича, правившего в 1389—1425 гг.) наследником должен был стать следующий сын Донского, участник его военных походов — Юрий Галицкий и Звенигородский. Но у самого Василия Дмитриевича в 1415 г. родился сын, будущий Василий II, и Василий I потребовал от своих братьев, чтобы они признали младенца будущим наследником великокняжеского престола. Однако с таким нарушением отцовской воли не согласился не только прежний кандидат в наследники — Юрий Дмитриевич, но и остальные братья. В 1425 г. Василий I умер, и десятилетний Василий II вступил на престол при явном противодействии своих обиженных родичей. Митрополит Фотий, правивший за мальчика, сразу же потребовал от старшего из них — прямого соперника Василия II, Юрия Дмитриевича, чтобы он явился в Москву присягнуть племяннику.

Глава церкви в те годы был весьма влиятельной фигурой: назначаемый (или получавший утверждение) в Константинополе, он был митрополитом не только киевским и московским, но и «всея Руси»: титул, о котором тогда только мечтали самые влиятельные из князей Северо-восточной или Западной Руси. Но Юрий не только не подчинился приказу митрополита, но немедленно бежал в самую отдаленную из своих вотчин — Галич.

Борьба за власть между Василием II и его соперником Юрием Дмитриевичем стала особенно острой с начала 30-х годов, когда умер наиболее влиятельный защитник интересов юного Василия — митрополит Фотий. И дядя и племянник считали себя законными великими князьями Московско-Владимирскими; ни один из них не хотел уступать. Им пришлось поэтому обратиться к тому монарху, который стоял над ними обоими и авторитет которого признавали оба соперника.

В конце 1431 года Юрий Дмитриевич и выступавший за Василия II боярин Иван Дмитриевич Всеволожский отправились в Орду. «Царь же повеле своим князем судити князей русских» — сообщает московская летопись. Иван Дмитриевич Всеволожский показал себя в этом споре блестящим дипломатом. Татарским князьям он объяснил, что Юрий Дмитриевич — свояк великого князя Литовского, владевшего Западной Русью и не признававшего власть Орды, а «царю» Улу Мухаммеду тонко польстил, заявив: «Наш государь, князь великий Василей, ищет стола (престола) своего, великого княжения, а твоего улуса (вассального владения) по твоему цареву жалованию < . . . > а господин наш князь Юрьи Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованью волного царя, а ты волен в своем улусе. . . »² Довод подействовал, и великое княжение досталось в 1432 г. Василию, но Юрий не смирился и продолжал борьбу. Успех клонился то в одну, то в другую сторону. По весной 1434 г. Юрий занял Москву, Василий II бежал в Новгород, и удельные князья признали Юрия Дмитриевича великим князем, а в случае его смерти обещали «блюсти» права на престол сыновей Юрия.

Последняя оговорка имела важное значение. Юрий Дмитриевич действительно недолго занимал велико-

Родословная таблица потомков Дмитрия Донского.

княжеский престол — через три месяца после победы он умер в Москве, и вопрос о престолонаследии встал с прежней остротой. Теперь прямыми наследниками Юрия, умершего великим князем, могли считаться его сыновья — Василий Косой, потом Дмитрий Шемяка. Борьба опять шла с переменным успехом, и также переменчивы были позиции удельных князей. Но в события вмешались новые силы — Улу Мухаммед, несколько лет назад давший ярлык Василию II, лишившись престола в Сарае, ушел от Орды и захватил земли, непосредственно примыкающие к владимиро-московским владениям. В 1445 г. Василий II, занимавший в то время московский престол, вынужден был выступить с войсками к Суздалию, куда подошли «царевичи», сыновья Улу Мухаммеда, занявшего Нижний Новгород (потом Улу Мухаммед утвердился в Казани и основал Казанское царство). Русские войска были разгромлены, и Василий II попал в плен. Освобожден великий князь был ценой огромных уступок. По известию великокняжеской летописи (которая и в этом случае именует Улу Мухаммеда «царем») он обязался дать своему победителю «окупу (выкупа), сколько может». «А иное бог весть, да они», — меланхолически комментировал известие об этом соглашении новгородский летописец.³ Договор этот был для Руси тяжким бременем, и этим не преминули воспользоваться враги Василия II. 12 февраля 1446 г. союзник Шемяки — Иван Можайский захватил Василия II, находившегося в Троице-Сергиевом монастыре, среди монахов которого были участники заговора. Василий II заперся было в главном храме монастыря, но, не надеясь на древнее право убежища, сам же вышел из него и стал молить о пощаде, обращаясь к Ивану Можайскому. Великий князь припадал к гробу Сергия, «кричанием моля» и «захлипаяся» (захлебываясь от рыданий). Все было напрасно.

— Возми его, — сказал «злый раб, гордый немилосерды» боярин Дмитрий Шемяки. «Взять» или «поймать» — значило арестовать.

Василий был схвачен, посажен в «голые» (ничем не прикрытые) сани и отвезен в Москву — уже не как государь, а как пленник. Там он и был ослеплен⁴ и навсегда остался в истории «Василием Тёмным».

Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому оставалось сделать еще одно дело. Захватив Василия в Троице,

Иван Андреевич в спешке забыл о малолетних сыновьях великого князя, Иване и Юрии, находившихся вместе с отцом в монастыре; в обстановке тех лет они тоже могли оказаться опасными соперниками. Этим воспользовались сторонники Василия II, служилые князья Рязполовские, увезшие обоих мальчиков в Муром. Спohватившись, Шемяка принял срочные меры для того, чтобы захватить и детей Василия Тёмного — он обратился к рязанскому владыке (епископу) Ионе, прося добиться от Рязполовских выдачи обоих княжичей и обещая Ионе за это вакантное место главы русской церкви — митрополита всея Руси. Иона поручение выполнил, и сыновья вместе с отцом были сосланы в Углич. Но, несмотря на посулы заговорщиков избавить страну от тяжкого «окуна», обещанного Василием Улу Мухаммеду, далеко не все князья, бояре и служилые люди сочувствовали Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому. Кроме Рязполовских на стороне Василия Темного выступили удельный князь Василий Ярославич Серпуховской, князь Оболенский и воевода Федор Басенок. Отказавшись служить Шемяке, Басенок был за это посажен «за сторожи» (под стражу) и закован в «железа тяжкие», но сумел бежать в Коломну и организовать там настоящую партизанскую войну. В конце концов и он и другие сторонники Василия Темного переправились в Литву, получили там земельные пожалования от польско-литовского короля Казимира и сразу же стали вербовать сторонников для борьбы с Шемякой. Такая угроза побудила и Шемяку проявить большую мягкость по отношению к своему ослепленному и по всей видимости уже не опасному противнику. Он явился в Углич, где состоялось как бы торжественное помилование Василия и смягчение его участи. Василий Темный признал, что наказан он был справедливо: «. . . мне пострадати было (следовало) грех моих ради (из-за моих грехов) и беззаконий многих. . . пред вами старейшею братию и пред всем православным христианством, его же и изгубих (которое я погубил) и еще изгубити хотел. . . до конца», — сказал Василий, имея ввиду, очевидно, договор с Улу Мухаммедом.⁵

Шемяка учинил Василию «великую честь» и вместо узника сделал его удельным князем в повосозданном Вологодском княжестве.

Раззрашиакокошъ дмитрѣю . онѣ
пошлѣсмоуи тѣмоуи . не вѣсти
на дѣлѣ . ни прополчи . но нѣ
пѣакость

тѣю

рѣи

.

Шемьяка сажает Пону на митрополичий престол. Миниатюра из Лицевого свода.

Оди́нъ де́ доръ́ басе́нокъ́ мѣшо́ хотѣ́ слоу
 жи́ти се́моу . кнѣ́зю́ же́ дмитре́ю по
 целѣ́ю зложи́ти на́ него́ же́лѣ́ за́гнѣ
 жи́и . и́зъа́споро́жидрѣ́ жа́ти се́го .
 онѣ́ же́ того́ пори́шѣ́ прѣ́стѣ́ па́сое
 го . и́оу́къ́и́ зъ́ же́лѣ́ зѣ́ . и́къ́ жа́ко
 ломѣ́ . и́ша́ мо́е жа́ль по́сшонѣ́
 прѣ́гше́ емѣ́

На Вологде, однако, Василий пробыл недолго. Ссылаясь на то, что нельзя «таковому великому государю в такой дальней пустыне заточену быти», придворные бояре вскоре увезли его оттуда — впрочем, еще севернее и «пустынное» — в Кириллов Белозерский монастырь. Там монахи оказали великому князю важную услугу. Помилование Василия Темного сопровождалось, как и все предыдущие соглашения такого рода, крестным целованием — клятвой. Снять эту клятву могло только авторитетное духовное лицо. Это и сделал игумен Кириллова монастыря — Трифон.

Обретя отпущение грехов Василий Темный направился в Тверь к одному из наиболее влиятельных русских князей — Борису Александровичу Тверскому. К Москве были направлены тверские и московские войска: 17 февраля 1447 г. Василий Темный вновь вступил в свою столицу.

Торжество справедливости? Едва ли большинство современников воспринимало события 1447 года именно так. «Нестроение» и до и после 1447 года изобиловало таким количеством жестокостей, взаимных обманов, нарушением договоров, заключенных согласно традиционной формуле, «по любви, вправду, безо всякой хитрости», с обязательным целованием креста, что говорить здесь о правоте той или иной стороны весьма затруднительно. Василий II недаром, как только он в 1446 г. оказался захваченным в Троицком соборе, сразу же стал умолять Ивана Можайского: «Брате, помилуйте мя (меня), не лишите мя зрети образа божиего! . . .», хотя никто еще не грозил ему ослеплением. Он и без того хорошо знал, что его ждет, ибо за десять лет до этого сам ослепил своего двоюродного брата — Василия Косого, старшего сына Юрия Дмитриевича Галицкого. Новгородская летопись так и объясняла расправу над Василием II: Дмитрий Юрьевич Шемяка (ставший претендентом на престол после ослепления и смерти своего старшего брата) лишил зрения Василия Васильевича «за тый гнев, — что он ослепил. . . брата Дмитриева Юрьевичева князя Василия». ⁶

«Вынимали очи» в те годы не только у князей. Вспомним Ивана Дмитриевича Всеволожского, сумевшего в 1432 г. подольститься к Улу Мухаммеду

и выхлопотать в Орде ярлык на великое княжение для семнадцатилетнего Василия. Но Василию II нашептали, что Всеволожский вел тайные переговоры с Юрием Галицким, сватая свою дочь за его сына. Этого было достаточно для того, чтобы молодой великий князь приказал «лишить зрака» боярина, только что выхлопотавшего ему московский престол. Ослепленный Иван Всеволожский вскоре после этого, естественно, перешел к Юрию Дмитриевичу.⁷

Едва ли и поведение, и политика деятелей Москвы, выступивших в 1447 году на стороне Василия Темного, объяснялось чисто патриотическими чувствами или твердым убеждением, что из числа внуков Дмитрия Донского именно Василий, а не Дмитрий Шемяка и не Иван Можайский, станет подлинным и единственным воплощением идеи национального единства. Явно не руководствовались такими мотивами, например, сыновья Улу Мухаммеда Касим и Ягуп, еще недавно державшие Василия II в плену, польско-литовский государь Казимир, или тверской великий князь Борис Александрович, про которого сообщали, что за год до этого он и сам участвовал в заговоре Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского. Популярность и быстрые успехи столь неудачливого до тех пор Василия II объяснялись скорее совершенно иными причинами: по традиционным представлениям той эпохи «лишенный зрака» деятель считался выбывшим из политической борьбы (поэтому и ослепляли побежденных врагов), смиренным и не опасным союзником, опекая которого можно было действовать от его имени в своих интересах. И если, как оказалось, литовский король, тверской князь и сыновья Улу Мухаммеда ошиблись в своих расчетах, то произошло это не столько потому, что и слепой, как показал опыт Ивана Дмитриевича Всеволожского, мог заниматься политикой, сколько потому, что у Василия Темного нашлись достаточно энергичные помощники, способные защищать московские интересы.

Борьба продолжалась; снова заключались договоры, скреплялись «крестным целованием» и почти сразу же нарушались. В начале 1448 г. Василий Темный двинулся в поход на Галич; Шемяка, по словам официальной летописи, «убоявся, стал мира просити» и дал на себя «проклятые грамоты» с отречением от всех преж-

них притязаний. В 1449 г. военные действия с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским опять возобновились; в 1450 г. Василий Темный взял Галич, и Шемяка бежал в Новгород. Оттуда он пытался нападать на московские земли, но Василий Темный нашел средство навсегда избавиться от своего противника: в 1453 г. Шемяка внезапно умер в Новгороде; мало кто сомневался, что умер он «со отравы»: «привозил с Москвы Стефан Бородатый к Исаку к посаднику к Борецкому, а Исаак, деи, подкупил княжью повара именем Поганка, той же дасть ему зелие (отраву) в куряти (цыпленке)». О том, как отнесся Василий Темный к известию о смерти своего двоюродного брата, можно узнать и из официальной летописи: подьячему Беде, привезшему эту весть, было сразу же пожаловано дьяческое звание. Через год настал час Ивана Можайского: Василий Темный пошел походом на Можайск, и Иван Андреевич, опасаясь худшей участи, бежал в Литву к Казимиру,⁸ предоставившему теперь убежище жертвам Василия Темного — так же, как он предоставлял его прежде врагам Шемяки.

Итак, гражданская война в Московском княжестве, длившаяся 20 лет и истреблявшая не только князей-участников, но и сотни их подданных, окончилась. Окончились завоевания земель, убийства и разорения сельских и городских людей, когда князь, захвативший владения своего соперника, считал нужным отметить это событие «пакостями» завоеванному населению — «жег, сек и вешал» взятых в плен жителей. Каковы же были итоги и уроки этой войны, что принесла она населению страны?

Феодальные войны происходили в те времена не только на Руси. Массовые бедствия, как и предательства и жестокости во время междоусобий, были обычным делом во времена феодальных войн европейского средневековья. Исторические трагедии Шекспира содержат сцены, которые могут показаться как бы прямыми иллюстрациями к событиям русского «великого нестроения» XV века.

Вот как выглядит у Шекспира «вынимание очей». Жертвой этой расправы в «Короле Лире» выступает герцог Глостер, вызвавший гнев соперников Лира своей верностью королю:

Герцог Корнуэльский

Увидишь? Никогда ты не увидишь!
Держите кресло, молодцы! Сейчас
Я растопчу глаза твои ногами! . .

(Вырывает глаз у Глостера)

. . . Вон, гадостная слизь! Наружу хлынь!
Пу, где твой блеск?

(Вырывает другой глаз у Глостера)

Г л о с т е р

О тьма! О безутешность! . . .

Хроники западноевропейских стран пестрят подобными известиями — кровавые сцены из шекспировских трагедий отнюдь не преувеличивают того, о чем рассказывалось в исторических источниках.

Но феодальные войны приносили народам не только бесчисленные страдания. Именно в ходе этих войн была закреплена и юридически оформлена договорная система, устанавливающая неотъемлемые права королевских баронов (распространяющаяся и на их подданных) и самоуправление городов. Если в Италии и постепенно также в Гармании усиление местной власти приводило к фактическому разделению ранне-средневековых государств на отдельные княжества и республики, то во Франции и Англии удалось достигнуть определенного равновесия между единством страны и правами вассалов. В начале XIII в. в Англии была провозглашена (в результате восстания феодалов, поддержанных горожанами) Великая хартия вольностей, утверждавшая неприкосновенность личности баронов и привилегии городов; в конце XIII в. сложился английский парламент, состоявший из представителей крупных феодалов и общин; аналогичное учреждение — Генеральные штаты — возникло в XIV в. во Франции, а в XV в. — в Нидерландах. Постоянно нарушаемые права феодального самоуправления вновь и вновь возрождались: тяжкая Столетняя война во Франции привела не к ослаблению, а к значительному усилению роли Генеральных штатов; в Англии XV в. парламент собирался и во время междоусобной войны Алой и Белой розы, многими чертами напоминавшей московскую феодальную войну; его постоянно созывал, например, король Генрих VI Ланкастер (1422—1461),

терявший и вновь обретавший престол подобно своему современнику Василию II.¹⁰

Применимы ли были эти принципы договорных отношений к русскому государству? В прямой и конкретной форме идея общерусских договорно-правовых отношений едва ли могла быть создана в то время уже потому, что вплоть до последней трети века Русь (даже Русь Северо-Восточная, находившаяся за пределами владений Литвы) не была еще единым государством.

Но о едином государстве уже думали. Выдвигались ли при этом какие-либо идеи местного самоуправления и охраны прав отдельных земель и городов?

Историческая наука в сущности ничего не знает об этом. Недавно в научной литературе была высказана даже мысль, что «договорное сознание», основанное на взаимных обязательствах между представителями феодального общества, характерно для Западной Европы, где оно «было окружено авторитетом римской государственной традиции», на Руси же «оно сознавалось как языческое по своей природе. . . В рыцарском быту Запада. . . договор, скрепляющий его ритуал, жест, пергамент и печати, осеняются ореолом святости и получают ценностный авторитет. . . На Руси договор воспринимался как дело чисто человеческое. . . В связи с этим система отношений, устанавливавшаяся в средневековом обществе, — система взаимных обязательств между верховной властью и феодалами — получает уже весьма рано отрицательную оценку».¹¹ Если наблюдение это имеет основание, то лишь в той мере, в какой оно относится к Владимиро-Суздальской Руси со второй половины XIII в. Для государственного строя одного из крупнейших государств древней Руси — Новгородской земли — характерна уже с XII в. именно договорность политического строя: ритуально скрепленный договор между вечем и городской администрацией, с одной стороны, и приглашаемыми в Новгород князьями — с другой. Приглашение князей в Новгород регулировалось особыми, строго обозначенными условиями, и князьям столь же регулярно «указывали путь» — прогоняли из Новгорода тех, которые этим условиям не удовлетворяли.

Как и до какой степени новгородские порядки влияли на общерусское политическое мышление? Вопрос этот не ставился до сих пор. А между тем до нас дошел

памятник русской исторической мысли того времени, содержащий интересные и довольно неожиданные свидетельства существования «договорного сознания» на Руси XV века. Этот памятник — общерусский летописный свод первой половины XV века.

«Шестор XV века»

Летописи XV в., как и вообще летописи, которые велись после знаменитой «Повести временных лет» XII в., мало известны читателям-неспециалистам — во всяком случае куда меньше, чем они этого заслуживают.

Читатели, знакомые с исторической наукой, слышали о работах А. А. Шахматова, о выводе, сделанном ученым в итоге его многолетних изысканий и сравнения между собой огромного множества более ранних и более поздних летописных текстов, тщательно переработанных редакторами: «. . .рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника. . . , — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы. . .»¹ Некоторым ученым казалось, что такой взгляд А. А. Шахматова на летописи исключал подход к ним как к памятникам самостоятельной и независимой политической мысли, что «образ летописца», который был «намечен» у А. А. Шахматова и «окончательно дорисован последователями А. А. Шахматова», — это образ «многоопытного чиновника» «политической канцелярии» князя, его официозного апологета и послушного исполнителя его поручений по части идеологической «обработки» «общественного мнения».²

Такие читатели склонны вернуться к традиционному взгляду на летописца, пишущего для отдаленных потомков, как пушкинский Пимен, спокойного, не ведающего «ни жалости, ни гнева».

Но древнерусские летописцы едва ли нуждаются в защите от Шахматова и его последователей. Пристрастие летописца не есть беспринципность. «Политические страсти и мирские интересы» вовсе не означают официальные страсти и предписанные интересы. Политикой занимается не только «официозный апологет»

власти и исполнитель ее поручений, но и ее критик и противник.

Чтобы понять, как и с какой целью составлялись летописи, нужно прежде всего уяснить себе некоторые особенности этого своеобразного жанра русской средневековой письменности.

Летопись, как свидетельствует уже ее название, представляет собой исторический рассказ, единицей изложения в котором служит «лето» — год. Приведем примеры. (Даты, как тогда было принято, даются от «сотворения мира» и отличаются от дат нашей эры на 5508 лет).

«В лето 6933 месяца февраля в 27 день преставися благоверный и князь великий Василий Дмитриевич всея Руси. . .

В лето 6934. Мор был велик во Пскове и в Новгороде Великом, и в Торжку, и в Тфери, на Волоце, и в Дмитрове, и на Москве и во всех градах русских и сѣлех. . .

В лето 6935. Мор был велик во градах русских. . .

В лето 6936. Князь великий Витофт со многими силами приходил на Великий Новгород».

Принципы построения летописного рассказа отличают его от памятников исторического повествования, написанных по византийскому образцу — хроник и хронографов, где употреблялись иные, гораздо более обширные единицы изложения — обычно царствования тех или иных императоров. В летописи рассказ строится по годам, но годов этих накапливалось немало.

Летописи представляют собою обширные сборники исторического повествования за век или несколько веков — своды; исключение составляют разве что некоторые краткие летописчики или летописцы нового типа, начавшие появляться лишь с XVI века. Почти все известные нам летописи (включая древнюю «Повесть временных лет» начала XII в.) уже опирались на более ранние своды, соединяя их тексты и дополняя новым материалом. За сохранившимися летописными сводами стоят их источники — не дошедшие до нас своды, протографы доступных нам летописных текстов.

Были ли летописцы «апологетами» князей? Иногда бывали, а иногда нет. Древнейшие летописные своды середины и конца XI века (судя по тексту, сохранившемуся в Новгородской I и в «Повести временных лет») обнаруживали резко критическое отношение к киев-

скому князю Святополку Изяславичу; составители самой «Повести временных лет» начала XII в. сумели найти общий язык со Святополком, а потом и с его двоюродным братом и преемником Владимиром Мономахом. Но все эти летописи были сводами Печерского монастыря и, следовательно, менял свою позицию в данном случае не отдельный летописец, а монастырь в целом. И уже этот факт свидетельствовал о том, что древнейшие летописи не обязательно исходили из «княжеской канцелярии», а могли создаваться и в других местах.

Летописи на Руси и в последующие века далеко не всегда были княжескими; они велись, например, в Новгороде и в Пскове, где власть князя бывала временной и формальной. Колоссальный объем и широкий временной охват, свойственный большинству сводов, делал для частных лиц невозможным составление их в сколько-нибудь полном виде; однако использовать предшествующий свод и создать на его основе свою, индивидуально обработанную (обычно в последней части) версию его мог отдельный книгописец — то в монастыре, то при дворе какого-либо иерарха — митрополита или епископа.

В середине XV века в России был составлен обширный летописный свод, занявший в истории русского летописания важнейшее, едва ли не центральное место, но не получивший у исследователей сколько-нибудь прочного определения. Его называют то «сводом 1448 года», то «Новгородско-Софийским сводом 30-х годов», то еще как-нибудь. Текст «свода 1448 г.» (примем это обозначение условно) дошел до нас в летописях XV века, именуемых в науке Софийской I и Новгородской IV — до конца первой четверти XV века они в основном совпадают. Почти не существует летописей, начиная со второй половины XV века и включая XVI век, в основе которых не лежал бы упомянутый свод.

По широте влияния на последующее летописание этот свод едва ли уступает «Повести временных лет», с которой начинается огромное большинство русских летописей. Но если имя вероятного составителя «Повести временных лет» — Нестора — достаточно известно, то личность «Нестора XV века», создателя «свода 1448 г.», остается загадочной. Где составлен был этот

Новгородское летописание Владимиро-Московское летописание Тверское летописание Южнорусское летописание

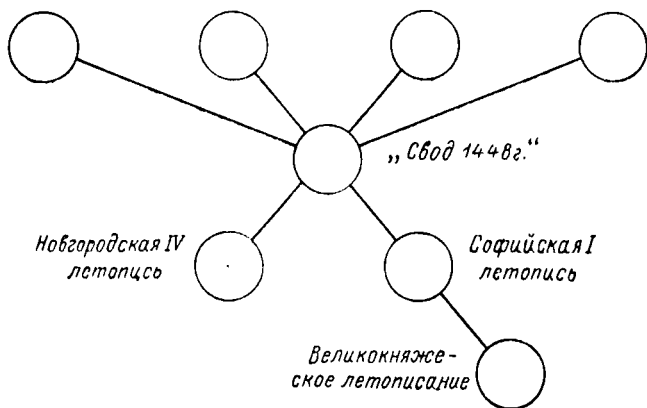
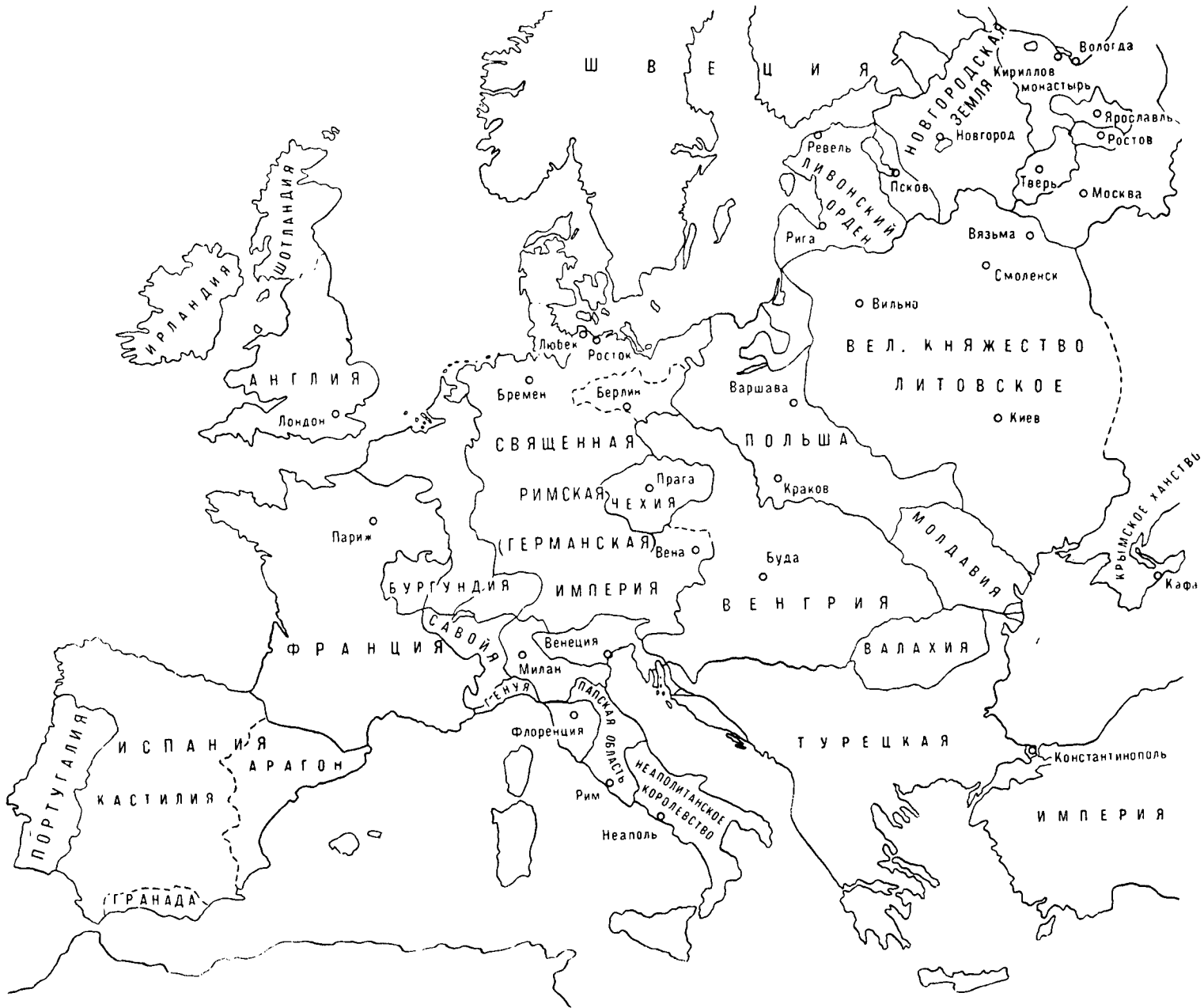

Схема происхождения «свода 1448 г.».

свод? Несмотря на многочисленность его новгородских известий, «свод 1448 г.» имеет общерусский характер; описывая конфликты новгородцев в конце XIV века с великим князем и митрополитом, свод явно сочувствует этим последним. Составленный во всяком случае после начала феодальной войны и ближе к ее концу, чем к началу,³ «свод 1448 г.» был, по всей видимости, связан с митрополией «всея Руси».

Но какова была судьба самой митрополии в эти годы? В 1430 г. умер митрополит Фотий, и именно после его смерти борьба за великокняжеский престол приняла наиболее острые формы. В 1434 г. митрополитом всея Руси стал, с благословения константинопольского патриарха, смоленский епископ Герасим, но он, как пояснил псковский летописец, «на Москву не поеха, зане (потому что) князи руския воюются и секутся о княжении великом». Оставаясь в Смоленске, Герасим руководил оттуда общерусскими церковными делами — в 1434 г. к нему ездил благословляться новгородский архиепископ Евфимий II. Пребывание Герасима на митрополичьем престоле было недолгим — в 1435 г. его заподозрил в измене и сжег литовский великий князь.

В 1437 г. патриарх назначил русским митрополитом грека Исидора, игумена одного из константинополь-

Карта Европы конца XV в.

ских монастырей. Византия переживала в то время трагический момент своей истории: к стенам Константинополя, оставшегося последним клочком земли некогда могущественной империи, подступали турки, готовые завоевать город; спасти его могла только помощь западных христиан — католиков. Исидор стал одним из активнейших сторонников унии (объединения) с католиками, но на Руси унию не признали. В связи с этим летописи обычно избегают упоминать о его митрополичьей деятельности. Однако из отдельных сообщений известно все же, что с весны до осени 1437 г. Исидор выполнял свои святительские обязанности в Москве, а затем полгода провел в Новгороде и Пскове. После поездки в Италию и подписания унии Исидор в 1441 г. снова приехал на Русь и продолжал считаться митрополитом, даже скреплял договоры между князьями. Но потом он все же вынужден был уехать, и митрополия вновь стала вакантной.

О следующем митрополите — бывшем рязанском владыке Ионе мы уже кое-что знаем: в 1446 г. он помог Шемяке захватить детей Василия Темного — будущего Ивана III с братом — и был за это поставлен на митрополию. Василий Темный простил Ионе его службу Шемяке. А. А. Зимин справедливо объяснил это довольно неожиданное решение великого князя тем, что «сильные мира сего любят сторонников с сомнительной репутацией: те всегда стараются быть преданными».⁴ Но шемякиного митрополита не признали остальные князья; для них он оставался только рязанским епископом, и ему предстояло еще добиваться митрополичьего престола.

Однако если митрополичий престол в 1430—1448 гг. не раз оставался пустым, то митрополия, как учреждение — старцы, казначеи, печатники, дьяки, — вся канцелярия митрополита — продолжала действовать все эти годы. Где же мог находиться двор митрополита в то время, когда святительский престол занимал смоленский владыка Герасим, а затем Исидор, пребывавший по нескольку месяцев в Москве, Новгороде и Пскове? Видимо, двор был «в пути», перемещался вместе с митрополитами; в наиболее острые моменты феодальной войны он мог находиться скорее в Новгороде, чем в Москве. И это обстоятельство должно было сказаться на «своде 1448 г.»: в отличие от более ранней

Троицкой летописи он широко привлекал материалы внемосковского, особенно новгородского, летописания.

Каковы же были тенденции этого свода? «Нестор XV века» был в гораздо большей степени общерусским летописцем, чем его предшественники — московские и владимирские летописцы, занятые прежде всего местными княжескими и митрополичьими делами. Главная идея «свода 1448 г.» — идея единства Русской земли в борьбе с ее внешними врагами, осуждение внутренних распрей и столкновений между «братьями»-князьями. Повести о битве на Калке и нашествии Батые в этом своде пространнее всех предшествующих рассказов об этих битвах: они соединяют известия более ранних и кратких рассказов — новгородских, владими́ро-московских и южно-русских. Но составителя свода интересовали не только татаро-монгольские нашествия XIII в. Он впервые ввел в общерусское летописание подробные рассказы о выступлениях против ханской власти, происходившие в первой половине XIV века — в Твери: житие тверского Михаила Ярославича, замученного в Орде, и повесть о восстании против татарского наместника в Твери Щелкана (Чол-хана) в 1327 г. Впервые широко было освещено в «своде 1448 г.» и важнейшее сражение с Ордой в XIV в. — Куликовская битва. Вместо короткого сообщения более ранней Троицкой летописи, занимавшего полстраницы, здесь была помещена обширная летописная повесть, где особенно подчеркивалась предательская роль рязанского князя по отношению к его «братьям» — русским князьям. В повести о Куликовской битве «свода 1448 г.» не было еще известных рассказов об обмене одеждами между Дмитрием и одним из его воевод и о внезапном появлении засадного полка, решившего исход битвы (они появятся в более поздних памятниках), но уже упоминался святой Сергий Радонежский как вдохновитель Дмитрия в войне с Мамаем (более ранние летописи об этом ничего не знали). Так же расширен и превращен в обширную повесть был и краткий рассказ предшествующей летописи о нашествии Тохтамыша в 1382 г. Дмитрию Донскому в его борьбе с Ордой было посвящено еще одно произведение, внесенное в летописание «сводом 1448 г.» — «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго».

Но как же должен был править этот русский царь? Тема эта явно намечалась в целом ряде известий и рассказов, помещенных (иногда из различных источников, а иногда и впервые) в «своде 1448 г.».

Сообщая об отношениях Новгорода с приглашенными туда князьями летописец неизменно напоминал о правах новгородцев «вводить» к себе князей и «показывать им путь», если они не соблюдают новгородский «наряд» (порядок, устройство) — своеобразную конституцию республики. Тема эта возникает именно в рассказе об установлении такого «наряда» — в 1136 г., когда был свергнут князь Всеволод Мстиславич. И далее систематически рассказывается о приглашениях князей: «введоша (ввели) в Новгород», и «приведоша (привели)», «посадиша (посадили) в Новгороде на столе (престоле)», и об изгнаниях их: «выгнаша» (выгнали), «показаша (показали) путь», «не приняша. . . по путь указаша». В ряде случаев рассказы о столкновениях новгородцев с князьями включают (как и рассказ о перевороте 1136 г.) подробные описания обстоятельств столкновения и тех проступков, которые ставились в вину неугодным князьям и их сподвижникам. Одни из них не соблюдали «наряда» с новгородцами, другие не удовлетворялись новгородским «столом» (престолом) и пытались «неправо» (несправедливо) приобретать «иные волости» (владения), третьи составляли «совет (заговор) зол» и т. д.

Впоследствии, в московском великокняжеском своде, использовавшем «свод 1448 г.», все эти известия были тщательно цензурованы. Чтобы представить себе характер этой цензуры, приведем ряд параллельных текстов:

Софийская I — Новгородская
IV летописи

1154 г. . . . изгнаша князя
Ярослава новгородьци, а посадиша Мьстислава Ростиславича. . .

1170 г. . . . выгнаша новгородьци князя Романа. . .

1179 г. . . . посадиша в Новгороде на столе Ярополка Ростиславича. . . показаша новгородьци путь князю Ярополку. . .

Великокняжеское летописание
второй половины XV века

1154 г. Изыде (ушел) князь Ярослав из Новгорода, а приде (пришел) Мьстислав Ростиславич. . .

1170 г. . . . выде (вышел) из Новгорода князь Роман. . .

1179 г. . . . Прииде в Новгород Ярополк, седе на столе. . . и выиде Ярополк из Новгорода. . .

1180 г. . . . новгородьци . . .
приведоша к себе князя Воло-
димера Святославича . . .

1180 г. . . . князь Святосла
прииде в Новгород и седе
на столе . . .

1181 г. . . . новгородьци . . .
приведоша к себе князя Воло-
димера Святославича . . .

1181 г. Прииде князь Влади-
мир Святославич в Новгород
и седе на столе (сел на пре-
стол) . . .⁵

Примеров таких известий, тщательно переправлен-ных более поздними летописцами, множество — они обнаруживаются вплоть до XV века.⁶ Почему велико-княжеские летописцы (см. правую колонку) цензуро-вали такие тексты, понять нетрудно. Но почему составитель «свода 1448 г.» (левая колонка) так тщательно отмечал все эти изгнания из Новгорода и приглашения князей? Он ведь был не новгородским, а общерусским летописцем — зачем же ему было об этом писать? Может быть, он просто переписал эти известия из новгородских источников, механически соединив их с общерусскими повестями о борьбе с Ордой? Нет, «Нестор XV века» отнюдь не был бездумным компиля-тором, соединявшим первые попавшиеся ему под руку материалы. Конечно, он пользовался новгородским летописанием за XIII—XV вв., но заимствовал из него лишь определенные, интересовавшие его известия (опу-ская обильный материал, связанный с внутренней жизнью Новгорода). Мало того — известия о защите Новгородом его прав он брал не только из дошедшей до нас новгородской летописи XIV—XV вв., но и из других источников. Так, под 1169 г. в «своде 1448 г.» была помещена неизвестная по более ранним летописям повесть о Знамени Богородицы во время похода вла-димиро-суздальского князя на Великий Новгород. Новгородцы вынесли на городскую стену икону бого-матери, однако это не удержало суздальцев от об-стрела города, и одна из стрел попала в икону; икона оборотилась «лицем на град» — на осаждавших нашла «тма» и «ослепоша (ослепли) вси». К краткому новго-родскому известию об отказе новгородцев принять очередного князя в 1177 г. добавлено очень важное заявление новгородцев князю: «Поди прочь, а мы себе князя добудем. Ты у нас будя (будучи), а иныя волости ищещи (стараешься приобрести) неправо (несправед-ливо)».⁷ Очевидно, что составителя «свода 1448 г.» интересовали не новгородские вольности сами по себе,

а незыблемость договорных отношений: нарушение новгородского «наряда», установленного еще в 1136 г., казалось ему таким же нарушением «правды», как и предательство киевского князя Святополка Окаянного или Олега Рязанского (во время Куликовской битвы) по отношению к братьям-князьям.

Наиболее ясно обнаруживается идеология «Нестора XV века» в повести о битве на Липице в 1216 г. Это было сражение между владими́ро-суздальской и объединенной новгородской и ростовской ратью, которой предводительствовал Мстислав Удалой, один из смоленских князей, княживший в маленьком Торопецком княжестве, но участвовавший во всех военных походах того времени, кончая первой битвой с татарами — на Калке в 1223 г. Но Калка была еще впереди, а на Липице новгородцы во главе с Мстиславом одержали блистательную победу над владимирцами. Именно поэтому о битве на Липице ничего не сообщало до «свода 1448 года» владими́ро-московское летописание, а в Новгородской I рассказывалось кратко. «Свод 1448 г.» создал на основе краткого новгородского и других источников целую повесть об этой битве, где сочетались обе любимых темы летописи: недопустимость войн между братьями-князьями и незыблемость новгородских вольностей. Владимиро-суздальские князья не только не уважали прав Новгорода; они лишили также своего старшего брата, ростовского князя, престола его отца. В повести появляется и совершенно новый персонаж — боярин с многозначительным именем Творимир, заявляющий владимирским князьям, что по его «гаданию» (мнению) им «лучше бы мир взяти и дати старейшинство (верховную власть)» старшему брату. Таким же носителем «правды» выступает и главный герой повести — уже воспетый новгородскими летописцами князь Мстислав Удалой. Увидев, как новгородские и смоленские «пешци» бесстрашно нападают на владимирское войско, он восклицает: «Не дай бог выдати. . . добрых людей», — бросается в битву и наголову разбивает суздальцев.⁸

Перед нами, таким образом, как раз упомянутая в предшествующей главке правовая концепция — «договорное сознание», — почитание договора и скрепляющего его ритуала, которое было характерно для многих стран западноевропейского средневековья и се-

вернорусских республик Руси. В данном случае она отразилась в общерусском летописном своде, проникнутом идеей национального единства. Мы не знаем имени «Нестора XV в.» — митрополичьего летописца, трудившегося где-то «в пути», вне Москвы и думавшего о судьбе всей Русской земли. Однако идеи эти были достаточно определены и конкретны: единство Руси на договорной основе с признанием прав отдельных земель. Это, видимо, и была та политическая программа, которая сложилась у русских книжников, размышлявших в годы «великого нестроения» над будущим своей страны.

Страна возвращалась к мирной жизни. На московском престоле сидел великий князь, власть которого более не оспаривалась. С 1448 года на Москве появился и митрополит: Василий Темный, простив Ионе его службу Шемяке, решил созвать собор епископов, избравших Иону митрополитом. Правда, избрание это даже не было представлено на утверждение константинопольскому патриарху, в связи с чем Иону не признавали главой церкви многие видные иерархи. Но вскоре совершилось событие, после которого патриаршее благословение стало — по крайней мере на некоторое время — не столь уж важным для митрополии. Турецкий султан Мухаммед II в 1453 году взял Константинополь. Патриархия раскололась: один патриарх, признавший унию с «латинами», бежал в Рим, другой остался в завоеванной турками столице, ставшей отныне Стамбулом. Церковные деятели Западной Руси пребывали в некоторой растерянности: часть из них склонна была признавать авторитет бывшего митрополита Исидора и его ставленника, другие соглашались признавать авторитет московского митрополита. Колебались и новгородцы, еще недавно помогавшие Шемяке.

В 1456 г. Василий Темный пошел походом на Новгород. Поход был удачным, но мир, заключенный в селе Яжелбицы, в значительной степени был компромиссным. Великий князь обязался «держати» Новгород «в старине, по пошине (обычаю), без обиды», не судить, «пи волостей раздавати, ни грамот давати» без участия посадника. Подтверждалась неподсудность новгородцев судьям «на Низу» — в Москве или других владими́ро-суздальских землях; судить их можно было только в Новгороде. Сохранялись прежние границы,

и порубежные города — Вологда, так же как Волон Ламский, — вновь признавались новгородскими землями.⁹

Еще более мирными оказывались отношения с наиболее могущественным после московского русским князем — тверским. Тверской великий князь Борис был теперь связан с Москвой родственными узами: во время борьбы с Шемякой Борис уговорил Василия Темного обручить его семилетнего сына Ивана со своей столь же маленькой дочерью Марией; в 1452 г. (когда Ивану III было двенадцать лет) они поженились. Тверской придворный писатель, инок Фома, в «Похвальном слове» Борису именовал московского и тверского князей не иначе, как «братьями» — вполне в духе «Нестора XV века».

У жителей разоренной страны, все еще живущей под страхом возобновления внутренних войн и внешних нападений, стали зарождаться — пусть робко и неуверенно — надежды на то, что уроки «великого нестроения» не пройдут даром, что они приведут к установлению каких-то новых и лучших порядков.

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ КНИГОПИСЕЦ

Загадки Ефросина

Рассказ о Ефросине мы начнем не с его рукописей, не с древних памятников, а с произведения современной художественной литературы. Несколько лет тому назад известный итальянский филолог Умберто Эко написал приключенческий роман «Имя розы». Здесь есть все, чему положено быть в произведении такого жанра: множество загадочных событий, полдюжины тайных убийств и в заключение — пожар, гибель людей и сокровищ. Есть и герой, раскрывающий в конце концов загадку убийств, хотя и не успевающий предупредить их. Имя его, правда, звучит довольно знакомо и едва ли не пародийно — монах-англичанин брат Уильям Баскервилль, предок или однофамилец командойлевского персонажа. Крайне необычно, однако, время и место действия романа. Время — XIV век, «осень» западного средневековья и Возрождение в Италии, место — североитальянский монастырь с великолепной, лучшей в тогдашней Европе библиотекой.

Вот вокруг этой-то библиотеки и разворачиваются главные события романа. Гибнет писец-миниатюрист, рисовавший странные и фантастические инициалы и заставки в рукописях, погибают переводчик греческих и арабских сочинений, помощник библиотекаря и в конце концов сам главный библиотекарь. Смерть этих людей оказывается неслучайной. Спор, породивший все эти несчастья, касается одного вопроса: дозволено ли монахам читать мирские книги? В окружающем мире бушуют страсти: еще не разысканы и не истреблены приверженцы крестьянско-плебейского вождя Дольчино, требовавшего ниспровержения всех властей, духовных и светских, уничтожения собственности и установления всеобщего равенства. А между тем в библиотеке хранятся самые разнообразные рукописи и в числе их светские, языческие, греческие и латинские

и такие, которые вызывают смех и не подобающее монастырю веселье. Человеком, по вине которого погибает большинство персонажей, оказывается Хорхе, слепой монах-испанец, нашедший радикальный способ не допустить чтения запретных рукописей, укрытых в библиотеке в особом, тайном месте. Он пропитывает страницы таких рукописей сильнейшим ядом, и нескромные монахи, которые пытаются прочесть их, погибают от отравы. По мнению Хорхе, это наиболее верное средство спасти души любопытных монахов от вечной гибели из-за вредных книг, порождающих критическое и насмешливое отношение к миру. Свои воззрения Хорхе излагает в беседе с Баскервиллем — еще до того, как последний разгадывает причину гибели монахов-книжников. Хорхе ссылается на Иоанна Златоуста, учившего, что Христос никогда не смеялся:

— Дух безмятежен лишь тогда, когда он созерцает истину и удовлетворяется достижением блага, и не подобает смеяться над истиной и благом. Вот почему Христос не смеялся. Смех возбуждает сомнение, — заявляет Хорхе.

— Но иногда следует сомневаться, — возражает ему более терпимый брат Баскервилль.

— Не вижу в этом смысла. Вступив на путь сомнений, ты можешь обратить его против властей, против учений отцов церкви и богословов, — настаивает Хорхе.¹

Перед нами как раз те споры о допустимости проникновения смеха в «большую литературу и высокую идеологию», которые упоминал М. М. Бахтин.

Исследователю русской письменности XV века эти споры не могут не показаться знакомыми. И в русских монастырях того времени стали переписываться наряду с церковными также и мирские, совсем не благочестивые памятники; даже в богослужебных книгах появлялись забавные и сугубо мирские заставки. Инициал (заглавная буква) в священном тексте «Рече господь. . .» изображал человека, обливающегося водой в бане, инициал «М» оказывался изображением двух рыбаков, тянущих сеть и бранящихся между собой:

— Потяни, корвин (сукин) сын!

— Сам еси (ты) таков!

«Чрез тын пьют, а нас не зовут!» — записал один из писцов на полях книги. «О, господи, дай мне живу

быть хотя 80 лет, пожедай (пожелай) мне, господи, сего пива напиться», — записал другой.²

Русских защитников благочестия такая склонность к смеху и балагурству возмущала не менее, чем их западных собратьев. Как и на Западе, русские обличители «глумов» (насмешек) и смеха ссылались на Иоанна Златоуста, чей авторитет на православном Востоке был особенно высок. Отвергая всю эллинскую философию как «трипенежную» (трехгрошовую), ничего не стоящую по сравнению с единственно верным апостольским учением, Златоуст резко осуждал любые зрелища, игры, веселье. «Блаженны плачущие», — вновь и вновь напоминал Златоуст евангельские слова и вопрошал «творящих» смех, где они слышали, чтобы Христос когда-нибудь смеялся? «Нигде же!» «Множицею» (многократно) видели его плачущим или «посупленным» (насупленным), смеющимся же или «склабящимся» (улыбающимся) — никогда: «Не бог дает играти, но диавол».³

«Глумы» и насмешливое отношение к жизни осуждал и Иосиф Волоцкий. Нет ничего «безстуднейши» (бесстыднее) «глумы творящего» (насмешника), заявлял он. Ссылаясь на того же Златоуста, волоколамский игумен с возмущением рассказывал о философах, которые учили насмешкам нищих и юных:

— Примите, дети, да никогда прогневается чрево (чтобы не обидеть желудок)! — возглашал один из них, подняв пиршественную чашу.

— Горе тебе, мамона (богатство), и не имущим тебе (и тем, кто тебя не имеет)! — восклицал другой.⁴

В другом сочинении Иосиф Волоцкий призывал:

— Да будет ти (тебе) горько неполезных повестей послушание (слушание, чтение)!

Он советовал обращаться к «медвяным» (медовым) сотам: сочинениям «святых мужей» и «божественным писаниям». «Послушание» книжниками XV века «неполезных повестей», несомненно, смущало русских ревнителей благочестия потому, что оно порождало «мнение» — т. е. мнение собственное, не предусмотренное писанием: «Мнение — второе падение. . . Всем страстям мати (мать) — мнение».⁵

Против кого же были направлены эти обличения? Смех никогда не был и не мог быть изгнан из русского быта: древняя Русь знала и «святочный» и «пасхаль-

ный» смех; XIV век был временем расцвета «тератологического» (чудовищного, фантастического) орнамента и широкого распространения неблагочестивых книжных инициалов. Но в XV веке роль смеха в книжной культуре стала иной, чем прежде: с одной стороны, с ним стали решительно бороться; появились поучения против «глумов», проклятия книжникам, пишущим посторонние надписи «по полям», исчезают балагурные заставки и записи.⁶ Но, с другой стороны, «смеховая» тематика, изгнанная с полей книг, начала зато перемещаться на их тексты. Вторая половина XV в. — время широкого распространения светской письменности, и виднейшим любителем и переписчиком этой литературы, сохранившим ее для потомков, был плодовитый книгописец того времени — инок Ефросин.

О кирилло-белозерском книжнике Ефросине ученые знали еще в XIX веке. Они изучили состав нескольких его рукописей, опубликовали некоторые сочинения по спискам Ефросина. Но сборники его как цельные памятники не были предметом внимания: чем именно отличались его сборники от множества других и что за человек был создатель этих сборников, они не думали. А ведь ефросиновские сборники — это не случайные рукописи, где содержалось то, что было поручено изготовить писцу или попало ему под руку. Ефросиновские сборники — книги личной монашеской библиотеки, специально и с любовью подобранной.⁷

Что же по-настоящему привлекало Ефросина в письменности того времени?

Состав памятников, собранных этим книгописцем, был многообразен; среди них было немало богослужебных, церковно-учительных и церковно-полемических сочинений. Но главной особенностью, отличающей сборники Ефросина от основной массы сборников XV—XVI вв., предметом его настойчивого и постоянного внимания были памятники, чрезвычайно редко встречающиеся в других сборниках, как раз те «неполезные повести», против которых предостерегал волоколамский игумен, сочинения, вызывавшие не столько благоговейные чувства, сколько «глумы» и смех.

И главное: Ефросин не только искал и находил такие памятники, переписывал их сам или с помощью других, но и редактировал их — весьма тщательно. Он специально подбирал памятники на некоторые из-

любленные им темы (разные «Александрии» — повести об Александре Македонском, сказания о счастливых народах, о «злых женах» и т. д.), писал к ним заголовки, сокращал и дополнял тексты.

Уже в древние, домонгольские, времена на Руси появились индексы (списки) запрещенных, т. е. «отреченных», «сокровенных», «ложных», «злых» и даже «еретических», книг; с XIV в. эти индексы стали пополняться книгами, имевшими хождение на русской почве. В состав индексов входили библейские апокрифы, т. е. памятники, связанные с Ветхим и Новым заветом, но не включенные в канонический (признанный церковью) текст Библии, — такие, например, как «О древе райском и лбе Адамле», «О Христе, како в попы поставлен», «Епистолия о неделе» (послание Христа в Иерусалим), «Никодимово евангелие» и т. д. К этим апокрифам примыкали отмеченные в индексах как особо вредные «басни и кощуны» (шутовские сочинения) о царе Соломоне и «дивием» (диком, дивном) звере Китоврасе (кентавре). Встречались в сборниках и запретные гадательные сочинения, например «Творение пророка Ездры» (калядник).

Перечень «отреченных» книг был отлично известен Ефросину — он несколько раз переписал его в своих сборниках. Но в тех же самых сборниках, где он выписывал индексы, Ефросин помещал как раз «ложные и отреченные книги», этими индексами запрещенные. Переписывал он и гадательные книги, «мирские» (средневековые, не входящие в Библию) псалмы.⁸

Особенно любил Ефросин одну из «ложных» книг — «басни и кощуны» о Соломоне и Китоврасе. Он обращался к ним несколько раз; поместил в своем сборнике и неизвестную по другим рукописям легенду о Китоврасе, где рассказывалось, что этот «борзый зверь», спускаемый ревностью, «жену во ухе носил». Но и это не помогло Китоврасу: «жена его сказала юноши, любовнику своему», как поймать «борзого зверя»; его заманили к «кладязем», куда предварительно налили вина, и, опьяневшего и уснувшего, доставили царю Соломону. Сказания о Соломоне и Китоврасе, которые переписывал Ефросин, во многом перекликались с популярнейшими западными рассказами о Соломоне и его собеседнике Моркольфе (Морольфе, Мархольте). Как и русский «Соломон и Китоврас», «Соло-

мов и Маркольф» включался западными иерархами в число недозволенных книг. В западных сказаниях Маркольф — не сказочный зверь, а грубый человек — «простак», мужик, однако роль его в значительной степени сходна с ролью Китовраса: он состязается с Соломоном в остроумии и обычно побеждает его, противопоставляя высоким идеалам царя, в частности его преклонению перед женщинами, грубое, основанное на жизненном опыте отношение к ним. Так же ведет себя и «дивий зверь» Китоврас: он не боится спорить с царем, грубо, но остроумно побеждает его в спорах, говорит притчами, загадывает трудные загадки.⁹

Другим памятником, несколько раз отразившимся в сборниках Ефросина, были запрещенные индексами «вспросы (вопросы) и ответы», кем-то приписанные трем отцам церкви, — Василию Кесарийскому, Иоанну Златоусту и Григорию Богослову, так называемая «Беседа трех святителей». Памятник этот, история бытования которого на Руси (начиная по крайней мере с XV века) еще по настоящему не изучена, представлял собой сборник вопросов и ответов (от имени «трех святителей») на библейские темы. Он мог поэтому рассматриваться как своеобразное пособие по изучению Библии, дающее возможность монахам и другим благочестивым читателям соревноваться в том, кто лучше знает священные тексты. Но уже с давних времен к благочестивым вопросам стали присоединяться шуточные, а то и вовсе неблагопристойные. На Западе поэтому такие вопросы стали именоваться «*Joca monachorum*» — «Монашеские игры» и считались нескромными. Вот примеры этих вопросов: Кто имеет «два рождения», ни разу не крещен, «а всем людям пророк показася (оказался)?» Отгадка: петух, рождающийся дважды (в яйце и выйдя из него) и возвещающий людям грядущий день. «Кто поп не поставлен, диакон отметник, а певец — блудник?» Ответ: «не поставленный» поп — Иоанн Предтеча, не бывший священником, но крестивший Христа; «диакон отметник» — апостол Петр, трижды от него отрекавшийся; «певец — блудник» — царь Давид, певший псалмы, но соблазвивший жену своего полководца, посланного на смерть. Внук говорит бабке: «Положи мя^ф (меня) у себе», бабка отвечает: «Како ты положу?», ссылаясь в одном варианте на то, что она еще «дева» (девица), а в другом варианте на то,

что «ты мне отец». Разгадка: в первом варианте земля и Авель, который лег в землю, бывшую до этого девственной (в ней еще не было человеческой плоти), во втором — земля и Христос, создавший ее.

По воле создателей «Беседы трех святителей» обличитель «глумов» Иоанн Златоуст (наряду с Василием Великим и Григорием Богословом) оказывался, таким образом, отчаянным «глумотворцем».

Ефросин не включал в свои сборники «Беседу трех святителей» полностью, но приводил ряд вопросов из нее. И вот что любопытно: из семи приведенных им цитат четыре явно относились к «глумам». Это загадка о «пророке» — петухе, непоставленном «попе», «диаконе-отметнике» и «певце-блуднике», и дважды — особенно нескромный диалог внука и бабки.¹⁰

Все это не значит, что Ефросин был некрепок в вере и враждебен церкви. Нет, его просто привлекали самые разнообразные «писания», в том числе и те, которые относились ревнителями благочестия к числу «пребожественных», к «смехотворению» и «глумам». «Глумы» и смех осуждались Иосифом Волоцким и его единомышленниками потому, что они порождали собственное «мнение», а «мнение — второе падение». «Сего в зборе не чти (не читай), ни многим являй», — приписал Ефросин к одному памятнику, запрещенному индексами.¹¹ Это не было лишь указанием на то, что данный памятник не годится для чтения в «зборе» (собрании) — например, для чтения вслух во время церковной трапезы. Переписанное им сочинение Ефросин не только советовал не читать вслух, но и не показывать «многим». Однако сам он, предостерегая других, переписывал такие сочинения, и не однажды, а (по его собственному признанию) по несколько раз.

Могла ли такая деятельность остаться без последствий? Не грозили ли Ефросину и подобным ему книгописцам опасности и беды, если не такие, как в романе Умберто Эко, то иные — более обыкновенные? Дошедшие до нас сведения о жизни Ефросина весьма скудны, но одно обстоятельство следует отметить: к 90-м годам относятся последние его записи на одном из его сборников, а после этого имя его совершенно исчезает из каких бы то ни было памятников. До этого времени, начиная с 1470 года, записи его в сборниках появляются довольно регулярно; в грамотах Кириллова монастыря

ВЪ ПАЛІЖИ МЕНА ДА ПР
 КТОШЕ ВЕЩЕ УТЕТЬ ОБЕД
 СТЕТАШЕ ОБЕТИ МАТЕСА
 ТИ ПІДЖЕ ВІАНЦІ КИ ПІА
 ІТИ ПІОТІ ІНДАЖІАТЪ
 ІНОЩЕ ДОВЕБІ ІНА ПІА
 І ПІ ПРІОТІ ПІА ПІА ПІА
 І МАГІ ПІОТІ КЛАМІ ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА
 І ПІА ПІА ПІА ПІА ПІА

«Счастливые рахманы». Миниатюра из Хроники Амартола.

упоминался в качестве «послуха» (свидетеля) «старец» и «поп» Ефросин; в 1477 году, как мы узнаем из его собственной записи, он оставил монастырь. Впоследствии он, очевидно, вернулся обратно — во всяком случае, все его сборники, включая и те, которые были написаны в начале 90-х годов, сохранились только в Кирилловом монастыре. Но что стало с ним после 90-х годов? Когда и как закончилась его книгописная деятельность и весь жизненный путь?

Это остается неизвестным. Но то, что мы узнаем о Ефросине, изучая его сборники, порождает новые, еще более важные вопросы. Сопоставление текстов Ефросина с их источниками, аналогичными текстами в других рукописях, позволяет обнаружить не явные, по весьма интересные и неожиданные свидетельства о необычных и даже опасных воззрениях книгописца.

В особенности это относится к «Слову о рахманах и предивном их житии», читающемся в одном из ефросиновских сборников.

О блаженных «нагомудрецах», «рахманах» (брахманах), живущих на юге, близ рая, Ефросин писал не раз. О рахманах повествовали, например, два помещенных Ефросином сочинения об Александре Маке-

донском — «Александрии». В обеих «Александриях» Александр встречался с нагомудрецами — рахманами, потомками Сифа, добродетельного сына Адама, не заботящимися о «земных» делах и отказывающимися от щедрых даров, которые предлагает им царь, ибо у них и так есть все, что нужно для жизни. На одной из «Александрий» Ефросин сделал особую приписку о рахманах: «Рахманы — Сифово племя, не согрешили богу, близ рая живут». Поместил Ефросин также два отдельных сказания о рахманах, в том числе уже упомянутое «Слово о рахманех и предивном их житии».¹²

Источник этого «Слова» установить как будто нетрудно. Его можно отыскать даже в составе того же самого ефросиновского сборника. Это рассказ из переводной греческой хроники Георгия Амартола (IX в.). Текст, точно следующий Амартолу, и дополненный текст, читающийся в другом месте книги, при сличении оказались сходными; различия — только в дополнениях. Но в каких!

Вот как описывается жизнь рахманов у Амартола и в дополненном тексте (отличия отмечаем курсивом):

Амартол

В них (у них) же несть (нет) ни четвероножины (четвероногих), ни ролыи (пашни), ни железы, ни создания (зданий), ни огня, ни злата, ни сребра, ни вина, ни порт (одежд), ни мясоядения, ни ино дело некоторое же (ни какого-либо другого дела), ли на насыщение текуть (не стремятся к насыщению).

Ефросин

В них же нет ни четвероногих, ни земледелия, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни злата, ни сребра, ни вино, ни мясоядения, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни вълмож, ни татбы, ни разбоя, ни игр, ни на насыщение текуть. . .¹³

О том, что рахманы живут среди неоскудевающих «овощей» и поэтому не пашут, не сеют, не пьют вина, не едят мяса, не владеют золотом и серебром, рассказывалось и у Амартола. Но в ефросиновском рассказе рахманы оказывались избавленными также и от царя и вельмож, от храмов и риз, у них не оказывалось ни купли, ни продажи, между ними не было зависти, татьбы (краж) и разбоя, свары и боя (сражений, войн).

Перед нами не просто рассказ о счастливых землях, а скрытая за ним утопия, и притом самая радикальная

из утопий, известных древней Руси. И главное: отмеченные нами наиболее смелые черты легенды о рахманах — отказ от царей и вельмож, купли и продажи — представляют собой уникальную, нигде более не встречающуюся интерполяцию в переводном тексте Амартола, аналогичную тем вставкам, какие Ефросин делал в других памятниках, — оригинальный текст, возникший на русской почве. Конечно, мечтать о стране без царей и вельмож не значило призывать к их низвержению. Но даже и размышления на эту тему представляются достаточно необычными для древнерусского книжника — особенно если исходить из уже упомянутого привычного взгляда на людей древней Руси как на людей «традиции и почвы», твердо приверженных вере отцов и наряду с нею к монархическому началу, воплощенному в таких образах, как Владимир Красное Солнышко, Владимир Мономах или Александр Невский. Не странная ли это фигура: древнерусский писатель, не просто переписывающий греческие легенды о счастливых рахманах, но дополняющий их утопией о стране без царей и вельмож?

«Мнение», эта «всем страстям мать», завело Ефросина, как видим, достаточно далеко — туда же, куда его западных собратьев, подобных Дольчино, упомянутому в романе Эко. Правда, читатель, скептически настроенный по отношению к утопиям, может обнаружить в интерполяциях к «Слову о рахманах» один недостаток, вообще довольно характерный для утопий. Создатель русской редакции памятника смело расширил круг предметов, которых не было у рахман, но весьма неопределенно описал устройство жизни в их стране — здесь он просто сохранил рассказ Амартола. Этот негативный характер русской утопии XV века недавно, после того как ефросиновский текст «Слова о рахманах» был опубликован, привлек внимание историка русской общественной мысли, который не без иронии заметил, что создателю русской версии «Слова о рахманах», подобно персонажу М. А. Булгакова, «отвечающему на вопросы сатаны, труднее сказать, что есть в этой стране. . .» Вспоминая Булгакова, автор имел в виду, очевидно, язвительное замечание Воланда Берлиозу и Ивану Бездомному в «Мастере и Маргарите»: «. . . что же это у вас, чего не хватишься, ничего нет!»¹⁴

Существовала ли у наиболее смелых мыслителей России XV века какая-либо политическая программа — позитивный идеал, который они могли бы противопоставить не удовлетворявшей их действительности? Известны ли были такого рода идеи Ефросину и отразились ли они как-либо в его сборниках? Разделял ли он их? Попробуем ответить на эти вопросы в следующих главах.

Пока же перечислим то немногое, что мы знаем о человеке, рукою которого были написаны названные здесь памятники. Он жил во второй половине XV века, вплоть до 90-х годов — к этому времени относятся все дошедшие от него сборники. Почти все они сохранились в библиотеке монастыря, где он был монахом. Это был монастырь Успения Богородицы, расположенный недалеке от Белого озера — на небольшом Сиверском озере, — монастырь, который принято называть по имени его основателя Кирилловым Белозерским.

На Белозерской земле. Между Москвой и Новгородом

Итак, данные, которые дошли о составителе интересующих нас сборников, прежде всего географические.

Кириллов монастырь был основан в необычном месте — далеко на север от Москвы (еще более отдаленного Соловецкого монастыря тогда не существовало), но все же не на самой северной из русских земель — не на новгородской, а на московской, великокняжеской.

Входивший в состав той обширной территории, которая была отделена от Москвы и всей Владимиро-Суздальской земли средней Волгой и которую москвичи и владимирцы именовали «Заволжьем» (хотя от Волги многие из этих земель отстояли на несколько сотен верст), Белозерский край примыкал к новгородским северным землям, простиравшимся до «Дышучего моря» — Белого моря и Ледовитого океана. Сухопутная дорога с Белого озера на Москву шла через Вологду, находившуюся к юго-востоку от Кириллова.

Чье это было владение? По всем московско-новгородским договорам Вологда считалась новгородским

городом (хотя Шемяка не затруднился в 1446 г. «пожаловать» ее Василию Темному). Принадлежность Вологды Новгороду была подтверждена и Яжелбицким миром 1456 г. Но, окруженное с трех сторон новгородскими землями, Белозерское княжество уже с XI века находилось под властью ростово-суздальских князей; правили здесь потомки одного из ростовских князей, трагически погибшего в борьбе с Батыем.

С конца XIV в. Белоозеро переходит под московскую власть: в завещании Дмитрия Донского, составленном незадолго до его смерти в 1389 г., Белозерское княжество упоминается вместе с двумя другими — Галичем и Угличем, как «купля» (покупка) деда Дмитрия — Ивана Калиты (1325—1340), но в завещании самого Ивана Калиты и его преемников Семена Гордого (1340—1353) и Ивана Красного (1353—1359) нет ни слова об этой и двух остальных «куплях». Уже много лет историки спорят о загадочном месте завещания Дмитрия Донского: одни пытаются найти какое-то объяснение тому, что таинственные «купли», не известные более ранним источникам, обнаружались только в конце XIV века,¹ другие видят в этом сообщении сознательное искажение истины, призванное объяснить насильственное присоединение Белоозера и двух остальных княжеств Дмитрием.² Несомненным фактом остается, во всяком случае, то обстоятельство, что еще при Дмитрии Донском белозерские и галицкие князья были вполне независимы от великих князей московских и даже поддерживали их противников в междоусобной борьбе. Когда главный соперник Дмитрия Донского в борьбе за великое княжение Владимирское, князь Суздальско-Нижегородский получил от хана ярлык (грамоту) на владимирский престол, его союзниками выступали «князь Иван Белозерец» и галицкий князь. Дмитрию пришлось начать войну с Белоозером и Галичем и свергнуть белозерского и галицкого князей с их престолов.³ По завещанию Дмитрия Донского Белоозеро вместе с очень далеким от него Можайском досталось в 1389 г. его сыну Андрею Дмитриевичу, лишившийся престола прежний белозерский князь стал наместником Андрея на своих же наследственных землях.

Разные — политические, бытовые и культурные — традиции сталкивались на северной Белозерской земле.

В соседней Новгородской республике власть официально принадлежала вече — собранию полноправных граждан города. Это, конечно, не означало, что вече реально управляло Новгородской землей: правили посадники — «степенный», избравшийся на общегородском вече раз или два в год, «старые посадники», посадники отдельных «концов» (районов) города, тысяцкие — выборные предводители городского ополчения, купеческие старосты — все они составляли «совет господ», соответствовавший сенату западноевропейских городов. Так же как в западноевропейских городских республиках, важнейшую роль в Новгороде играли соперничавшие между собой знатные фамилии, но так же как и на западе, аристократические «шартии», борющиеся за власть, опирались на рядовых горожан — «черных людей», и «черные» благодаря этому весьма активно участвовали в политической жизни республики.

Договорное устройство Новгорода означало не реальную законодательную власть веча, а лишь то обстоятельство, что важнейшие государственные акты требовали утверждения «Господина Великого Новгорода», как официально именовался собравшийся на вече народ. Такое торжественное именование «злых тех смердов, убийц, шильников и прочих безименных мужиков», особенно возмущало в XV веке московских летописцев. Приглашение князей в Новгород регулировалось особыми строго обозначенными условиями и князьям столь же регулярно «указывали путь» — изгоняли из Новгорода тех, которые этим условиям не удовлетворяли.

Новгородское политическое сознание создало даже образ идеального князя — полководца, прошедшего всю жизнь в военных походах, от времени до времени приглашаемого в Новгород и свято соблюдавшего условия договора с городской республикой. Это был герой битвы на Липице 1216 г. Мстислав Удалой. В Новгород Мстислав являлся обычно в тех случаях, когда городу грозила беда, а затем уходил, заявляя:

— Суть ми орудия (есть у меня дела) на Руси, а вы вольны во князех.

Иногда он приглашал новгородцев принять участие и в военных походах на Киев; во время одного из таких походов новгородцы, поссорившись с земляками Мсти-

слава — смолянами, решили было покинуть войско Мстислава и вернуться домой. Что же стал делать Мстислав? Он, как с явным восхищением повествует новгородский летописец, не выразил негодования против такого самоуправства, уважая права новгородцев, самым дружеским образом попрощался с покинувшими его воинами, «целовав всех, поиде, поклонився». Щепетильное соблюдение князем (даже во время похода) договорного ритуала поразило новгородцев. Они, «створивше вече о себе», стали совещаться.

— Братье новгородци! Яко же преже сего страдале (трудились, радели) деде наши и отци за Рускую землю, тако, братья, и мы пойдём по своему князе, — заявил в конце концов посадник Твердислав, и поход продолжался.

Новгород не только походил на западноевропейские города по своему политическому устройству, но и имел тесные торговые и дипломатические связи со многими из них. В первую очередь это были немецкие города Прибалтики, объединившиеся к XIV в. в Ганзейский союз — Любек, Гамбург, Росток, Штральзунд. Новгород не был полноправным членом Ганзы — здесь, как и в Лондоне и в нидерландском Брюгге, находилась лишь одна из ганзейских контор — однако немецкие и другие иностранные купцы приезжали сюда постоянно.

Именно в Новгороде или в соседнем Пскове создавались рукописи, заглавные буквы которых изображали моющего в бане человека, ругающихся рыбаков, пьяницу, скомороха. Развивалась в Новгороде и богатая эпическая традиция, сложившаяся еще в домонгольские времена. Об этом особенно красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что в новое время были — как новгородские, так и древние киевские — сохранялись в живом исполнении почти исключительно на северных землях древней Новгородской земли.

Совсем по-другому жили и управлялись земли Владимиро-Суздальской Руси. Веча как постоянного института здесь давно уже не было; народ «собирался вечем» лишь в исключительных случаях — во время восстаний. Так было в 1327 г. в Твери, когда, восстав против ханского наместника Щелкана (Шевкала, Чолхана), «ударил в колоколы, и сташа вечем, и поворотися град весь»; так было и в Москве в 1382 г. при

нашествии Тохтамыша. Единственным должностным лицом в Москве, в какой-то степени независимым от великого князя, был предводитель городского ополчения — тысяцкий, но после смерти последнего московского тысяцкого Василия Вельяминова, не раз ссорившегося с князем, великий князь Дмитрий (будущий Донской) совсем отменил должность тысяцкого.

С семьей Вельяминовых, претерпевших немало обид в конце XIV века, был связан и бывший архимандрит московского Симонова монастыря Кирилл, пришедший около 1397 г. на Белоозеро. Рано оставшись сиротой, юный Косма — будущий Кирилл — воспитывался в доме своего «сродника», окольного Тимофея Васильевича Вельяминова, брата последнего тысяцкого, а потом стал у него казначеем. Смерть Василия Вельяминова и отмена должности тысяцкого произошла уже при Косме; тогда же бежал в Тверь и Орду, был захвачен и казнен племянник Тимофея (сын последнего тысяцкого) Иван Вельяминов. Именно в эти трудные для Вельяминовых годы Косма и постригся в монахи под именем Кирилла; на Белоозеро он явился уже немолодым, хорошо знавшим службу монахом.⁴

Кирилл несомненно понимал, что положение Белоозерского княжества, с которым он отныне связал свою деятельность, было совсем не легким. Уже в 1397—1398 и 1401 гг., как раз тогда, когда он основал свой монастырь на Белоозере, в соседней Двинской земле шла война между сыном Дмитрия Донского, великим князем Василием Дмитриевичем, пытавшимся присоединить эту землю, и Новгородом. Великий князь дважды потерпел поражение. В ходе этой войны новгородцы заняли столицу Белоозерского княжества. И московские воеводы вынуждены были «быть челом» новгородцам. Василию Дмитриевичу пришлось признать исконность новгородской власти на севере. Но не только столкновения между Москвой и Новгородом сказывались на Белоозерской земле — в самом Московском княжестве началась борьба за власть между малолетним Василием II, за которым стоял митрополит, и его дядей — Юрием Галицким. Когда же, не подчинившись митрополиту, Юрий «отъехал» в Галич, опекуны малолетнего Василия II послали «вдогонку» за отъехавшим князем его брата князя Андрея Дмит-

риевича Белозерского с двенадцатью с половиной тысяч войска, по Андрей, не дойдя до «брата, князя Юрья. . . воротился». Один из летописцев прямо писал, что Андрей Дмитриевич поступил так, «норовя (угождая) брату своему болшему князю Юрью».⁶

Как же вел себя в этой обстановке основатель монастыря на Белозерской земле? Житие Кирилла и более поздние памятники, написанные много лет спустя, когда Кирилл Белозерский был уже признан святым, включали его наряду с митрополитом Алексеем, Сергием Радонежским, в число «благих советников» великого князя Московского и объясняли его уход на север желанием соблюдать «безмолвие», избегая владения «селами» (монастырскими земельными угодьями). Однако современные Кириллу памятники — документы, созданные в монастыре еще при жизни его основателя, — рисуют совсем другой образ Кирилла.

Создание монастыря на севере вовсе не означало для упедшего из Москвы инока окончание его трудов и начало тихой отшельнической жизни. Напротив, первое, чем стал заниматься Кирилл на Белоозере, было приобретение соседних земель. Земли эти монастырь покупал или получал в дар. В последнем случае монахи в течение ряда лет молились о спасении души дарителя. Всего от времени Кирилла до нас дошло 45 таких купчих и «данных» грамот.⁶

Забываясь о расширении и укреплении своего монастыря, Кирилл не мог стоять в стороне от междукняжеских споров тех лет. Кому подчинялся его монастырь? Его официальным патроном считался архиепископ Ростова Великого, находившегося за сотни верст от Кириллова монастыря, гораздо ближе к Москве. Но власти этого духовного патрона Кирилл мог противопоставить власть светского государя — князя соседнего Белоозера. А этим князем был Андрей Дмитриевич, тот самый, который, как мы уже видели, не помог своему племяннику Василию II, вступившему на великокняжеский престол в 1425 г., «норовя» его сопернику Юрию. Кирилл был уже болен в те годы и пережил Василия I всего на два года, но он успел оставить один весьма красноречивый документ, свидетельствующий о политической позиции основателя Белозерского монастыря.

Это — «духовная», завещание Кирилла, составленное им перед смертью, когда он впал в «частые и раз-

личные болезни». Свой монастырь он передавал под покровительство Андрея Дмитриевича Белозерского и Можайского, именуя его при этом необычным титулом — «великого князя»: «Предаю монастырь — труд свой и своей братии — богу и пречистой богородици. . . и господину князю великому, сыну своему Андрею Дмитриевичю. . . А тебе, господина князя великаго, сына моего, Андрея Дмитриевича. . . в всем бог простит и благословит. . . Господине и господине князь великий Андрей Дмитриевичь, много молю тя. . .» Такое настойчивое употребление великокняжеского титула при обращении к Андрею Белозерскому вовсе не было случайным. В грамотах, написанных в предшествующие годы, Кирилл точно и в соответствии с официальной московской традицией именовал Василия I (которого он призывал в 1399—1402 гг. примириться со своими соперниками — суздальскими князьями) «князем великим», а его братьев-вассалов Андрея Дмитриевича и Юрия Дмитриевича просто «князьями». Впоследствии, приводя текст завещания Кирилла, автор его жития тщательно исправлял в нем титул Андрея, ставя всюду вместо «великого князя» просто «князя». Необычная титулатура в духовной Кирилла свидетельствовала о его особом сочувствии Андрею Дмитриевичу, занявшему, как мы видели, особую, весьма независимую позицию в ходе борьбы за великокняжеский престол в Москве.

Но почему все-таки Кирилл в своем завещании назвал Андрея Дмитриевича Белозерского, едва ли претендовавшего на московско-владимирский престол, «великим князем»?

«Великими князьями» именовались на Руси конца XIV—начала XV века не только князья московские, владевшие владимирским великокняжеским престолом. Так же звались и тверские и суздальско-нижегородские князья, уже утратившие власть над Владимиром, так же именовались и князья Рязанские.⁷ А Белозерское княжество вплоть до конца XIV века было независимым: «Неколи (некогда) бысть Белозерское княжество великое» — говорится в нескольких летописях; под властью белозерских князей находились более мелкие князья. «Великий князь» — это суверенный государь, князь, независимый от московско-владимирского. Под власть такого князя, — а не в рас-

поряжение епархиального владыки, ростовского архиепископа (как это было обычно) — отдавал Кирилл Белозерский свой монастырь.

Независимость — вот то благо, которого искал на далекой окраине Русской земли основатель монастыря на Белоозере. Независимость эта заключалась не только в возможности выбирать собственную позицию в начинавшихся в Московской земле распрях. Она проявлялась и в духовной деятельности, в создании и накоплении книг, начавшемся почти сразу же после основания монастыря.

Это были не только книги, необходимые для церковной службы, но и сборники для чтения в свободное время. Свободного времени было, правда, у монахов не очень много: трудная монастырская жизнь с многочасовыми стояниями в церкви и заботами о хозяйстве занимала большую часть дневных часов. Но читать и писать любознательные и прилежные монахи могли и в кельях, по ночам, а летом даже без лампы — на Сиверском озере не хуже, чем на Неве. «... у вас в Кирилове в летнюю пору не знати (не различить) дня с ночью. . .» — вспоминал много лет спустя о кирилловских белых ночах Иван Грозный.⁸

От Кирилла Белозерского дошло двенадцать принадлежавших ему книг — едва ли не древнейшая личная библиотека Руси.⁹

Что находилось в этой библиотеке? Основу ее естественно составляли сборники канонического и церковно-учительного характера. Но наряду с религиозными и нравственными вопросами, Косму-Кирилла интересовали и совсем другие темы, относящиеся, как тогда говорили, к области «внешней», «еллинской премудрости». В сборниках Кирилла мы находим такие статьи, как «О широте и долготе земли» (включающие также рассуждение «о земном устроении», «о громовех и молниях» и т. д.), «Галиново на Ипократа» с изложением теории Гипократа (взятой из сочинений его продолжателя Галена) о четырех стихиях, «Александрово» — сочинение одного из комментаторов Аристотеля о развитии человеческого зародыша и т. д. Характеризуя статьи из сборников Кирилла Белозерского, историки науки отмечают, что «статьи о широте земли, о земном устроении и пр. отличаются совершенно трезвым натуралистическим характером. В них

нет никаких богословско-символических, мистических элементов. Совершенно деловым образом они сообщают ряд фактических сведений цифрового содержания о величине некоторых астрономических объектов и расстояний». ¹⁰ Если «Христианская топография» Космы Индикоплова (греческого писателя V—VI вв. н. э.) настаивала на том, что земля «четвероугольна» и отвергала представление о ее «круглообразности» и нахождении среди неба (т. е. античную теорию шарообразности земли) как противное «всему божественному писанию» и неприемлемое для «естества и ума», ¹¹ то статья «О широте и долготе земли» предлагала именно такие «злая изложения» — земля здесь сравнивалась с желтком яйца, а отстоящее от нее со всех сторон на равных расстояниях небо — с окружающим желток белком.

Интересы Кирилла Белозерского были шире интересов большинства монахов того времени. И в своем монастыре он не склонен был подавлять их.

С самого начала своего существования Кириллов Белозерский монастырь входил в жизнь Руси как важный культурный центр — отдаленный, зато независимый.

Вокруг Ефросина

Начало деятельности Ефросина, его первые книгописные труды в Кирилловом Белозерском монастыре относятся как раз к годам окончания «великого нестроения», ко времени, когда едва оправившаяся от «свар» и «боев» земля начинала жить более спокойной жизнью, и монахи монастыря, расположенного в далеко не безопасном месте, могли начать читать, писать и думать о самых разнообразных вещах.

Как появился в Кирилловом монастыре Ефросин, откуда он взялся? Конечно, инок этот не мог родиться в монастырских стенах и должен был откуда-то прийти. Но из каких мест? Когда принял постриг?

Если в 1446 г. Ефросин уже был монахом Кириллова монастыря, он мог увидеть небывалое зрелище: поддерживаемый с обеих сторон за руки, «уничижийный» (униженный) и «нищевидный», в монастырь был привезен бывший великий князь Василий Темный. ¹

Должны были доходить до Ефросина и отзвуки последующих событий: восстановление Василия на престоле, изгнание и отравление Шемяки. Но достоверных сведений об этом у нас нет. Единственный надежный источник наших знаний об Ефросине — лаконичные записи на ефросиновских сборниках. Однако если о самом Ефросине сведений мало, то о его непосредственном окружении, о людях, живших и действовавших рядом с ним, а возможно и вместе с ним, кое-что известно. И главный источник этих сведений тот же, откуда мы узнаем и об истории Руси в те годы, — летопись.

Интересовался ли Ефросин летописанием и участвовал ли он в его ведении? Он знал труд «Нестора XV века» — «свод 1448 г.». Именно из этого свода (из Софийской I летописи) он переписал Послание новгородского владыки Василия тверскому епископу Федору о земном рае, увиденном новгородцами, и прямо отметил его летописное происхождение — «от летописца взято». В этом послании Василий утверждал, что рай на земле, где жили когда-то Адам и Ева, не погиб. Он рассказывал о нескольких новгородцах, плававших по морю и занесенных бурей к высоким горам, где светился «самосиянный свет» и слышались «веселия гласы» — это и был утраченный нашими праотцами земной рай. Из той же летописи Ефросин заимствовал «Уставы» церковного суда XII—XIII вв., написанные от имени Владимира Святославича и Ярослава.²

Но кирилловские монахи вряд ли довольствовались только «сводом 1448 г.». Можно предполагать, что летописный свод составлялся в последней трети XV века и в самом Кирилловом Белозерском монастыре. Он не сохранился в своем первоначальном и полном виде, но текст его дошел в двух доступных нам летописях конца XV века.³

С Кирилловым монастырем этот летописный свод связывает целый ряд особенностей. Из Кириллова монастыря начал в 1446 году Василий Темный свой победоносный поход на Шемяку. Но о том, что от клятвы Дмитрию Юрьевичу освободил Василия именно кирилловский игумен Трифон, благословивший его идти «с богом и со всею правдою на свою отчину на Москву», великокняжеские летописи умалчивают — об этом мы узнаем только из Кирилловского свода.

— Тот грех на мне и на моей братии па главах. . .
А мы за тебя, за осподаря, бога молим и благословляем. . . — заявил Трифон, освобождая Василия Темного от крестного целования Дмитрию.

Обильно даны в том же своде известия о Северной Руси — о двинских землях, Белоозере, Устюге, Вологде, Галиче, входивших в состав древней Ростовской земли, а в XV веке сохранивших духовную власть ростовских архиепископов. Значительное место уделял свод белозерским князьям и их участию в военных действиях.

Военная тема вообще занимала автора неофициального северного свода. В конечной части свода, описывающей события после победы Василия Темного над Шемякой, помещена целая серия рассказов о бездарных и подкупных московских воеводах. Это приближенный Василия II Иван Ощера, испугавшийся и отступивший во время ордынского набега на Оку, ловчий (главный охотник) великого князя Григорий Перхушков, посланный взять Вятку, но польстившийся на «посул» (взятку) от вятчан и отступивший. Здесь и молодой постельник Ивана III, который, отправившись в ночную вылазку на Казань и имея возможность отрезать от берега казанцев, вышедших из кораблей, вместо этого «наполнился духа ратна» (воинственного) и не дождавшись, чтобы казанцы отошли подальше от судов, «кликну» (заорал) на них, они же «устрашились», вскочили вновь в ладьи и вернулись на Волгу. «В тот день сдеяся (совершилось) спасение велико татарам» по милости княжеского постельника, иронизировал летописец. Сходным образом помешал своей «судовой рати» взять Казань и другой воевода, упустивший момент, когда русские войска пришли «безвестно» (неожиданно) «на ранней заре», а казанцы спали: он не пошел на штурм, а на всякий случай отвел войско «от ворот прочь». Но наиболее ярок рассказ того же свода о падении ордынского хана Ахмата в 1472 г. на Алексин. Во главе города стоял московский наместник, но оружия он не приготовил и оставалось одно — увести людей, скопившихся в городе. Но наместник, — «человек па рати вельми храбр», по издевательскому замечанию летописца, обещал защищать горожан, если они дадут ему взятку. Алексинцы дали ему пять рублей (сумма по тем временам немалая), но он пожелал полу-

чить еще «шестого рубля — жене своей». Пока торговались, к городу подошел Ахмат — и наместник с женой и слугами сбежал за Оку, оставив город на произвол неприятеля.⁴

За всеми этими сообщениями явно ощущаются рассказы «военного специалиста», делившегося с летописцем своими воспоминаниями. Со слов этого рассказчика летописец повествовал не только о бездарных воеводах, но и о других полководцах — настоящих. Чаще всего это «удалый воевода» Феодор Васильевич Басенок. Именно Басенок, по рассказам свода, «мужествовал» еще до свержения и ослепления Василия, в войне с татарами. После постыдного отступления Ощеры он явился на Оку и разбил ордынцев. Басенок был одним из участников победы над Новгородом в 1456 г. и его поэтому вместе с Василием Темным пытались убить спустя четыре года новгородские «шильники».⁵

Где же был Федор Басенок в годы, когда составлялась летопись, основанная на его рассказах, и где она могла быть составлена? С начала 70-х годов, по сведениям одного краткого кирилло-белозерского летописца («летописчика», как именуют такие кратчайшие летописи),⁶ Басенок пребывал в ссылке в Кирилловом Белозерском монастыре. Появление его не могло не напомнить монастырской братии недавнее прошлое: у привезенного в монастырь Басенка, как и у его государя Василия Темного, вместо глаз были пустые глазницы. За несколько лет до ссылки, сразу после смерти Василия II, верный слуга великого князя был ослеплен по повелению нового государя — Ивана III; затем его отправили в Кириллов. Очевидно, он и был рассказчиком, поведавшим летописцу о военных событиях тех лет — славных и позорных. Косвенно эти рассказы проливают некоторый свет и на внезапную опалу и ослепление Басенка в 1463 г.; верный вассал Василия Темного был, видимо, человеком язвительным, прямым и не воздержанным на язык — черты, мало пригодные для придворной карьеры.

Хорошо известен в Кирилловом монастыре был и Григорий Перхушков, польстившийся в 50-х годах, по словам летописца, на взятку от вятчан. Слонность к мздоимству, обнаруженная им во время похода на Вятку, не помешала ему сделать карьеру: к началу

70-х годов он стал княжеским волостелем (управителем волости) на соседних с монастырем двинских землях. Наконец, с Кирилловым монастырем был связан и брат Ивана III — удельный князь Юрий Васильевич, смертью которого в 1472 г. завершился свод (составлен он был, очевидно, в годы, непосредственно следующие за 1472 г.). Юрий Васильевич Дмитровский был редким для той эпохи князем, который, дожив до 31 года, так и не успел жениться и оставить потомство. Значительную часть его наследства составили вклады в монастыри; одним из наследников Юрия был все тот же Кириллов Белозерский монастырь.⁷

Кирилл Белозерский не даром основал свой монастырь на северной окраине Руси, далеко от Москвы, и обеспечил его независимость двойным подчинением — ростовскому владыке и местному белозерскому князю. Кирилловские монахи, действительно, отличались необычной для Московской Руси независимостью мысли.

Независимость эта особенно сказалась в рассказе северного свода о присоединении Ярославля в 1463 г. и о предшествовавшем этому событию открытии в ярославском Спасском монастыре мощей трех святых князей — Федора Ростиславовича Смоленского-Ярославского и двух его сыновей. Летописец начинал с невинного и на первый взгляд вполне благочестивого рассказа о «явлении» чудотворцев. «Во граде Ярославли», — сообщал он, явился «чюдотворец, князь велики Федор Ростиславичь Смоленский, и з детми, со князем Костянтином и з Давидом, и почало (начало) от их гроба прощати множество людей безчислено». Пока все это звучало вполне благопристойно: «прощати» — здесь значит исцелять; исцеление от болезней считалось прощением грехов. Но дальше неожиданно: новые чудотворцы, поясняет летописец, явились «не на добро всем князем ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали (отдали) их великому князю Ивану Васильевичю». Это игра слов: благодаря новым чудотворцам «простились» (распрощались) не только «прощенные» калеки со своими болезнями, но и ярославские князья со своими родовыми владениями. Упоминается и виновник этого «прощения» — «прощания»: дьяк Алексей Полуектов, давно уже, по словам летописца, уговаривавший московских князей прибрать к рукам ярославские земли. А дальше

и совсем неблагочестиво: «А после того в том же граде Ярославли явися (явился) новый чудотворец, Иван Огафоновичь, сущей созиратай (истинный соглядатай) Ярославской земли: у кого село добро, ин (то и) отнял, а у кого деревня добра, ин отнял и отписал на великого князя ю (ее), а кто будет сам добр, боарин или сын боярьской, ин его самого записал, а иных его чудес множество немошно (невозможно) исписати ни исчести, понеже бо во плоти сущи (есть) цъяшос». Последнее слово было настолько зловещим, что летописец решился записать его только «литореей», популярным среди книжников XV в. шифром. Ключ этого шифра представлял собой алфавит согласных букв, расположенный двумя строчками: сверху первая половина алфавита, а под ней — вторая, записанная в обратном порядке:

б в г д ж з к л м н

щ ш ч ц х ф т с р п

При зашифровке верхняя буква заменяла нижнюю, а нижняя — верхнюю (гласные не менялись). Если применить этот ключ к нашей летописной записи, то станет ясно, каким страшным именем обозвал летописец княжеского наместника в Ярославле: «цъяшос» значит «дьявол».

От кого исходила эта запись? Известен церковный деятель, отказавшийся поверить в святость явленных в 1463 г. чудотворцев. Это был давний кирилловский игумен, — тот самый, который в 1446 г. освободил Василия Темного от присяги Шемяке и открыл для него путь на Москву. Трифон несомненно был человеком незаурядным и решительным: поддержав опального и ссыльного князя против государя, сидевшего на московском престоле, он подвергал себя серьезной опасности — ведь позиция белозерского князя была далеко не ясной, а брат Михаила Андреевича Иван Можайский был ближайшим союзником Шемяки. Почему же Трифон решил поддержать Василия Темного? Немалую роль здесь сыграло, видимо, то обстоятельство, что сыновья Юрия Галицкого показали себя жителям северных земель еще более жестокими завоевателями, чем Василий II: старший брат Шемяки Василий Косой во время одного из походов ограбил ростовского архиепи-

скопа, повесил одного из его слуг и «посекл (порубил) и повешал» многих жителей соседнего с Белоозером Устюга. Выступив на стороне Василия Темного, Трифон рисковал не менее, чем перед тем Федор Басенок. Зато после победы Василия бывший кирилловский игумен был переведен ближе к Москве — в Ярославский Спасов монастырь, а год спустя стал архиепископом Ростовским — одним из трех высших иерархов на Руси. Но пребывание на владычном престоле оказалось также непродолжительным, и причиной тому было именно неверие в ярославских чудотворцев. Чудотворцы явились в 1463 году, как раз тогда, когда Трифон покинул Ярославль.

Владыка не поверил «чудесем» (чудесам) в Ярославле и подозревал, что открытием мощей его преемник «много богатество приобрете (приобрел)»; он послал своего протопопа посмотреть новоявленных святых. Тут, по словам враждебной Трифону летописи, произошло чудо: дерзкий протопоп упал на землю и онемел, а Трифон оставил архиепископство и плакал о своем прегрешении «до смерти своя».⁸ Действительно ли Трифон раскаялся в своем неверии в ярославских чудотворцев, мы, конечно, не знаем, но иронический рассказ о ярославских чудотворцах, который читается в севернорусском своде 1472 г., едва ли мог восходить к владычному (архиепископскому) летописанию времени Трифона (как предполагали исследователи). Даже если бы Трифон захотел всенародно заявить в официальном архиепископском своде о своих сомнениях в святости найденных мощей, то балагурить по этому поводу — играть словами «прощати — прощаться», да еще обзывать княжеского наместника неудобопроизносимым словом на страницах владычной летописи было бы чересчур дерзко. Однако Трифон в течение двенадцати трудных лет стоял во главе Кириллова монастыря и сохранил связи с этим монастырем и в последующие годы. Несколько лет игуменом монастыря был родной брат Трифона. Конечно, в Кирилловом монастыре у Трифона оставались приверженцы и единомышленники. В их среде, видимо, и нашелся летописец, позволивший себе дерзкие шутки по поводу «прощения—прощания», дарованного ярославскими чудотворцами, и о «чудотворце» — дьяволе.⁹

Рассказ о ярославских чудотворцах — это как раз пример тех «глузов», с которыми так энергично боролись ревнители благочестия и которые приводят на память сборники Ефросина. Рассказ о князьях-чудотворцах и чудотворце-наместнике — это именно такой рассказ, который не рекомендовалось, говоря словами кирилловского книгописца, читать «в зборе».

Но эта близость, естественно, позволяет высказать предположение о принадлежности Ефросина к кругу бывшего кирилловского игумена, а затем опального ростовского владыки — Трифона. Связь Ефросина с кирилловским летописанием 70-х годов подтверждается и имеющимися рукописями.

Кирилло-Белозерский свод не дошел до нас в своем первоначальном виде, по ряд летописей, восходящих к этому своду, сохранился именно в кирилловских рукописях, в частности в кратком «Летописце русском» Кириллова монастыря Белозерского. А летописчик, читающийся в одном из сборников Ефросина, по проверке оказывается еще более кратким вариантом, как бы конспектом того же самого «Летописца русского» из Кириллова монастыря.¹⁰

Сходство обнаруживается и в содержании кирилло-белозерского летописного свода начала 70-х годов и сборников Ефросина. В кирилловском своде содержатся любопытные известия о дьяке с редким именем Кулодарь. Кулодарь этот, сообщает летописец, прежде был дьяком в Москве и во время одного из столкновений Василия II (еще не ставшего Василием Темным) с Дмитрием Шемякой выдал галицкому князю военные планы Василия. Дмитрий Шемяка счастливо избежал в тот раз неожиданного нападения великого князя, а Василий II, «доличився» (уличив Кулодаря в измене), велел его бить «кнутъем» перед всеми войсками и лишил дьячества.¹¹ Летописное известие свидетельствует о том, что в Кирилловом монастыре дьяк Кулодарь не пользовался уважением. А в ефросиновских сборниках мы находим подтверждение этому. «На Москве некто тать (вор) именем Кулодарь до 300 церкви покрал», — записал Ефросин в одном из сборников.¹²

Кружок монахов, близких к бывшему игумену Трифону и позволявших себе довольно свободно думать и писать, существовал в Кирилловом монастыре в трудное для него время. Двойное подчинение монастыря,

установленное Кириллом, обеспечивая относительную независимость северной обители, вместе с тем приводило к постоянным столкновениям между белозерскими князьями и ростовскими архиепископами из-за монастыря. Уже Трифоп во время своего недолгого пребывания на ростовском владычном престоле поставил кирилловского игумена без согласия белозерского князя. Споры между князем и владыками, естественно, находили отклик в самом монастыре. Сторонники Михаила Андреевича Белозерского ссорились с приверженцами архиепископа. Сменявшие друг друга игумены были ставленниками то той, то иной группы, и назначение очередного игумена вызывало иногда демонстративный уход недовольных «старцев» из монастыря. Дело доходило даже до рукоприкладства: в одном из кирилловских сборников упоминается о том, как «игумен казначея посохом сек».¹³

Эта борьба не могла не отражаться на судьбе Ефросина и близких к нему иноков. Уже недолгое пребывание Трифонова брата Филофея на посту игумена было предметом споров; опала Трифона привела к отставке Филофея. В 70-х годах игуменом стал Игнатий. Как он относился к Ефросину? Игнатий был большим любителем книгописания: в описи кирилловских рукописей, составленной в конце XV—начале XVI в., упоминается «Игнатия игумена пять сборников (сборников)». Один из этих сборников был в основном написан рукой Ефросина.¹⁴ Значит, Игнатий ценил усердного книгописца.

С 1476 г. игуменом стал Нифонт, один из зачишников «брани» в Кирилловом монастыре — противник ростовского владыки и приверженец белозерского князя. Особенно важной была другая характерная особенность Нифонта. Новый игумен был ярким ревнителем благочестия: когда в Москве спустя несколько лет появились еретики и Иосиф Волоцкий стал с ними бороться, именно Нифонта (ставшего к тому времени суздальским епископом) Иосиф назвал «главой всем» в этой борьбе.¹⁵ «Глумы» и «кощуны», которые позволяли себе составители летописного свода, включавшего рассказ о ярославских чудотворцах, как и Ефросин с его сборниками, должны были привлечь внимание бдительного игумена. Слухи об иноках, увлекающихся сомнительными «писаниями», по всей видимости в мона-

стыре ходили. Предостерегая одного из своих учеников против «мирская мудрствующих» (т. е. увлекающихся светскими рассуждениями) и «растленных (испорченных) разумом» вольнодумцев, кирилловский старец Нил Майков, впоследствии прозванный Нилом Сорским, советовал ему следовать только писаниям «истинным, божественным»: «Писания бо многа, но не вся божественна суть» (письменных сочинений много, но не все они божественны).¹⁶ Все это не сулило ничего доброго Ефросину.

Еще в игуменство Игнатия Ефросину была поручена большая работа — переписка «Горжественника», собрания житий и «слов», посвященных церковным праздникам и святым и расположенных по месяцам и числам. Писал его Ефросин больше четырех лет — и совсем не так, как свои келейные сборники. Здесь мы не найдем ни ефросиновских комментариев (кроме одного — рядом с одним инициалом, изображающим птицу, пояснено: «пава»), ни добавлений из других памятников. Зато не менее десяти раз Ефросин сделал в «Горжественнике» записи другого типа, довольно обычные для писцов, устававших от своего труда, — о дате, дне недели и даже часе окончания той или иной части. Из этих записей мы узнаем, что вплоть до 1476 г. (при Игнатии) книгописец, умевший когда надо писать очень быстро, вел свою работу крайне неторопливо — спустя рукава. Средняя часть «Горжественника» — 76 листов — писалась, например, два года. Ефросин предпочитал в те же годы переписывать более интересное для него «Хождение игумена Даниила». Но в 1476 г. благожелательного Игнатия сменил строгий Нифонт, и конец работы — последние 130 листов — пришлось переписать в достаточно короткий срок — за четыре месяца. Отводил душу Ефросин только в заключительных записях: «генваря 13 в понедельник в 5 часов нощи кончах (окончил). . . генваря 18 в субботу. . . в субботу генваря 25 в 5 час нощи. . .» и т. д. — и в конце: «Бог мя избавил. . . Сильно. . . рад, коли (когда) кончах строку последнюю. . .»

«Не за епитимью ли написана эта огромная книга? Нетерпеливое многословие писца высказывает что-то подобное», — предположил археограф XIX в. архимандрит Леонид Кавелин.¹⁷ Конечно, это только догадка, хотя и исходящая от ученого, превосходно

знавшего и древнерусскую письменность и церковную практику. Следствием давления духовного начальства на Ефросина могло быть не столько написание всей этой обширной книги, сколько срочное завершение ее в начале 1477 года.

Но так или иначе если работа эта была поручена Ефросину с целью направить его на истинный путь, то действия эта мера не возымела. Ибо срочное окончание работы над «Горжественником» Ефросин отметил способом, который трудно признать благочестивым. На последнем листе рукописи, между словами «Бог мя избавил» и «Силою есмь рад, коли кончах строку последнюю. . .» он вписал неожиданное и явно неблагопристойное замечание — малопонятное нынешнему читателю, но достаточно ясное и совсем не понравившееся современникам. Запись Ефросина настолько смутила монастырских книгохранителей, что она была наполовину стерта и кто-то приписал к ней: «О горе ока(я)нному, внимающему сего света житие» (т. е. следующему правам людей «этой» — мирской жизни).¹⁸

Литературные занятия Ефросина не могли остаться без последствий при новом, более строгом игумене монастыря. Весной 1477 г. он сделал заключительную запись на «Горжественнике», а в конце того же года сразу же после написания апокрифического «Сказания о 12 пятницах» (которое не советовал показывать «многим») покинул Кириллов монастырь. Это был не первый его уход из монастыря; он, по-видимому, «отходил» из него несколько раз. Вопрос, «кыми впами (но какой причине) ити черньцу из монастыря», Ефросин обсуждал в одном из своих сборников. Кроме обычных причин, указанных в кодексе церковного права — Кормчей книге (если игумен «еретик и блудник», если в монастырь приходят женщины и «отрочата»), он называл еще несколько — и в числе их такое положение, когда «с кем ненависть и брань будет».¹⁹ Такое положение создалось, очевидно, в 1477 г., но на этот раз Ефросин не просто ушел, а «на игуменство поехал», как гласит запись на поле одного из ефросиновских сборников.

Куда же именно поехал на игуменство Ефросин? Мы можем предполагать, что игуменом он стал в небольшом Прилуцком монастыре, подчиненном Троице-Сергиеву монастырю и расположенном в Углицком кня-

жестве. Именно об этом монастыре упоминалось в одной из троицких грамот — о передаче Иваном Кулодарем земель монастырю и о получении их игуменом Ефросином, написавшим соответствующий документ. Речь шла явно об уже знакомой нам личности — о том самом Кулодаре, которого кирилловский свод описывал как наказанного кнутием предателя, а Ефросин назвал церковным «татем». Биография Кулодаря восстанавливается довольно ясно. Наказание кнутом за измену Василию II отнюдь не было концом его карьеры: после нее он перешел на службу к врагу Василия II — Ивану Можайскому — и скорее всего именно во время господства Шемяки в 1446—1447 гг., в Москве, «покрал» 300 церквей, а после поражения и бегства можайского князя стал дьяком его брата Михаила, и в то время, когда о нем писала кирилловская летопись, находился невдалеке — на Белоозере.

Пути Ефросина и Кулодаря пересеклись, таким образом, дважды: на Белоозере и в Угличе. О поездке книгописца в Углич свидетельствует и запись в одном из его сборников, где к выписке из «Странника» («хождение к святым местам» из Москвы в Иерусалим и обратно) рукой Ефросина сделано отсутствующее в других списках добавление: «От Белоозера до Углича 240 верст». Получив для монастыря угличские земли Кулодаря, Ефросин как бы покарал давнего «татя» за украденное им в годы «нестроения» церковное имущество.²⁰

Но едва ли этот эпизод занимал важное место в жизни Ефросина. Больше никаких следов его игуменской деятельности мы не обнаруживаем, а в 1479 г. Ефросин уже вновь выступает в привычной ему роли книгописца — переписывает (а возможно и редактирует) поэтическую «Задонщину», сохранившуюся в одном из кирилловских сборников. Он возвращается в Кириллов монастырь. Это возвращение совпало с новыми перипетиями борьбы в родной обители и с уходом сурового Нифонта с поста игумена.

Споры в Кирилловом монастыре были связаны и с «большой политикой» тех лет — с борьбой между великим князем и противостоящими ему силами, в частности удельными князьями.

В 1456 г., через полгода после похода на Повгород и Яжелбицкого мира, Василий II приказал «поймати»

Ярославъ Ярославича игоде
 погна въ сѣверъ и въ сѣверѣ
 арестовалъ и погна въ
 сѣверъ и погна въ сѣверъ
 и погна въ сѣверъ и погна въ сѣверъ

Ярославъ Ярославича

1118

Арест Васили Ярославича. Миниатюра из Лицевого свода.

(арестовать) своего шурина и двоюродного брата — удельного князя серпуховского Василия Ярославича. Верный союзник великого князя в борьбе за московский престол, бежавший когда-то от Шемяки в Литву и возглавивший борьбу за права Василия Темного, серпуховский князь совершенно не ожидал такого удара. В отличие от Ивана Можайского он не успел своевременно бежать и попал в заточение — в Углич. В 1462 г., незадолго до смерти Василия II, серпуховские дворяне сделали попытку освободить своего князя. Заговор их был раскрыт, а сами они жестоко наказаны.

Новый великий князь, Иван III, вступивший на престол в том же году, явно склонен был продолжать политику своего отца и в его наступлении на Новгород и в отношениях с удельными князьями.

Политика Ивана III по отношению к Михаилу Андреевичу Белозерскому начала определяться с конца 60-годов, когда преемником Трифона на посту ростовского архиепископа стал великокняжеский духовник (личный священник и исповедник) Вассиан Рыло, почти сразу же начавший борьбу с белозерским князем за власть над Кирилловым монастырем. Сторонником белозерского князя в этой борьбе оказался глава церкви — митрополит Геронтий, покровителем Вассиана — Иван III; Вассиан со своей стороны поддерживал великого князя и в его спорах с Геронтием по церковным вопросам.

Как же относились к этим спорам приверженцы опального Трифона — составители кирилло-белозерской летописи? Как и все летописание второй половины XV в., кирилло-белозерский свод, доведенный до 1472 г., основывался на «своде 1448 г.», но переделывал его по иному, чем великокняжеские своды. Подобно «Нестору XV века», составитель кирилловского свода вовсе не был чужд «политических страстей и интересов», но еще меньше, чем его старший брат, он может считаться «официозным апологетом» великокняжеской власти. Он не боялся осуждать носителей этой власти, когда они, по его мнению, поступали несправедливо и постыдно. Он включил в свое изложение целый ряд рассказов о бездарных и подкупных московских воеводах, — рассказов, исходивших, по всей видимости, от опального Басенка. Казнь серпуховских дворян, пытавшихся освободить своего князя, он описал со

Душкритижекъиоубишыйиелисомоу
 иакоу : ипоилкпѣи масти иказни
 ти кишишюуема , некипроуки .
 ипокирѣзани , иикиамашиоуекиа
 тоидказниоказнишагласноу , по
 шрѣдъидоша . на рфемакренпа . доу
 соуношиѣпа . и
 ппыхъ .

Казнь серпуховскихъ дворянъ. Миниатюра на Лицевого свода.

всеми ее кровавыми подробностями: Василий Тёмный приказал их «казнити, бити и мучити, и конми волочити по всему граду» (волочить по городу, привязав к коням), а затем велел им «главы отсеци» (отсечь). Множество народа, видевшее эту расправу, «от бояр, и от купцов великих, и от простых людей», были «в ужасе и удивлении». ²¹

Едва ли отношение летописца к новому великому князю, Ивану III, было более сочувственным, чем отношение к его отцу. Рассказывая о присоединении Ярославля в 1463 г., летописец обозвал «дьяволом» «нового чудотворца» — княжеского «созиратая» (соглядатая) Ивана Агафоновича (речь шла, очевидно, о князе Иване Стриге-Оболенском, великокняжеском наместнике в Ярославле). ²² Но и обездоленных ярославских князей летописец явно не оплакивал — их «прощание» с вотчинами, полученными от предков-«чудотворцев», вызывало у него скорее насмешку.

Так же не связана была с какой-либо из враждебных сторон и позиция кирилло-белозерского летописца в рассказе о борьбе великого князя с Новгородом. Поход великого князя на Новгород в 1471 г. сопровождался кампанией, которую можно с полным основанием назвать пропагандистской. В обозе московского войска находился даже дьяк с особыми полномочиями — Степан Бородатый, умеющий «говорити по летописцем руским», вычитывая из них «измены давние» новгородцев великим князьям. Новгородцев обвиняли в отступничестве от православия — в намерении подчинить своего архиепископа киевскому митрополиту, «сущему латинянину», в стоворе с польско-литовским королем Казимиром, посадившим в Новгороде своего ставленника, «Михаила Олелькова сына, Киевского». Все эти обвинения были крайне сомнительными. Если до середины 60-х годов киевский митрополит действительно поддерживал связи с патриархом-униатом, жившим в Риме, то теперь он уже переменял свою ориентацию и подчинился православному патриарху, пребывавшему в Стамбуле (Константинополе). Именно киевского митрополита [константинопольский патриарх признал законным «митрополитом всея Руси», а московского отлучил от церкви. Не был ни «латинянином», ни ставленником Казимира и Михаил Олелькович Киевский — он был двоюродным братом Ивана III

по матери, и его отношения с Казимиром были совсем не дружественными.

Кирилло-белозерский летописец не знал и не хотел знать обо всей официальной пропаганде вокруг новгородского похода. Итоги этого похода были им описаны без всякого восхищения: разбив новгородские войска на реке Шелони, захватив «посадников лучших и людей добрых новгородцев», Иван III с одних взял выкуп, а других «привели к великому князю, он же, разъярився за их измену, повеле казнить их: кнутъем бити и главы их отсеци (отсечь)». Но и Новгороду он не сочувствовал. Расположенное на самой границе с новгородской Двинской землей, Белозерское княжество не раз испытывало обиды от соседей, захватывавших исконные «ростовщины» и «белозерщины». Именно поэтому автор свода писал, что великий князь пошел на новгородцев «за их измену и неисправление (несправедливость)» и, рассказав о победе московских войск на Двине, выразил одобрение Ивану III: «. . . везде бо бог помогаше (помогал) великому князю за его исправление (правое дело)». ²³

Кирилло-белозерские книжники не могли и, видимо, не намеревались отстаивать идеи «братского содружества» русских земель, привлекавшие «Нестора XV века». Победа московского великого князя была совершившимся фактом, и кирилловский летописец этот факт признавал, но сохранял по отношению к власти независимую позицию.

Такой же была и позиция Ефросина. Непродолжительное игуменство в 1477 г. было, по всей видимости, его единственным выступлением в сфере административной деятельности. Вернувшись в монастырь, он вернулся и к своему основному делу — книгописанию.

Сборники Ефросина

Ценность сборников Ефросина далеко не исчерпывается помещенными в них «отреченными» сочинениями, «баснями и кошунами». Сборники его были чрезвычайно разнообразны по содержанию.

Во многом Ефросин как книгописец следовал основателю своего монастыря — Кириллу. В сборниках Ефросина немало церковных сочинений, которые привлекали еще Кирилла. Следовал Ефросин Кириллу Белозер-

скому и тогда, когда переписывал те же «естественно-научные» статьи, какие содержались в кирилловых сборниках: «О широте и долготе земли», «Галиново на Ипократа», «Александрово». Сведения «о величестве солнца и луны и земля», «о скотьи души», о всевозможных животных Ефросини выписывал и из других источников. Чрезвычайно интересовала его также история (он выписал из древнего переводного сборника рассказ Плутарха о Марафонской битве) и география — особенно сведения о чужих странах. Один из памятников, помещенных в сборниках Ефросина, непосредственно связан с тогдашней Западной Европой. Это послание некоего Феофила Дедеркина Василию Темному «из Заримья из латины» о землетрясении, произошедшем в 1456 г. в «Римьской земле» по пророчеству некоего «князя Миколая». Первый издатель этого текста воспринял его как легенду, но сопоставление с западными источниками обнаруживает, что перед нами рассказ о действительном происшествии — огромном землетрясении, произошедшем в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4-го на 5-е декабря 1456 г.¹

Ефросин любил хронологические таблицы, расчеты, толкования «неудобьпозпаваемых речей», перечисления «книгохранителей» разных эпох, названия тех или иных слов по-татарски, по-«римски», «египетски», «еврейски», «еллиньски». Из запретной «Беседы трех святителей» он заимствовал не только двусмысленные вопросы, но и научные сведения: «Язык человеческих 72, четвероногих же род 54, а рыба род 102, а змиина рода 103».

Но наиболее интересна для нас одна особенность сборников Ефросина — помещение в них целого ряда памятников, которые мы определили бы сейчас как произведения художественной литературы. Именно в этом отношении деятельность его имела большое, скажем решительнее, историческое значение.

Чтобы оценить ее, напомним взгляд на средневековую литературу Запада и России, высказанный еще в 1834 г., но до сих пор разделяемый многими людьми, не занимающимися специально древнерусской литературой:

«Европа наводнена была неизмеримым множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и проч., но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме ле-

тописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и „Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности».

Это писал Пушкин в статье под заголовком «О ничтожестве литературы русской».² Во второй половине XIX века такой взгляд в значительной степени был опровергнут работами исследователей, открывших в рукописных собраниях множество произведений светской литературы русского средневековья. Была обнаружена «Задонщина», рядом фрагментов совпадающая со «Словом о полку Игореве», близкое по жанру к этим двум памятникам «Слово о гибели Русской земли» — поэтический плач о разорении Русской земли в XIII в., множество апокрифических легенд, наконец, произведения повествовательной литературы — сюжетная проза. Наиболее яркие из произведений светской литературы, найденные после Пушкина («Слово о Горе и Злочастии», «Повесть о Фроле Скобееве» и другие сатирические повести), были созданы в XVII в., но и XV век оказался отнюдь не «пустынным». Издаваемая сейчас многотомная антология древнерусской литературы — «Памятники литературы древней Руси» — обнаруживает любопытный факт: самым обширным из до сих пор выпущенных томов этой антологии оказывается том, посвященный литературе второй половины XV в., где почти все памятники относятся к последней трети века — времени Ефросина. Литература этого периода оказалась настолько обильной, что часть ее пришлось перенести в следующий том антологии, начинающийся с ряда памятников конца XV века.

Среди этих памятников видное место занимает сюжетная проза, предшественница беллетристики нового времени. В числе памятников второй половины XV в. были переводные «Александрия» и «Троянская история» и басенный цикл восточного происхождения «Стефанит и Ихнилат». Были и оригинальные памятники, созданные на русской почве, — «Повесть о мутьянском (румынском) воеводе Дракуле», сказочная «Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены», и дошедшая в более поздней традиции, но восходящая, по-видимому, к тому же времени «Повесть о Басарге».

Ефросин был большим ценителем таких сочинений, как и светской литературы вообще. Его руке принадлежат списки «Александрии», «Повести о Дракуле»; им же написаны наиболее ранние из известных списков «Задонщины» (со вставленным туда, видимо, самим Ефросином отрывком из другого сходного памятника — «Слова о погибели Русской земли»), поэтического «Слова о хмеле», «Плача Адама о рае» («Стиха старины записом»), диалога о добрых и злых женах, «Сказания об Индийском царстве», «Хождения игумена Даниила» (XIII в.), «Слова о двенадцати снах царя Шахаиши», апокрифической «Епистолии о неделе» («Списка Иерусалимского»). Сказания о Соломоне и Китоврасе читаются и в более ранних списках, но Ефросин дает наиболее полную подборку, включая и неизвестный по другим спискам рассказ о Китоврасе и его жене.

Едва ли можно причислить какой-либо из памятников, переписанных Ефросином (кроме, может быть, «Задонщины») к жанру «поэм», отсутствие которых в русском средневековьи огорчало Пушкина. Но многие из них явно связаны с устным поэтическим творчеством. «Сказовый стих», близкий к фольклору, звучит в весьма выразительном «Слове о хмеле», описывающем состояние пьяницы:

Пианство / князь и бояром / землю нусту створяет (т. е. опустошает)
 А людей добрых и равных / и мастеров / в работе счинаят
 (в рабство повергает)
 О ком молва в людях? / О пианици.
 Кому очи сини (синяки под глазами)? / Пианици.
 Кому оханье велико? / Пианици.
 Кому горе на горе? / Пианици. . .

Но текст «Слова о хмеле» показался Ефросину еще недостаточно выразительным, и он присоединил к нему еще фрагмент из другого, тоже «глумотворного» и написанного «сказовым стихом» памятника — «Слова о ленивых, сонливых и упьянчивых»:

Лежа не мощно / бога умолити
 Чти и славы / не получи. . .
 Недостатки у него / дома седят,
 Аҕраны (беды) у него / по плечам лежат,
 Туга (печаль) и скорбь по бедрам / голодом позванивает.
 Убожне у него в калите (кошельке) / гнездо свило.³

Еще яснее, чем черты «поэм», обнаруживается в этих памятниках склонность к сатире.

Приведем хотя бы скоморошеский диалог, введенный Ефросином в «Слово о женах о добрых и о злых» и неизвестный по другим источникам, возможно, сочиненный самим книгописцем:

Добрая жена мужа своего любит и доброхот во всем.

— А злая жена мужа своего по хрепту бить не смилостивно. . .

А добрая жена главу своему мужу чшпеть и милуеть его.

— А злая жена по рту и по зубам батагом бить не отмахивая. . .

А добрая жена по утробе гладить мужа своего не лестию (без обмана).

— А злая жена по брюху обухом бить не на живот (жизнь), но кормить его лихою ествою (едою) насмерть.

А добрая жена по чреву нежить аки истинная горлица, любовная ластовица.

— А злая жена по тайным удом (частям тела) ножем колет насмерть. . .⁴

Эти и еще многие тексты ефросиновских сборников (включая приведенные в начале «глумы» и «кощюны») определенно указывают на то, что «сатиры», популярность которых в западной средневековой литературе отмечал Пушкин, привлекали и кирилло-белозерского книгописца, как и близких ему книжников (вспомним сатирические рассказы о бездарных воеводах в кирилло-белозерском своде).

Как обстояло дело в русской литературе XV в. с «романсами»? Под этим термином Пушкин, очевидно, подразумевал поэтический исторический эпос средневековья, — например, цикл «романсов» «о моем Сиде» — популярнейшем герое испанской истории Средневековья.⁵ Сходный характер имели в средние века и поэтические романы (слова «роман» и «романс» — одного происхождения) — о Троянской войне, об Александре Македонском. В Россию такие романы пришли уже в прозаическом изложении, но к концу XV века они и здесь стали достаточно популярны. Это «Троянская история» и роман об Александре Македонском «Александрия».

«Александрия» была одной из самых любимых книг Ефросина. Он включил в свои сборники так называемую «Хронографическую Александрию», переведенную на Руси не позднее XII в., несколько отдельных сказаний об Александре; полностью и собственноручно

он переписал южнославянский роман об Александре — так называемую «Сербскую Александрию». Александр Македонский как образец величайшего могущества и вместе с тем брешности человеческой личности постоянно привлекал средневековых книжников и на Западе и на Востоке. Но особенно усилился, как отметили исследователи, интерес к этой теме во времена позднего средневековья и начала Возрождения. Сербская Александрия (оригинал ее мог быть греческим, а мог быть и южнославянским, а сама она, вероятно, была создана в Далмации — на границе между греко-славянским и итальянским культурным миром) возникла именно в конце средних веков — в XIII—XIV вв. На Русь она проникла путем переделки южнославянского текста в XV веке. Наиболее тщательно разработана в русской редакции вторая часть романа — путешествие Александра по «дивииим» странам; каждый эпизод ее снабжен особым заголовком. Судьба Александра раскрывается через множество перипетий и приключений. Александр, которому с детства предсказана ранняя смерть, отнюдь не склонен подчиняться судьбе и предаваться отчаянию: напротив, он все время действует, воюет, рискует головой — «голову свою назад мечет (швыряет)», по словам его приближенных. В разгар войны с персидским царем Дарием он является к царю под видом собственного посла и в момент, когда его уже узнают и хотят взять в плен, убегает из дворца с помощью хитрых уловок, а затем побеждает царя в бою. Храбростью и хитростью он одолевает и другого своего могущественного противника — индийского царя Пора. Но все эти блистательные победы никак не могут изменить судьбы героя. За несколько дней до смерти царя пророк Иеремия, оказывающийся по воле автор другом и наставником Александра, предупреждает его о близкой кончине. Сорокалетний полководец устраивает последний смотр войскам. Мимо него проходят его победоносные воины — греки, сирийцы, индийцы, египтяне, евреи — все народы, входящие в царское войско. Глядя на них Александр качает головой и говорит:

— Зриши (видишь) ли всех сих? Все бо те (ведь все они) под землю зайдут!⁶

К мысли о брешности человеческой жизни читатель приходит не через декларации и поучения автора, а че-

рез сюжет — он следует за судьбой героя и вместе с ним переживает его победы и конечную судьбу. Такая косвенность авторской позиции вообще характерна для сюжетной прозы — читатель сам делает вывод из предложенных ему коллизий. И вывод этот не всегда можно было предсказать. Царь Александр умер молодым. Но какой должна была быть посмертная судьба героя? Ждала ли царя-язычника геенна огненная или же дружба с Иеремией и вера в единого бога, приписанная ему автором, могла обеспечить ему царствие небесное? В южнославянском тексте «Александрии» вопрос этот не ставился, но в той русской версии романа, которая читается у Ефросина, рассказывается, что после смерти царя «аггел господен» взял его душу и отнес «иде же (куда) бог ему повеле». ⁷ Куда же именно «аггел» отнес душу добродетельного, но не крещенного царя? Вопрос этот оставался открытым.

Двусмысленность авторской позиции, в «Александрии» только намечающаяся, в еще большей степени проявляется в «кощунах и баснях» о Соломоне и Китоврасе, столь любимых Ефросином. Что такое «дивий зверь» Китоврас — доброе это существо или злое? Он помогает царю Соломону строить храм, но он же, когда царь выражает сомнение в его могуществе, забрасывает Соломона на край света, откуда его с трудом возвращают мудрецы и книжники. Легенды о Китоврасе не прославляют и не осуждают его; главная черта Китовраса — остроумие, способность перемудрить («переключать», как говорили в древней Руси) любого собеседника — именно то, что в Возрождении получило наименование «virtù» (виртуозность, изящество).

Так же противоречив — коварен и в то же время остроумен — был главный персонаж другого памятника, не читающегося в известных нам сборниках Ефросина, но появившегося на Руси в то же время: в басенном цикле «Стефанит и Ихнилат». Главный его герой несомненно «мудроумный» зверь Ихнилат, ловкий интриган, ссорящий царя Льва с его фаворитом Быком и побуждающий царя расправиться с фаворитом. Преданный затем суду, Ихнилат изобретательно защищается, доказывая, что он не более виновен в гибели Быка, чем остальные. Гибель Ихнилата оказывается не торжеством справедливости, а результатом интриг матери Льва, и перед смертью хитрый зверь обнаружи-

вает и добрые чувства, оплакивая гибель (самоубийство от страха перед арестом) своего друга Стефанита.⁸

Мир, который рисовали такие памятники, как «Соломон и Китоврас», «Стефанит и Ихнилат» и другие, оказывался не столь простым и однозначным, как традиционный мир средневековой литературы; люди в нем не всегда были «белыми» или «черными», они оказывались сложными. Перед нами, конечно, не просто новая литературная манера, а определенное мировоззрение, которое обличители «неполезных повестей» не без основания считали опасным. Но это мировоззрение закономерно возникло у того поколения, к которому принадлежал Ефросин.

Люди, пережившие «великое нестроение» 30—40-х годов в зрелом возрасте, такие, как «Нестор XV века», составитель «свода 1448 г.», имели позитивный идеал — определенную политическую программу — они стремились к установлению «братского» единения между русскими землями и княжествами. Младшие современники «великого нестроения», подобные Ефросину, оказались свидетелями того, как эта программа потерпела неудачу. Василий II и Иван III отнюдь не обладали «договорным сознанием», воспринятым «Нестором XV века». И это сказалось не только в вероломном «поимании» Василием Темным серпуховского князя, но и в отношениях с Новгородом. В 1456 г. Василий II заключил с новгородцами Яжелбицкий мир, но как мало он склонен был считаться с этим договором, видно хотя бы из составленной через несколько лет «духовной грамоты» (завещания) великого князя, где Вологда и другие города, только что вписанные Василием в число «волостей ноугородских», преспокойнейшим образом завещались его сыновьям в качестве уделов. Шелонская победа 1471 г. еще более укрепила позицию великокняжеской власти по отношению к Новгороду. Формально Иван III и после нее обязался «держать» Новгород «по старине». Но как мало значила эта «старина», видно из великокняжеского летописания, которое стало вестись с конца 50-х годов и до начала 70-х годов и дошло до нас, например, в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях.⁹ Великокняжеские летописцы опирались на «свод 1448 г.», но систематически и последовательно переделывали его: выше (с. 34) мы уже приводили табличку с примерами таких переделок.

Но тогда нас интересовала левая колонка этой таблички, где настойчиво упоминалось о том, как новгородцы «изгоняли» и «сажали» на престол своих князей. Обратим теперь внимание на правую колонку: здесь князей не выгоняют и на престол не сажают — они по собственной воле уходят и приходят в Новгород. Пока «старина» еще не была отменена, московские летописцы, чтобы привести ее в соответствие с политикой великого князя, переделывали саму историю.

В такой обстановке русским правдоискателям приходилось отрешиться от надежд, возникших в конце «великого нестроения», и создавать свои идеалы заново.

Их идеалы утратили теперь те конкретные формы, в каких они рисовались людям середины века. Неизбежен был уход в мир довольно неопределенных мечтаний, обращение к тому популярному в средние века жанру, о котором вспоминал Пушкин, когда упоминал памятники, наводнявшие средневековую Европу, — к жанру легенд.

Жанр этот богато представлен в сборниках Ефросина. К нему принадлежало уже послание Василия Федору, заимствованное книгописцем из «свода 1448 г.». Но хотя в послании и упоминался земной рай, он оказывался недоступным для простых смертных. Двое из новгородцев, занесенных бурей к тем землям, откуда слышались «веселия гласы», по очереди взбирались на высокую гору, чтобы увидеть, откуда идет «самосиянный свет», но обратив взоры к нему, всплескивали руками, бежали к источнику света и уже не возвращались. Чтобы узнать все-таки, что же видели исчезнувшие посланцы, моряки отправили на гору еще одного из своих товарищей, привязав его «ужищем» (веревкой) за ногу. Третий посланец тоже хотел побежать к источнику света, но его потянули назад «ужищем», и он умер. Так и не увидев рая, новгородцы вернулись домой.¹⁰

Земной рай, таким образом, оказывался недоступным для людей, но поблизости от него по средневековым представлениям должны были быть расположены другие земли, где жизнь была если не вполне, то почти райской. Счастливой страной была, например, в глазах людей того времени далекая Индия. В России XV в., как и в средневековой Западной Европе, было широко распространено легендарное послание индийского «царя-попа» Иоанна византийскому императору —

на Руси его именовали «Сказанием об Индийском царстве». В моей стране, повествовал Иоанн, все богаты, счастливы и «нет ни вора, ни завидлива человека». Древнейший сохранившийся список «Сказания об Индийском царстве» переписан рукой Ефросина.¹¹

К тому же циклу легенд принадлежит и «Слово о рахманах и предивном их житии», не только переписанное, но и весьма существенно дополненное в ефросиновских сборниках. В чем сущность этих дополнений, которые мы с достаточным основанием можем считать выражением собственных мыслей кирилло-белозерского книжника?

В мечтах о лучшем общественном устройстве, которые возникали у людей уже с древнейших времен, постоянно фигурировали две темы — тема свободы и тема равенства. «Нестор XV века» больше всего беспокоился о соблюдении прав русских земель и княжеств, о их вольностях и о соблюдении братьями-князьями взаимных обязательств. Он думал о свободных отношениях между князьями и вольными городами, — если его интересовала тема равенства, то речь шла только о равенстве между русскими землями. В «Слове о рахманах» тоже речь идет о свободе: в отличие от «Сказания об Индийском царстве» там нет «царя-попа», ибо нет вообще ни царей, ни вельмож, ни храмов, ни риз. Но не менее ярко отражена здесь и тема равенства: нет купли и продажи, нет [злата и серебра, нет зависти — все равны.

Среди современников Ефросина был еще один человек, которого в одинаковой степени интересовали и темы, поднятые «Нестором XV века», и не менее острые вопросы общественного неравенства. То был Афанасий Никитин, автор знаменитого «Хождения за три моря». В этой книге, конечно, невозможно рассказать о нем подробно — такой рассказ увел бы нас слишком далеко от двух основных героев этого повествования. Заметим только, что, судя по его «Хождению», Никитин вовсе не был «торговым разведчиком», пробиравшимся в Индию по поручению Ивана III, и вообще официальным лицом, каким его иногда изображают историки. Он был несчастливым купцом-путешественником, ограбленным по дороге на Кавказ, неспособным расплатиться со своими долгами и отправившимся в Индию, «заплакав» от «многой беды». Но взгляд его был ясен,

и понав в сказочное «Индийское царство», он убедился в том, что там тоже «сельские люди голы вельми (очень), а бояре сильны добре (весьма) и пышны вельми», что индийский хан «ездит па людях», хотя «слонов у него и коний много добрых», а индийцы «все пешеходы. . . а все наги да босы». И перейдя от этих наблюдений к размышлениям о своей родине Афанасий Никитин записал (на всякий случай по-тюркски, как он обычно делал, обращаясь к рискованным темам):

— А Русская земля да будет богом хранима. ! На этом свете нет страны подобной ей. Но почему князья Русской земли — не братья друг другу! Пусть же устроится Русская земля, а то мало правды в ней. . .¹²

Как и Афанасия Никитина, Ефросина беспокоило не только отсутствие братских отношений между русскими князьями, но недостаток «правды» в русских землях — и в княжествах и в независимой до 1479 года Новгородской республике. В Новгороде не было своего «царя» (или государя), но все остальные явления, от которых Ефросин мечтал избавить счастливых людей, оказывались в преизбытке — и могущественные «вельможи» и «татьба и разбой», тесно связанные с «куплей и продажей», и внутренние «свары и бои». К XV веку элементы народоправства в государственном устройстве Новгорода почти выветрились — власть находилась в руках нескольких боярских фамилий; именно поэтому новгородцы не защищали свою республику так, как они это делали в XII и начале XIII века!

В отличие от московских летописей последняя летопись Новгородской республики не обвиняла своих правителей ни в «изменах», ни в «латинстве». Здесь просто сообщалось, что Иван воздвиг «нелюбие (немилость, гнев)» на Великий Новгород и пошел на него походом. Но причины поражения новгородский летописец рисовал яснее и куда убедительней, чем его московские собратья. В Новгороде не было единства: архиепископ, склонный признавать московского митрополита, а не литовско-русского, не позволил новгородской «коневоу рати» выступить против московской конницы, предводительствуемой татарским «царевичем» (по несколько странному новгородскому обычаю конные части подчинялись главе местной церкви). Некий Упадыхл «ради мзды» (за московские деньги) заколотил железом новгородские пушки. Не было единства

и в войске. Рядовые новгородцы на Шелони «вопили на больших людей», руководивших войском: «ударимся ныне», но каждый, когда до него доходило дело, говорил: я — «человек молодой» (маленький) и ссылался на негодность своего «коня и доспеха». ¹³ В этом-то внутреннем разброде и заключалась подлинная историческая неизбежность падения Новгородской республики.

Станет ли рядовым жителям севернорусских земель — новоприсоединенным новгородцам и давно подчинившимся великому князю белозерцам — лучше жить в составе единого государства? Особых оснований для такого предположения не было, но людям свойственно надеяться на то, что большие перемены предвещают изменения их нелегкой жизни в лучшую сторону.

Одно событие, бесспорно принесшее радость и Ефросину и его современникам, произошло во всяком случае уже во время написания его сборников. «В лето 6888 сент[ября] 8 в среду бысть (был) бой за Доном. В лето 6988 'сен[тября] 8 ино тому прешло (с того времени прошло) лет 100», — отметил Ефросин, переписав «Задонщину». ¹⁴

Столетие «боя за Доном» было ознаменовано и событием, едва ли уступившим по значению победе 1380 года. Хан Большой Орды (наследницы «Золотой Орды») Ахмат, считавший, как и его предшественники в XV веке, московского князя своим вассалом и недовольный тем, что Иван III не ездил к нему и девять лет (после похода на Алексин в 1472 г.), не давал ему «выхода» (дани), пошел на Русь. Не сумев перейти Оку, где заранее были расставлены русские войска, он двинулся на запад, к притоку Оки — Угре, надеясь на соединение с польско-литовскими войсками короля Казимира. Началось «стояние на Угре». В то же самое время против Ивана III выступили его братья удельные князья Андрей Углицкий и Борис Волоцкий, недовольные тем, что великий князь после смерти Юрия Васильевича Дмитровского в 1472 г. и завоевания Новгорода в 1477—1478 гг. не дал им (как это было принято делать прежде) части новоприсоединенных земель. Андрей и Борис заявили об отказе от своей вассальной зависимости от старшего брата и переходе под суверенитет Казимира. Но Казимир не пришел на помощь

Ахмату (неожиданно Ивану III помог противоягеллонский заговор его двоюродного брата Михаила Олельковича — того самого, на которого московский государь возлагал вину за «новгородскую измену» 1471 г.); а переправы на Угре, как и на Оке, были своевременно заняты русскими войсками. Некоторые из бояр Ивана III, доставшиеся ему еще от отца, уговаривали князя пойти на уступки хану. Иван III колебался, но старший сын князя Иван Молодой, ростовский архиепископ Вассиан и, что еще важнее, московские горожане, грозившие восстанием, потребовали решительных действий. Иван III помирился с братьями (согласившись отдать кое-какие земли) и двинулся к Угре. Тем временем наступили ранние морозы, Угра стала, и тут выяснилось, что ханские войска, рассчитывавшие на быструю победу, не готовы к зимней кампании — «наги, босы, ободрались». Ни татарские, ни русские войска в бой не вступили, и «стояние на Угре» окончилось бесславным отходом хана, после которого о прежних вассальных отношениях уже никто и не заговаривал — даже сын и наследник Ахмата.

Все было не так ярко и торжественно, как в рассказе «свода 1448 г.» и последующих летописей о Куликовской битве, но то, что произошло, имело поистине историческое значение. Рахманы, описанные Ефросином, не имели «царя». У русских он был: хана Золотой Орды именовали в летописях и других памятниках не иначе, как «царем». За ордынского царя веками молились митрополиты и священнослужители, и старые сподвижники Василия II недаром отговаривали его сына от войны с царем — война эта могла считаться нарушением присяги, данной предками Ивана III. Именно против ссылок на необходимость соблюдения древней «клятвы царю» выступал в 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан Рыло, напоминая, что эта «клятва» была дана предками Ивана III «по нужде» и «разрешая» князя от нее. Солидарен с Вассианом был в этом случае и Ефросин, молившийся в сборнике, составленном в начале 80-х гг., о митрополите и ростовском архиепископе, «о державе, о победе» великому князю Ивану Васильевичу, его сыну Ивану Ивановичу и братьям-князьям, «о избавлении братьи нашей, иже в плсении, о поспешении, о пособлении, о укреплении христорлюбивого воинства. . .»¹⁵

Насколько близка была кирилло-белозерскому книгописцу эта тема, видно из того, что даже переписывая библейское сказание о Самсоне, Ефросин неизменно называл иноплеменников, которым выдала Самсона его жена, «злая львица» Далила, — «татарами».¹⁶

В ноябре 1480 г. власть царя Орды над Русью кончилась. Одна из частей ефросиновской утопии как бы стала реальностью: подобно блаженным рахманам, русские не имели больше царя. Осуществилась и одна из главных идей «Нестора XV века» — иго, длившееся почти два с половиной столетия — перестало существовать.

Ефросину, как и его современникам, могло казаться, что наступают новые времена.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ДЬЯК

Переписчик и автор «Дракулы»

Вторую часть этой книги мы начнем так же, как и первую, — с произведения беллетристики нового времени. Роман, о котором мы будем говорить теперь, был написан в конце XIX—начале XX в. английским писателем Брэмом Стоукером и назывался он «Дракула».

¶ Роман Стоукера, переведенный в начале века на многие языки (в том числе незадолго до революции и на русский — он произвел сильное впечатление на Александра Блока), вскоре потерял популярность и был бы наверное забыт, если бы не новое искусство — кинематограф. В 1922 г. немецкий режиссер Ф. Мурнау поставил на основе этого романа фильм «Носферату», а затем (особенно с конца 50-х годов) стали появляться все новые и новые кинематографические «Дракулы»; число их во всем мире приближается к сотне. Кино вновь возбудило интерес к роману; он стал переиздаваться, даже с комментариями.

Чем же эта книга привлекла читателя? Дракула в романе принадлежит и нашему времени, и средневековью. Когда герои романа после многих приключений находят мавзолей рода Дракулы, один из саркофагов этого мавзолея оказывается пустым. Обитатель этого саркофага, грозный князь и воевода, некогда завоевавший славу в борьбе с турками, покинул могилу и стал вампиром-вурдалаком, чтобы всюду, от Трансильвании до Англии, сеять смерть и плодить таких же «не-мертвых» вампиров.

Большинство наших читателей не читало книги Стоукера и не видело фильмов о Дракуле, и, пожалуй, это небольшая потеря. На пороге XX века, когда писал Брэм Стоукер, вампир, пьющий кровь прекрасных женщин, может быть и казался воплощением ужаса; сейчас он выглядит совсем бутафорской фигурой. XX век знает темы пострашнее вурдалаков.

«Вы мертвых не бойтесь. Они вам ничего не сделают. Вы бойтесь живых», — говорит сторож при морге в записных книжках, которые вел в 1936—1937 годах Илья Ильф.

Но князь Дракула не был только плодом вымысла Стоукера — он действительно существовал и правил в восточной Валахии (Румынии) XV века и прославился там и в соседних странах своей жестокостью. На родине его звали Владом Цепешем, т. е. «Прокальвателем», «Сажателем на кол» (это был излюбленный им вид казни), а в венгерских, немецких и других землях «Дракулой», что означало «дракон», «дьявол». Дракула был не сказочным вурдалаком, а как раз тем живым, который куда страшнее мертвых.

В чем же смысл сказаний о Дракуле, появившихся в эпоху Возрождения и странным образом воскресших пять веков спустя? При всем отличии Дракулы XV в. от «Дракул» XX века у них есть одна общая черта — они внушают ужас. Дракулой можно стращать — и стращать тех, кто заслуживает кары.

Именно так воспринимал образ Цепеша-Дракулы классик румынской литературы Эминеску — еще до Стоукера и независимо от него. Для Эминеску Цепеш был не фантастической, а исторической фигурой; он хорошо знал сказание XV века о том, как грозный государь призвал к себе на пир, а потом сжег всех бродяг и нищих страны. Такую же казнь поэт призывал и на головы современных ему паразитов — любителей «золота и праздности»:

О приди, могучий Цепеш, и, тяжелы сон развеяв,
Раздели их на две пайки, на безумцев и злодсев.
В две огромные темницы заточи их без раздумья
И сожги огнем священным и тюрьму и дом безумья!

Эминеску писал в конце XIX века — за десятилетия до первой мировой войны. Пришла эта война, не миновавшая и его родную Румынию, и о Цепеше-Дракуле на время забыли. Но вновь наступили мирные времена, и в веймарской Германской республике 20-х годов воскрес Дракула — на этот раз в его стоукеровском варианте, как средневековый, но оживший мертвец. Говоря об экспрессионистском фильме «Носферату», имевшем большой успех, известный киновед Э. Кракауэр писал, что Дракула здесь — «фигура кровожад-

ного, упивающегося кровью тирана, принадлежащего к области между мифом и сказкой. Весьма знаменательно, что в этот период воображение немцев. . . постоянно тяготело к таким фигурам, как бы под влиянием смешанного чувства ненависти-любви».²

Чем это объяснить? Жизнь в Германии 20-х — начала 30-х годов была еще относительно спокойной — особенно в сравнении с последующими временами. Но сосуществование «золота и праздности» с нуждой и лишениями порождало некие подсудные силы жестокости. Когда же пришел Гитлер и жестокость стала повседневностью, Дракула и связанные с ним мифы, потеряли привлекательность и ушли в небытие: экспрессионистское кино оказалось под запретом как упадочническое и вредное.

Но вновь наступила мирная эпоха — вторая половина XX века. И Дракулу вспомнил американский поэт Огден Нэш:

Люди, у которых есть все, что им нужно, любят убеждать людей, у которых нет того, что им нужно, в том, что им вовсе не нужно этого и что они попросту сгущают краски. Лично я собрал бы подобных людей в какой-нибудь старинный замок на Дунае и направил бы туда за собственный счет полдюжины Дракул — для пущей остратки.³

Нэш едва ли знал Эминеску и по всей видимости ничего не слышал об историческом Цепеше-Дракуле. Тем удивительнее это совпадение: независимо друг от друга два разных поэта нового времени, выражая ненависть к окружающему их миру несправедливости, обращаются к одному и тому же историческому персонажу XV в.

Но ведь не они первые начали эту традицию. Она и сама восходит к XV веку. Люди, жившие в эпоху европейского Возрождения, тоже интересовались Дракулой не просто как одной из фигур недавнего прошлого — в истории этого бесноватного государя они искали урока и поучения. А в числе людей, обратившихся к этой теме, был и русский автор, чью «Повесть о Дракуле» переписал уже в 1486 г. наш знакомец Ефросин.

Что же представляет собой «Сказание о Дракуле воеводе» в ее ефросиновском варианте? Как и большинство зарубежных сочинений XV века о Дракуле, это сочинение содержит мало конкретно-исторических дан-

ных: здесь нет обычного в летописных повестях хронологического порядка изложения. «Сказание о Дракуле» — сюжетная повесть, по композиции больше всего напоминающая сказания о Соломоне и Китоврасе: ряд эпизодов, связанных одной темой и одним героем. Однако в отличие от Китовраса ее главный персонаж не сказочный «дивный зверь», а «греческия веры христианин воевода именов Дракула», правивший «в Мутьянской земли». Но ни исторического имени Дракулы — Влад Цепеш, ни указания на время его правления (1456—1462 и 1477 гг.), ни вообще каких-либо дат в повести нет. Автор сразу начинает с эпизода, рисующего беспощадность воеводы: к нему являются турецки послы, отказавшиеся снять свои «каны» (шапки), ссылаясь на то, что таков их обычай. Дракула решает подкрепить их обычай, приказав прибить их шапки к головам.

Дракула сажал на кол всех, кто ему не угодил: трусливых воинов, непочтительных послов, даже ленивую крестьянку, не починившую мужу рваную рубаху; он собрал на пир всех нищих страны и приказал сжечь дом, где они пировали. Но Дракула был не только жесток; он оказывался кроме того еще нелюбезным государем и судьей, искоренявшим любые преступления, ложь и воровство в своем княжестве.

Что же представляет собой «Повесть о Дракуле» — апофеоз грозной власти, «модель царского поведения», как считали одни исследователи повести, или осуждение жестокого тирана, как думали другие? ⁴ Как относился к Дракуле Ефросин — первый переписчик повести о нем? Каким образом соединялись в системе интересов, представлений и симпатий этого книгописца описание «зломудрого» Дракулы с рассказом о счастливом народе, которому совсем не нужны государи?

От этих вопросов можно и уйти, если считать, что Ефросин как профессиональный книгописец переписывал все то, что ему заказывали. Но ведь известные нам рукописи Ефросина — «келейные» сборники, написанные для себя и для немногих друзей, а вовсе не чужие рукописи; «Повесть о Дракуле» Ефросин, как он сам отметил, переписал дважды, и во второй раз уже несомненно не на заказ. В подборе ефросиновских памятников, о которых шла речь до сих пор, явно

ощущалась некая система. Не занимала ли и «Повесть о Дракуле» определенного места в его системе? Для того чтобы ответить на этот вопрос, полезно разграничить две его стороны: смысл и значение повести для ее предполагаемого автора и для переписчика.

Ефросин включил «Повесть о Дракуле» в один из своих сборников, но автором ее он не был и никаких дополнений к ее оригиналу (в отличие от оригинала «Слова о рахманах») в его рукописи нет: в этом легко убедиться по второму списку повести, сделанному в конце XV века другим писцом и в другом месте. Кирилло-белозерского книгописца интересовали, по видимому, в значительной степени литературные особенности памятника: подобно Китоврасу или Ихнилату, Дракула в повести был сложной фигурой: явно не положительной, но и не только отрицательной. С Китоврасом его сближала еще одна черта: он загадывал своим собеседникам трудные загадки. Он испытывал таким образом турецкого царя, послов, монахов, нищих.

— Хотите (хотите) ли, да сотворю вас беспечалны (избавлю вас от печали) на сем свете, и ничим же нужни будете (ни в чем не будете нуждаться)? — спрашивал он нищих.

Глупые нищие, не понимая второго, зловещего, смысла этих слов, с восторгом соглашались. Дракула избавлял их от вечной нужды, сжигая в «великой хранине» (доме).⁵ Здесь не только жестокость, но и испытание ума собеседников, и те из них, кто, по выражению автора, был «неизящен», т. е. лишен мудрости и остроумия, тяжело расплачиваются за это.

Ефросина, таким образом, могла привлекать в повести тема ума, остроумия, «виртуозности» в возрожденческом смысле слова. Но, конечно, этим не исчерпывалось значение самой повести. Центральной ее фигурой все же был государь, носитель власти, и автор, очевидно, не случайно сделал его «зломудрым».

Кто же был этот автор, когда, при каких обстоятельствах и кем была написана его повесть?

Переписав «Повесть о Дракуле», Ефросин сопроводил ее заметкой: «В лето 6994 фев[раля] 13 преже писал. . . в лето 6998 генв[аря] 28 вдругое переписах аз (переписал я), грешны Ефросин».⁶ 6998 г. — это 1490 г. по нашему летосчислению; указание па переписку

ѿ младенства инокъ. по
 томъ и сщеникъ и и
 гоуменъ въ монастыри.
 потомъ ростригсайсѣ
 лъндръ во еѡспѣ ойжени
 лса. помалъ во еѡсисоу
 южсеноу. иже послѣ дра
 коулы мѣло побилъ. и оу
 билъ его степѣнъ вало
 сьскы, по герсе^{ноу по} нѣлъ
 и иѣ во еѡдрѣнамоу
 нпьянскон земли влѣ
 дъ, иже бы въ иуднецьи
 игоуменъ: ѿлѣ. ѿч. ѿд.
 фе. ге. прѣписѣ. тѣ. ѿлѣ. ѿ
 ч. уи. ге. ки. вдрѣуе прѣпи
 сѣ азъ грѣшны ефросинъ.

Запись Ефросина на рукописи «Повести о Дракуле». Лист из сборника Ефросина.

«вдругое» (т. е. вторичную переписку), очевидно, относится к данному сборнику. Но повесть писалась, как мы видим, и «преже» (прежде) — до 1490 г.: она переписывалась Ефросином и в 1486 г. Значит, тот, кто написал ее и передал кирилло-белозерскому книгописцу, сделал это не позднее первой приведенной даты — 13 февраля 1486 года.

Повесть о Дракуле несомненно была написана по свежим рассказам о Цепеше, еще ходившим в соседних с Румынией землях. Сходные рассказы и анекдоты записывали немецкие авторы из близлежащих земель; записывал их и итальянский гуманист Антонио Бонфини, поселившийся при дворе венгерского короля Матвея Корвина (Матиаша Хуньяди) и писавший «Венгерскую хронику». Сходство русской повести с немецкими и итало-венгерскими повествованиями о Дракуле не текстуальное, а сюжетное, — очевидно, что это не переводы, а самостоятельные произведения, написанные на основе близких устных рассказов.

Автор русской повести сообщил немаловажные данные и о себе самом. Он был в соседних с Валахией землях, во всяком случае в Венгрии, вскоре после смерти Влада Цепеша. Автор сообщает о детях Дракулы: «Един при кролеве сыне живет (т. е. при сыне венгерского короля Матвея Корвина), а другой был у Варадинского бискупа (епископа города Варадина Великого, входившего тогда в состав Венгрии) и при нас умре (умер), а третьего сына, старейшаго, тут же на Будину (в Буде — столице Венгрии) видехом (мы видели). . .»⁷ Далее он рассказывает о судьбе «Мунтьянской земли» (Валахии), где соседний государь «Стефан. . . молдовский» (Стефан Великий, молдавский господарь в 1457—1504 гг.) посадил спустя несколько лет после Дракулы на престол «некоего воеводского сына, Влада именем», который был прежде монахом, а потом расстригся. Из этих слов ясно, что автор был в Венгрии в царствование Матвея Корвина, причем не один, а вместе с какими-то спутниками («при нас. . .», «видехом»). Происходило это во всяком случае после воцарения в Валахии («Мунтьянской земле») Влада Монаха — т. е. после 1481 г. Посольства из России в Венгрию были в те времена достаточно редкими, но одно посольство было отправлено именно в те годы. Послы выехали

в 1482 году, возглавлял посольство государев дьяк Федор Васильевич Курицын.

Время возвращения Курицына на Русь определяется довольно точно. Договор, заключенный русским послом с Матвеем Корвином, был направлен против польско-литовского государя Казимира Ягеллона, но начинать серьезную войну с королем Иван III пока не собирался. В грамоте Матвеем Корвину, посланной несколько лет спустя, великий князь объявил «починном (началом войны) и наступом (наступлением)» на польско-литовского короля присоединение Твери в августе 1485 г., совершенное якобы за то, что «князь великий Михайло Тверской с Казимиром королем был в братстве, любви и докончании (соглашении)». Происходил же этот поход, по словам великого князя, «как до нас дошел наш посол Федор» и привез текст договора. Значит, к августу 1485 года (т. е. за пять месяцев до первой переписки «Повести о Дракуле») Курицын уже наверняка вернулся в Москву.

Федор Курицын был человеком книжным — одно написанное им сочинение, «Лаодикийское послание», известно, и мы к нему еще обратимся. Из Венгрии Курицын привез с собой некоего «угрянина Мартынку» — венгра или венгерского славянина, который мог при случае напомнить ему (а иногда и сообщить, если дьяк их не знал) анекдоты о Дракуле. Так, вероятно, и возникла «Повесть о Дракуле». И автором ее можно считать государева дьяка Федора Курицына.

В XV веке в России еще не было книгопечатания, и сочинение, которое автор хотел размножить, вручалось переписчику. Таким переписчиком и оказался для Федора Курицына опытный и достаточно известный к тому времени Ефросин. К февралю 1486 года он уже вполне мог переписать небольшую по размеру «Повесть о Дракуле».⁸

Так, очевидно, и осуществилось знакомство (очное или заочное) двух героев нашего повествования — книгописца Ефросина и дьяка Федора Курицына.

Федор Курицын

Дату возвращения Курицына в Москву приходится устанавливать по косвенным данным потому, что обратный путь его оказался не совсем легким. Летом 1484 г., проезжая из Венгрии через Молдавию, Федор Васильевич был задержан турецким военачальником в Белгороде (Читатеа Алба, Аккерман) — молдавском городе, как раз перед этим захваченном турецкими войсками. У задержавших Курицына турок не было, впрочем, особенно дурных намерений: просто султан не имел еще дипломатических связей с московским государем, и турки были непрочь завязать их хотя бы таким способом. В Белгороде Курицына продержали довольно долго — пока об освобождении русского посла не похлопотал союзник Ивана III и вассал султана — крымский хан Менгли-Гирей.

В отличие от бояр, старших советников Ивана III, доставшихся ему от отца, дьяк Федор Курицын, очевидно, был сверстником великого князя, начавшим жизнь тогда же, когда и тот, — в середине XV века. Рода он был незнатного, своими служебными успехами обязан прежде всего себе самому.

Жизненный опыт, приобретенный Курицыным, во многом совпадал с жизненным опытом кирилло-белозерских летописцев и Ефросина, но на события тех лет он смотрел с несколько иной точки зрения.

Дьяк, ведавший преимущественно дипломатическими делами, Курицын, конечно, сознавал, как убедительны были те аргументы, которыми его государь обосновывал походы на Новгород. Особенно мало заботился Иван III об обосновании последних походов, начавшихся летом и осенью 1477 г. Формальным поводом к походам было утверждение великого князя, будто новгородцы в мае через своих послов назвали его «государем», а затем отреклись от этих слов. Достаточно взглянуть в текст московского великокняжеского свода, доведенного как раз до июня 1477 г., чтобы убедиться, что никакого известия о специальном приезде в 1477 г. новгородских послов, назвавших Ивана III государем, там нет. Рассказ же этот — позднейшее добавление к летописному повествованию в своде 1479 г., составленном уже после окончательной победы над Новгородом и уничтожения республики.¹ Отправляя в Новго-

И кнѣзь еднѣи поутниша по едѣ, и ѿтих
 не стнѣ го славо бо спѣи кѣ го гдѣю да
 стнѣ же пѣмѣ стнѣ поутниша кнѣзь пе
 лнѣи не по е го посла Федора на слѣ
 шу дѣ сури

1161

1111

1111

Поездка Федора Курциана послом в Венгрию. Миниатюра из Лицевого свода.

род посла, Иван III, видимо, предполагал две возможности: либо новгородцы согласятся на новый титул, и тогда новые порядки придется вводить «миром», либо они ответят на него хотя бы какими-нибудь враждебными действиями, и тогда можно начать поход. Но не произошло ни того, ни другого.

Новгородцы объявили «лякою» утверждение, что они называли Ивана III государем, но никаких других действий против великого князя не предпринимали, и созданная на ходу «ляка» стала единственным поводом для похода. Взятые в кольцо, правители Новгорода тщетно пытались выяснить, чего же конкретно хочет от них Иван III. Великий князь продолжал требовать ответа на заведомо бессмысленный вопрос: — Какого хотите государства на вотчине нашей, Великом Новгороде?

Никакого «государства» новгородцы не просили, и им не о чем было «бити челом». Наконец, когда положение в городе стало совсем отчаянным, Иван III согласился дать ответ: раз новгородцы сами спрашивают, «какову нашему государству быти на нашей отчине в Новгороде, ино мы, великие князи, хотим государства своего, как... на Москве... , вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти... » Начались «выводы» (высылки) из Новгорода враждебных и подозрительных лиц, конфискация земель; вечевой колокол был снят и отвезен в Москву, в кремлевскую колокольную звоницу.²

Все это Курицын отлично знал. Знал он и о жесточайшей внутренней борьбе в городе, которая была в 1477—1478 гг. еще острее, чем в 1471 г., знал и о том, что сторонники Москвы в Новгороде состояли не только из боярских фамилий, соперничавших с теми, кто находился у власти в республике, не только из наемных предателей, подобных Упадышу, заколотившему железом в 1471 г. новгородские пушки, но и из людей, искренно озабоченных судьбой земли Новгородской и всей Русской земли. Эти люди были еретики, появившиеся в Новгороде и в Пскове еще с XIV века.

Во время кризиса и падения республики существовавшее в городе в начале XV века и затихшее было еретическое движение появилось вновь. Многие из того, что казалось поверженным вождям Новгородской республики крайним «нечестием» великого

князя — конфискация владычных и монастырских земель, начатая уже в 1472 г. и неоднократно возобновлявшаяся в последующие годы, арест в 1480 г. (с конфискацией всех принадлежащих ему земель) того самого владыки Феофила, за права которого Иван III якобы и начал в 1471 году войну, — вызывало сочувствие еретиков великому князю. Еретики давно уже осуждали «стяжания» и «имения» церкви.

Даже отлучение в 1467 г. самозванных московских митрополитов всея Руси константинопольским патриархом, признавшим западно-русского (литовского) митрополита единственно законным главой русской церкви, не подорвало, а скорее усилило симпатии еретиков к великому князю. В ответ на это отлучение Иван III объявил в 1470 г. греческое православие «изрушившимся»,³ и новгородские еретики, не верившие в благочестие не только современной им русской, но и греческой церкви, были вполне солидарны с ним в этом вопросе. Когда архиепископ Геннадий, поставленный на новгородский владычный престол в 1484 г., спросил еретика Захара, почему он «перестриг» монахов Немчинова монастыря и три года не давал им причастия, Захар ответил:

— А у кого. . . ся причащати (причащаться)? Попы. . . по мзде (за плату) ставлены, а митрополит. . . и владыкы по мзде же ставлены.

Желая до конца уличить Захара, Геннадий заметил, что митрополита «ставят не по мзде». Но Захар не боялся осудить и митрополита:

— Коли (когда). . . в Царьград ходил. . . митрополит ставится, и он. . . патриарху деньги давал; а ныне он боярам посулы (взятки) дает тайно, а владыкы. . . митрополиту дают деньги. . . У кого причащатся?⁴

Критицизм русских еретиков в конце XV в. явно распространялся не только на русскую, но и на греческую официальную церковь.

Не разделяли еретики и господствовавшего в то время на Руси представления, что мир, созданный богом в семь дней, просуществует семь тысяч лет (ибо сказано в Псалтири, что «тысяча лет для бога как день единый»). Представление о конце мира, который должен наступить в 7000-м году от сотворения мира (т. е. в 1492 г., если считать по нашему летосчислению),

было настолько общепринятым, что даже пасхалия (таблица для определения переходящей даты празднования пасхи на каждый год) была доведена на Руси до 7000 — 1492 года: предполагалось, что после 1492 года праздновать пасху уже не придется! «Зде (здесь) страх, зде беда велика, зде скорбь не мала!.. Сие лето на конци явися, в онь же (наступил тот последний год, в который) чаем всемирное пришествие Христова!» — писали составители этой пасхалии (этот текст содержался, в частности, и в сборничке, принадлежавшем Кириллу Белозерскому). Но еретики, критически относившиеся к греческой традиции, не верили в конец мира. Напротив, они были убеждены, что грядущий 1492 г. будет не годом всеобщей гибели, а временем их морального торжества.

По своей ли инициативе или по совету кого-либо из приближенных Иван III, завоевав Новгород, пригласил тамошних противников церковных «имений» и «стяжаний» к себе в Москву. Один из еретиков, священник Алексей, занял даже среди московского духовенства весьма важное место. В 70-х годах Иван III решил ознаменовать победу над Новгородом перестройкой «града» (Кремля) и находившихся в нем церквей: «церкви из града выметал воп» — как, явно преувеличивая, утверждал Геннадий Новгородский. Перестроен был и главный храм страны — Успенский собор. Перестройка началась уже вскоре после Шелонской победы, но еще не заверченный собор в 1474 г. пз-за неудачной кладки стен развалился, и для новой постройки был приглашен итальянский архитектор Аристотель Фиораванти. Аристотелю удалось создать удивительный архитектурный памятник, соединив русские владимирские традиции (он специально ездил во Владимир посмотреть тамошние храмы) с привычными ему ренессансными. В августе 1479 г. храм был торжественно открыт; протопопом его стал новгородский священник Алексей. Другой еретик, Денис, стал служить в кремлевской великокняжеской усыпальнице — Архангельском соборе. Третий, Гавриил, — еще в одной московской церкви. Тогда же, очевидно, завязались связи между этими еретиками и Федором Курицыным.

Идеи, воспринятые Курицыным па родине, получили повое развитие во время его поездки на запад.

Зарубежная Европа — страна «латин», как именовали в России католиков, оказалась и непохожей и очень похожей на родину Курицына. Иными были наряды, дома, картины, висевшие в королевском дворце в Будине (Будапеште). Венгерский король (1458—1490) Матвей Корвин (Матиаш Хупьяди), во владениях которого находился ряд славянских земель, а в 80-х годах даже Вена, слыл покровителем наук и искусств. Основанная им библиотека — Библиотека Корвина — стала одним из богатейших книгохранилищ Европы; там Курицын мог найти не только редкие рукописи, но и никогда еще не виденные им печатные книги, появившиеся в Западной Европе с середины XV века; при Матвее Корвине в пригороде Буды — Пеште была основана уже и собственная типография, а в Братиславе — университет. Сочинения же, которые читали в Центральной Европе, напоминали сочинения, переписывавшиеся Ефросином или его братьями. Западные параллели к русским памятникам конца XV века многочисленны: рассказы (поэтические и прозаические) об Александре Македонском, басни о Соломоне и Морольфе, басни о животных, аналогичные «Стефаниту и Ихнилату», «Троянская история», изданная в Чехии в 1468 году типографским путем.

Время Федора Курицына совпало с одной из удивительнейших эпох в истории человечества. Феодалные войны во многих европейских странах, массовые эпидемии, усилившиеся из-за скопления населения в сильно разросшихся городах, — все это вызывало ощущение «горького вкуса жизни» в эпоху, которую известный голландский историк И. Хойзинга назвал «осенью» или «увяданием средневековья». Как и на Руси, на Западе ждали конца мира по истечении седьмой тысячи лет от его создания, — правда, на Западе преобладало летосчисление от Рождества Христова, но время рождения Спасителя определялось примерно так же, как в Византии и на Руси, — около 5000 года от сотворения мира и, следовательно, окончания 7000 лет существования мира ждали где-то между 1492 и 1500 годами.

Но рядом с великим страхом, как это часто бывает, жили и великие надежды. Никогда еще люди средневековья не думали столько о неизбежных переменах, ожидающих мир. Подобно Александру Македонскому из средневекового романа люди XV века стремились

хотя бы накануне неизбежной смерти познать мир до конца: таков был, по преданию, один из аргументов, каким убеждал Колумб испанских монархов дать ему средства для экспедиции (она была совершена, как известно, как раз в 1492 г. — в году, когда ждали конца мира). Не менее важным доводом в пользу далеких экспедиций служило легендарное письмо царя Индии «пресвитера Иоанна» — то самое, которое на Руси называли «Сказанием об Индийском царстве». О «пресвитере Иоанне» помнили и Колумб, и Васко де Гама, направлявшиеся в Индию двумя путями — западным — через Атлантический океан и восточным — вокруг Мыса Доброй Надежды; путешественники имели с собою даже письма к царю-священнику или к его преемникам.

Вряд ли собеседники Курицына в Будине были смущены, если он рассказал им о своих новгородских знакомцах — русских еретиках конца XV века. Многие подданные венгерского короля, жившие на присоединенных им словацких и чешских землях, были гуситами — последователями великого чешского реформатора Яна Гуса, сумевшими после казни своего учителя в 1415 г. сохранить его учение. Гуситы преобразовали церковь, конфисковали многие церковные земли, упростили и сделали доступной народу церковную службу. Наиболее радикальные из них вообще отвергали церковную иерархию, требовали всеобщего равенства.

Наряду с чешским реформаторством проникали в Венгрию свободные идеи и из других стран, например из Италии. Европейские вольнодумцы так же не хотели верить во всеобщую гибель человечества в 1492 г., как и их новгородские собратья. Мир, который должен погибнуть, это был, по их представлениям, старый мир, где идет война всех против всех, царствуют ложь, жадность и суеверия. Московское «зелье в куряти» (яд в цыпленке), которым был отравлен Шемяка, вряд ли могло удивить собеседников Курицына — уж кто-кто, а итальянцы знали, как светские и духовные князья нарушают договоры, обманывают и исподтишка отправляют на тот свет своих соперников. Предвестники конца старого мира действительно налицо. Уже многие не верят «римской волчице» — папскому престолу, поддерживающему

раздробленность государств: уже говорят, что и права пап на Рим и прилегающие области основаны на давнем обмане. Нарождается новый мир — без прежних границ и кровопролитных войн, мир науки и просвещения. Но, если новый мир не может быть построен без насилия, если города-республики не могут быть объединены под властью «икнарха» — доброго правителя, соблюдающего все их вольности, то нужно найти решительных вождей и вручить им всю полноту власти. Это — синьория, принципат — уступка народного суверенитета одному лицу, но временная — во имя всего народа и общего блага; когда всеобщая справедливость будет установлена, она больше не понадобится. . .

Мысли о новом мире не оставляли Федора Васильевича Курицына после возвращения из путешествия. Неожиданная задержка в Белгороде его, возможно, даже обрадовала: он получил досуг не только для конкретно-политических дел. Во всяком случае, именно после возвращения из Венгрии и Молдавии, в 1485 году, вокруг него создался тот кружок, который враги считали главным оплотом еретиков: «а та стала беда», по словам архиепископа новгородского Геннадия, после того, «как Курицын из Угорские земли приехал», и перебравшиеся из Новгорода в Москву протопоп Алексей, поп Денис и другие новгородские еретики стали постоянно ходить к нему. «Курицын у них и печальник (т. е. главный защитник), — жаловался Геннадий, — а о государственной чести печали (заботы) не имеет».

Захваченный и допрошенный Геннадием участник этого новгородско-московского кружка рассказал под пыткой о собраниях кружка и об участии в нем еще одного лица — «угрянина Марынки». Все эти подробности были для Геннадия очень дороги: они должны были служить доказательством его хорошей осведомленности и точности сведений, посланных в Москву. «А потому, — с торжеством заключал новгородский владыка, — Курицын начальник всем тем злодеям».⁵

Чем же занимались Федор Курицын и его товарищи? К сожалению, известно об этом очень мало. Сохранилось несколько рукописей, созданных еретиками — составленный в середине XV в. свод всеобщей истории «Еллинский летописец», переписанный московским еретиком Иваном Черным (сбежавшим в Литовскую Русь еще до 1490 г.) и церковно-юридический сборник

«Кормчая — Мерило Праведное», писанный рукой брата Федора Курицына дьяка Ивана Волка. Из числа памятников, выпедших из еретических кругов, наиболее интересно и, по-видимому, наиболее оригинально «Лаодикийское послание». Зашифрованная цифровой тайнописью приписка к этому памятнику называет имя лица, «приведшего» (обретшего или привезшего) его: «Федор Курицын диак». Именно зашифрованность приписки и помогла «Лаодикийскому посланию» сохраниться в рукописной традиции последующего времени, когда имя Федора Курицына стало запретным.

Что же это за памятник? Загадочно уже самое его название. Лаодикия — город в Передней Азии, жителям которого было адресовано апокрифическое (не вошедшее в библейскую книгу апостольских посланий) послание апостола Павла, но с этим посланием сочинение Курицына ничего общего не имеет. Почему оно называется «Лаодикийским посланием», неизвестно. «Лаодикийское послание» Федора Курицына состоит из трех частей (считая третьей зашифрованную подпись автора). Первая часть представляет собой своеобразный философский трактат, построенный так, что каждое его изречение начинается с того слова, которым оканчивалось предыдущее, образуя как бы своеобразное стихотворение из десяти строк:

Душа самовластна, заграда (ограда) ей — вера.
Вера — наказание (наставление), ставится пророком.
Пророк — старейшина, исправляется (направляется) чудотворением.
Чудотворения дар мудростью усилест (поддерживается мудростью) . . .

Вторая часть — особая таблица из 40 клеток-квадратов, каждый из которых заключает в себе две буквы и комментарий к ним. Автор различает согласные («плоть», «столп») и гласные («душа» и «приклад») буквы, указывает, как сочетаются между собой отдельные звуки, как образуются слова женского и мужского «имени» (рода). Но таблица «Лаодикийского послания» служила не только своеобразной грамматической и фонетической энциклопедией. В каждой из клеток было помещено по две буквы — красная (написанная киноварью) и черная; заменяя одну букву на другую, таблицу можно было использовать как ключ к шифру.⁶

«Лаодикийское послание» было несомненно связано с другим, анонимным, памятником, встречающимся с ним в одних сборниках, — «Написанием о грамоте». В тех же сборниках переписывалась и переводная «Диалектика» греческого поэта и философа VII—VIII вв. Иоанна Дамаскина, — сочинение, излагающее те логические и грамматические знания, которые были восприняты византийской наукой от античности. «Диалектика» Дамаскина, видимо, оказала влияние и на «Написание о грамоте», и на «Лаодикийское послание».

Как и «Лаодикийское послание», «Написание» особенно настаивало на «самовластии души», провозглашая, что бог дал человеку при его сотворении «самовластна ума», открыл ему «вольное произволение» к «добродетели или к злобе», «путь откровения изяществу и невежеству»; автор объявлял даже воплощением «самовластия» грамоту: «грамота есть самовластие, умнаго волное разумение. . .» В «Лаодикийском послании» говорилось: «. . .наука преблагенна есть. Сею приходим в страх божий — начало добродетелем. . .» В «Написании» то же говорилось о грамоте: «. . .сим учением приходят человецы (люди) в страх божий. . .»⁷

Итак, постигнув грамоту, образованность, знание, человек станет поистине свободен: он узнает, где добродетель, где злоба, где изящество, где невежество. Ну, а пока? А пока во всех землях, которые перевидел Федор Курицын, не было ни свободы, ни справедливости. Одни законы существовали для простых людей, другие — для людей сильных. Взятчики-воеводы, описанные в кирилло-белозерском летописном своде, изменник и «тать» Кулодарь, с которым судьба связала Ефросина, отнюдь не были исключительными фигурами. Да и князья церкви бывали не лучше своих мирских собратьев. По всей стране росли монастыри; им принадлежали огромные угодья; по монастырским старцам этого было мало: каждый день княжеские судьи разбирали тяжбы монастырей с их соседями — крестьянами-общинниками, землевладельцами, другими монастырями. Игумен Чудова монастыря не постеснялся даже подделывать завещание одного из князей, чтобы помочь Спасо-Каменному монастырю завладеть наследством князя.⁸ Испугать таких людей мог разве

что дьявол. И Курицын решил рассказать им о князе-дьяволе.

«Бысть (был) в Мутьянской земле греческой веры христианин воевода именован Дракула влашеским (молдавским, румынским) языком, а нашим — дьявол. Толико (так) злоумдр, яко же (как) по имени, то и житие (жизнь) его», — так начиналась Повесть или Сказание о Дракуле.

Дракула расправлялся с нищими, с неверными и ленивыми женами, неискусными послами, посадил на кол монаха, пожалевшего казненных, и даже слугу, отвернувшегося от смердящих трупов па кольях, среди которых имел привычку шуровать «мутьянский воевода».

— Тамо ти (тебе) есть высоко жити — смрад не может тебе дойти (дойти), — балагурил он, отправляя брезгливого слугу на казнь.

Курицын вовсе не скрывал от читателей дьявольской жестокости своего героя. Но к анекдотам о Дракуле, услышанным им в Венгрии и Молдавии, он добавил от себя авторские рассуждения о жестоком мутьянском воеводе. Именно этот дьявол, сажавший людей на кол, добивался в его повести того, чего не могли достигнуть другие правители: искоренял зло в своем государстве. «Яко (если) кто учинит кое зло — татьбу (воровство), или разбой, или кую лжу (неправду), той никак не будет жив. Аще ль (будь то) болярин, или священник, иль инок, или просты (простой), аще (если) и велико богатство имел бы кто, не может искупиться (откупиться) от смерти. И толико (так) грозен бысть (был)». И тут же приводились конкретные примеры искоренения «зла» Дракулой: в пустынном месте, где протекал горный источник с прекрасной ключевой водой, Дракула велел оставить золотую чашу и никто не смел ее унести; иноземный купец мог спокойно ночью оставлять свои товары посреди улицы: Дракула ручался за безопасность его имущества.⁹

Что же доказывали, по мнению автора, все эти истории? Казался ли ему «мутьяпский воевода», несмотря на все его жестокости, образцом справедливого государя?

Как и Ефросин, Курицын знал, что идеалы «Нестора XV века» — составителя «свода 1448 г.» не осуществились: «братские» отношения между князьями не стали основой объединения Руси. Русское государство было

создано отнюдь не на договорных началах. И, конечно, в этом государстве остались все те многочисленные беды, от которых ефросиновское «Слово о рахманах» освобождало счастливых людей, — там сохранялись «вельможи», «свары» и «бои», «купля» и «продажа» в сочетании с «татьбой» и «разбоем». Но, может быть, это зло, не устраненное полюбовным соглашением «братьев» князей, могло быть уничтожено тем самым государем, который силой подчинил себе соседние земли? Может быть, подавив местные вольности, он установит равенство всех своих граждан — бояр, священников, монахов и простых людей — перед законом? Мы не знаем, верил ли в такую возможность Ефросин, но Курицын, очевидно, надеялся на устранение «зла» могущественным государем; надеялись на него и такие люди, как новгородские священники Алексей и Денис. В отличие от автора «Слова о рахманах» они имели, стало быть, не только негативную, но и определенную позитивную программу — хотя совсем иную, чем составитель «свода 1448 г.», «Нестор XV века».

Автор «Повести» не прославлял «мутьянского воеводу» и вовсе не видел в нем «модель царского поведения» для Ивана III. Повесть его была не апологией, а скорее предостережением. Автор ее хотел напомнить людям, и в особенности боярам, священникам, ипокам и владельцам «великих богатств», до каких крайностей может дойти власть, если ей будут мешать ввести новое государственное устройство. А в том, что такое устройство будет введено и притом с его, Курицына, ближайшим участием, в этом Федор Васильевич не сомневался.

Враги Курицына

80—90-е годы XV века были временем, которое десять лет спустя игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин назвал временем «пагубной и богохульной бури» в Русской земле. Жалуясь на «церковный раздор от еретического нападения», новгородский епископ Геннадий писал в 1489 г., что до сих пор «того ни в слуху не бывало, чтобы быть в Руси какой ереси». То же твердил Иосиф Волоцкий.¹

Говоря о «песлыханности» ереси в Русской земле, обличители явно кривили душой. Во всяком случае

Новгороду и Пскову, где владычествовал Геннадий, еретики были знакомы уже больше века. Это были так называемые «стригольники», отвергавшие всю церковную организацию (священников, архиереев, епископов) и многие таинства — исповедь, причастие. Допросив новгородского еретика-монаха Захара и убедившись, что он не признает таинств, совершаемых духовенством, поставленным «по мзде» (за деньги), Геннадий с торжеством заявил:

— И аз (я) познал, что стригольник.²

Как же относилась к этим событиям мирская и духовная власть, как развивалась борьба между теми, кто начал еретическую «бурю», и теми, кто ей противодействовал? К сожалению, известий об этом сохранилось мало. Как раз в 80-х годах, с укреплением власти русского государя, прекратилось на Руси независимое летописание, породившее в предшествующие десятилетия такие интереснейшие памятники, как «свод 1448 г.» и Кирилло-Белозерский свод 1472 г.

Последний общерусский оппозиционный летописный свод, сохранившийся в составе Софийской II и Львовской летописей XVI века, доходил до середины или конца 80-х годов XV в. Свод этот несомненно был связан с церковными кругами: несколько рассказов о чудесах, содержащихся в Софийской II и Львовской летописях, написанных митрополичьим дьяком Родионом Кожухом, позволяют предположить, что свод был составлен этим дьяком; подробнейший рассказ о строительстве Успенского собора дает основание для другой догадки: не был ли автор летописи как-то связан с причтом собора?³ Автор последовательно осуждал Ивана III и защищал тех, кто стал жертвами его политики, — тверских бояр, подвергавшихся притеснениям после присоединения Тверского княжества в 1485 г., выселяемых из Новгорода новгородцев, братьев Ивана III — удельных князей. С полным сочувствием этим князьям летописец рассказывал об их столкновении с Иваном III в 1480 г. и упомянул о том, что в 1489 г. Андрей Углицкий заподозрил великого князя в том, что, нарушая клятву, тот намеревается арестовать его. Иван III поклялся брату, что ничего не замышляет против него — но поклялся какой-то странной, не встречающейся в других памятниках клятвой: «землей, небом и богом сильным — отцом всякой твари».

Вообще правоверие великого князя вызывало у составителя оппозиционного свода, явно связанного с церковью, серьезные сомнения. Первая жена Ивана III умерла рано — составитель свода довольно прозрачно намекал, что ее отравили, и называл даже виновника, того самого дьяка Алексея Полуектова, который помог Ивану III захватить ярославские земли. Второй раз Иван III женился в 1472 г. на Зое-Софии Палеолог, племяннице последнего византийского императора — невесту, приехавшую из Рима, сопровождал католический священник, и оппозиционный свод не преминул указать на то, что митрополит Филипп отказался участвовать в венчании Ивана III и Софии. Рассказывая о спорах Ивана III с другим митрополитом — Геронтием, летописец неизменно сочувствовал митрополиту, но он сурово осуждал и митрополита, и великого князя за то, что при перестройке Кремля в 70-х годах они проявили неуважение к погребениям прежних святителей.

По своей антикняжеской направленности оппозиционный церковный свод 80-х годов, пожалуй, превосходил все независимые летописи XV века. Даже рассказывая о походе крымского хана Менгли Гирей на общего врага Крыма и Москвы — польско-литовского короля Казимира, летописец не только сообщил, что, захватив в 1484 г. «по слову великого князя» Киев, хан «вся люди в полон поведе (забрал в плен), и держателя (наместника) Киевского сведе с собою и с женою и с детми, и много пакости учинил, Печерскую церковь и монастырь разграбил, а инии бежали в пещеру (пещеру) и задохшася», но и специально отметил, что захваченные в церкви Святой Софии священные сосуды Менгли Гирей отослал своему союзнику — Ивану III.⁴

Однако найти какую-либо определенную политическую программу, стоящую за этой критической позицией летописца, довольно трудно. В этом отношении составитель свода 80-х годов отошел еще дальше от «Нестора XV века», чем севернорусский летописец 1472 г. Совершенно чужд он был в отличие от кирилловских книжников какой-либо склонности к свободомыслию. Правда, один деятель итальянского Возрождения произвел сильное впечатление на составителя московского независимого свода 80-х годов: Аристо-

тель Фнораванти, строивший как раз в те годы Успенский собор. О его «хитростях» этот летописец рассказывал подробнее всех остальных и с явным восхищением. По «небрежению», которое проявляли во время кремлевских строительных работ духовные власти к останкам древних святителей, глубоко возмущало его: «делатели» ходили мимо гробов Ионы и других прежних святителей, «а что ни есть отесков (осколков) каменных, то все на гроб его падаше (падали)», — писал летописец.⁵ Нисколько не сомневался он в отличие от своих северных собратьев в святости ярославских князей-чудотворцев, открытых в 1463 году. Напротив, он с благоговением и ужасом описывал Божию кару над ростовским владыкой Трифоном за неверие в новых святых. Единственное, что, по-видимому, отставив опозиционный летописец 80-х годов, это была старина — и в политической, и в церковной жизни.

Сообщил опозиционный летописный свод 80-х годов в отличие от великокняжеского летописания и о новгородских еретиках конца века, правда, в весьма лаконичной форме. В 1488 г., записал он, били «попов новгородских на торгу (на площади) кнутъем, прислал бо их из Новагорода к великому князю владыка Геннадий, что пьяни поругалися святым иконам. . .»⁶ Летописец явно не знал подоплеку всего этого дела и излагал ту версию, которая была объявлена перед «торговой казнью» (наказанием кнутом). Между тем новгородский владыка вовсе не считал наказанных новгородцев виновными только в кощунстве в пьяном виде. Он настаивал на том, что раскрыл большой еретический заговор, в котором участвует переехавший в Москву поп-еретик Алексей и другие; по в Москве не признали всех выдвинутых им обвинений, наказали кнутом только трех человек, присланных Геннадием, а одного даже избавили от наказания за недостатком улики. Московские власти, но словам возмущенного новгородского владыки, повели себя так, будто «Новгород с Москвою не едино православие».

О борьбе с ересью еще не думал не только неофициальный летописец 80-х годов. С нею не пытался бороться и московский митрополит — Геронтий (1472—1489). Впоследствии, когда ересь уже была разгромлена, Иосиф Волоцкий объяснял такое бездействие, во-первых, тем, что Геронтий боялся «державного»

(«державный», стало быть, противодействовал борьбе с еретиками!), а во-вторых, тем, что Геронтий был «грубостью съдержим (охвачен, одержим)» — недостаточно образован.⁷

Но если Геронтий не захотел и не смог противостоять еретической «буре», то нашлись другие, более бдительные и непреклонные ее противники.

Двух из них мы уже знаем — новгородского владыку Геннадия и игумена Волоцкого монастыря Иосифа Санина. По своему положению Геннадий был более важной фигурой, чем Иосиф Санин, — ведь он имел сан архиепископа и как и ростовский архиепископ занимал в церковной иерархии место, следующее непосредственно за митрополитом. Но Иосиф, по-видимому, первым заметил еретическую опасность, и еще в конце 70-х годов, будучи монахом Боровского монастыря, написал послание против еретиков, отрицавших иконное изображение Троицы. Сразу после смерти своего учителя Пафнутия Боровского Иосиф, избранный было игуменом Боровского монастыря, поссорился с Иваном III, перешел под покровительство его брата — удельного князя волоцкого Бориса и основал монастырь в Волоке Ламском — как раз в то время, когда Борис Волоцкий «отказался» от власти великого князя и признал вассальную зависимость от Казимира (пакануне «стояния на Угре» 1480 г.). Тем самым глава Волоколамского монастыря обнаружил стремление обеспечить своей обители такое же независимое положение, какое обрел Кириллов Белозерский монастырь в начале века.

Позиция Геннадия в начале его деятельности была куда более лояльной к великокняжеской власти чем позиция Иосифа: в 1479 г. он как раз поддержал Ивана III в его столкновении с Геронтием, и, возможно, именно это помогло ему занять в 1485 г. новгородскую архиепископскую кафедру. Но, став новгородским владыкой, Геннадий довольно скоро оказался в оппозиции к великокняжеской власти — важнейшую роль здесь сыграл вопрос о ереси.⁸

Борьбу с «еретическим нападением» Геннадий считал настоящим, едва ли не важнейшим для себя делом. В одном из посланий он попытался определить список книг, которые «у еретиков все есть». В нем упоминались библейские книги, сочинения отцов церкви, церковно-

полемиическая литература, «Менандр» (отрывки из сочинений афииского драматурга IV в. до н. э.) и анонимная «Логика».⁹ Смуцало Геннадия то, что его сподвижники, очевидно, не располагали этими книгами, уступали еретикам в образованности и не могли вести с ними «речей о вере». Владыка собрал вокруг себя целый круг помощников. Среди них был его дьякон Герасим Поповка со своим братом Дмитрием Герасимовым — будущим дипломатом, получившим образование в Ливонии. По поручению Геннадия Герасим и другие приближенные владыки стали переписывать и рассылать по монастырям книги, которыми пользовались еретики. Беспокоило Геннадия и использование еретиками библейских книг. Значительная часть этих книг была переведена на древнерусский язык задолго до XV века, но в единый кодекс они сведены не были — задача составления такого кодекса встала перед новгородским владыкой именно в связи с борьбой против ереси и завершена была только к концу века. В создании «Геннадиевской Библии» принимал участие наряду с Герасимом Поповкой и еще один весьма необычный помощник Геннадия: «поп Вениамин, родом словянин, а верою латынянин», «честный прызвитер (священник)», . . . он же «мних (монах) обители святаго Доминика» (как было указано на рукописях его трудов) — южный славянин (вероятно, хорват) и католический монах-доминиканец. Именно Вениамин перевел для «Геннадиевской Библии» с латинского те тексты священного писания, которых не оказалось в славянских переложениях с греческого.

Это несколько неожиданное участие «латинянина» в борьбе за чистоту веры против еретиков не было случайным эпизодом в деятельности новгородского владыки. Именно последователи «святого Доминика» (вовсе не считавшегося на Руси святым) играли главную роль в католической инквизиции, а инквизиция была как раз тем учреждением, которое больше всего ценил Геннадий у «фрязовей» (западных европейцев). Обращаясь в Москву с призывом созвать церковный собор, Геннадий больше всего настаивал, чтобы никаких «речей» о вере на этом соборе «не плодили», ибо «люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить»:

— Токмо того для учинити собор, что их казнити — жечи да вепати!

В связи с этим он и ссылался на «латин»:

— А фрязове по своей вере какову крепость держат! Сказывал ми (мне) посол цесарев (германского императора) про шпанского (испанского) короля, как он свою очистил землю!

Не ограничиваясь этим, Геннадий послал Ивану III особый список «Речей посла цесарева», полученный от императорского посла фон Турна (де ла Торре) через русского дипломата греческого происхождения Юрия Траханиота. Там описывалось, как в «Шпанской земле» (Испании) еретиков (в том числе и духовных лиц — совсем как в Новгороде!) «казнили многими казнями и многими ранами, да и сожгли. . . да мучили их многими розными муками, да и пережгли всех. . . а животы (собственность) их и имения па короля поимали. . . а слава. . . и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латинской вере, что на лихих крепко стоит. . .»¹⁰

Но, помогая новгородскому владыке, «латиняне» не забывали о своих целях. Желая отвлечь Ивана III от покушений на монастырские земли, Геннадий поручил своим приближенным написать трактат о неприкосновенности церковных имуществ. Трактат этот под названием «Собрание от божественнаго писания от ветхаго и новаго на лихоимцев» был написан, по всей видимости, доминиканцем Вениамином и снабжен ссылками не только на Константина Великого (IV в.), но и на франкского императора «Карула Бертина» (Карла Великого, VIII—IX вв.) который на Руси считался еретиком и авторитетом отнюдь не пользовался. В другом месте автор, указывая, что даже нехристиане почитали «святая святых», и каясь в непочтительном отношении к церковному имуществу от имени всех христиан, писал: «Мы же христиане — греци, русь и латини. . .», хотя на Руси в то время никак не полагалось включать «латин» в число правоверных христиан рядом с «греками» и «русью». Сподвижникам Геннадия пришлось срочно переделывать этот трактат (переименованный в «Слово кратко»), удаляя ссылку на Карла Великого и выскребывая криминальные слова «. . . и латини».¹¹

Новгородское окружение Геннадия едва ли пользовалось особым уважением в Москве. Геннадию при-

ходилось не столько «растерзать», подобно льву, «скверная утробы» «злодейственных еретиков» (как описывал потом его деятельность Иосиф Волоцкий), сколько защищаться от требования из Москвы дать вторичную присягу — «исповедание веры». С большой обидой он заявлял, что, «дав исповедание» в начале своей деятельности, он «в том исповедании» стоит «и теперво (теперь) неподвижно»: «Ниже к Литвы (ни к Литве) посылаю грамоты, ни из Литвы посылаю грамот», никакие «литовские ставленики» (т. е. священники, поставленные западнорусским митрополитом) у него в Новгороде не служат. Он уверял, что к «литовским окаанным делам» причастны, напротив, его противники: в 1471 г. в Новгород приезжал «князь Михайло Оленкович (Олелькович)», а с ним был некий «жидовин еретик» (имя его не называлось), с которым водились еретики-новгородцы. Это утверждение противоречило, однако, словам самого владыки, что еретическая «беда» началась с того времени, «как Курицын из Угорские земли приехал» (т. е. в 1485 г.). Едва ли оно могло произвести впечатление на Ивана III, отлично знавшего, что князь Михаил Олелькович, пробывший в Новгороде всего четыре месяца, никогда католиком не был, а в начале 80-х годов погиб в Литовской Руси как участник православно-антиягеллонского заговора.¹²

Круг лиц, группировавшийся вокруг Геннадия, явно был не достаточно силен, чтобы противостоять великокняжескому дьяку. Геннадий обращался за помощью к своим братьям-иерархам — епископу сарскому (епископы «сарские», первоначально — сарайские, некогда представители митрополита в Золотой Орде, пребывали в конце XV века в Москве), епископу суздальскому и бывшему (Иван III лишил его престола в 1489 г.) архиепископу ростовскому. Последние два — Нифонт Суздальский и Иоасаф Ростовский были тесно связаны с северно-русскими землями. Нифонт был еще недавно кирилловским игуменом (именно при нем Ефросин уходил из монастыря), а Иоасаф как ростовский владыка ведал Кирилловым и соседним Ферапонтовым монастырями. В связи с этим, очевидно, Геннадий запрашивал Иоасафа, имеются ли в этих монастырях книги, которые «у еретиков все есть», а также просил его привлечь для помощи в борьбе против еретиков двух старцев, связанных с этими монастырями, — быв-

шего троицкого игумена Паисия Ярославова и Нила Сорского.

Нил Сорский (Майков) был постриженником Кириллова монастыря — говоря о нем, мы вновь возвращаемся в ту обитель, где жил и писал Ефросин. Но никаких признаков знакомств, никаких связей между этими двумя учеными монахами не обнаруживается. Оба они — и Нил, и Ефросин — воспитывались в школе Кирилла Белозерского; оба, очевидно, читали сборники Кирилла. Но для Ефросина наиболее интересными оказались «естественнонаучные» статьи кирилловых сборников — «О широте и долготе земли» и другие, а для Нила Сорского — переписанные Кириллом аскетические сочинения писателя V в. Нила Синаита («Об осми помыслах», «О бесстрастии души и тела») и более позднего автора — Григория Синаита (XIV в.), теоретика аскетического учения исихастов. Заставший еретическую «бурю» Ефросин не только не принял участия в обличении еретиков, но дважды переписал сочинение, принадлежавшее, по всей видимости, их «начальнику» — Курицыну. А Нил Сорский еще в Кирилловом монастыре выступал против «растленных разумом» вольнодумцев и чтения «небожественных писаний»; естественно, что Геннадий вспомнил о нем, когда началась борьба с еретиками. Какова же была роль Нила в идейной борьбе тех лет?

Нил Сорский вошел в историю русской церкви как проповедник «скитского» жития монахов — в маленьких поселениях и кельях на два-три человека, провозвестник «нестяжательства» — течения, приобретшего важное значение уже позже, в начале следующего столетия, когда еретическая «буря» утихла. Что же касается его деятельности в конце XV века, то она стала среди историков предметом своеобразной легенды, чрезвычайно стойкой, но совершенно ни на чем не основанной. Историки давно знали о запросе насчет клиг, посланном Геннадием через Иоасафа, но ответ Нила или Паисия новгородскому владыке не сохранился (как не сохранилось и огромное большинство эпистолярных памятников того времени), и этому пробелу в источниках придавалось особое значение. Либеральные славянофилы конца XIX в., осуждавшие еретиков XV века как «людей увлечений и жизненной ломки», по не одобрявшие и инквизиционную деятельность Геннадия

и Иосифа Волоцкого, видели в старце Ниле как бы своего идейного предшественника. Нил Сорский был в представлениях славянофилов одним из «русских гуманистов-реформаторов в самом благородном смысле этого слова», чуждым ереси (враждебность к еретикам Нил высказывал в своем исповедании веры), но столь же враждебным религиозной нетерпимости, насилиям и гонениям.¹³

Однако нам не известно ни одного случая, когда бы Нил выступал против наказания еретиков. А новые материалы, которыми мы теперь располагаем, ставят под сомнение и традиционное противопоставление Нила Сорского Иосифу и Геннадию. Наиболее интересный из этих источников — своеобразный богословско-полемический трактат против еретиков, составленный, видимо, еще до их разгрома. Трактат этот был адресован некоему «иконописцу» (возможно, что адресатом его был виднейший художник того времени Дионисий, связанный и с Кирилловым, и с Ферапонтовым, и с Волоколамским монастырями).¹⁴ Впоследствии Иосиф Волоцкий включил его (опустив только вступительное «послание иконописцу») в свое главное противоеретическое сочинение — «Просветитель» в качестве трех «слов» (глав) его. Но кто же был автором первоначального, отдельного варианта трактата? Частично, возможно, сам Иосиф Волоцкий; по в трактате заметны следы творчества двух авторов, не всегда совпадающие между собой. Если некоторыми чертами трактат напоминает сочинения Иосифа, то другими скорее произведения его не менее знаменитого современника — Нила Сорского.¹⁵

Возможность соавторства двух виднейших церковных деятелей подтверждается еще одним памятником. В начале XVI века, когда ересь была разгромлена и для окончательного обличения еретиков был составлен обширный «Просветитель», то список этой книги, аккуратно переписанный и украшенный заставками, был подарен (как «вклад» на помин души дарителя) Волоколамскому монастырю — еще при жизни его игумена Иосифа Волоцкого. Кто же изготовил эту рукопись? Почерк писцов может быть определен. Одним из них был Нил Полев, ученик Иосифа Волоцкого, несколько лет проживший в Кирилловом монастыре, другим — Нил Сорский, автограф которого известен и по другой рукописи (также написан-

ной совместно с Пилом Полевым). Рукой Пила Сорского были написаны важнейшие разделы книги, в том числе и часть «слов», взятых из трактата, адресованного иконописцу.¹⁶ Если Ефросина нельзя считать простым писцом, переписывавшим все, что ему предложат, то уж Нил Сорский в начале XVI века никак писцом не был. Готовность Нила взяться за перо, чтобы изготовить парадный список «Просветителя», свидетельствует о том, что книга эта была ему близка и дорога.

Но какова же была программа церковных деятелей, объединившихся в конце XV века для борьбы против еретической «бури»? Как и составитель оппозиционного летописного свода 80-х годов, все они были крайне недовольны поведением Ивана III, покровительствовавшего еретикам и не считавшегося с высшим духовенством. В трактате, адресованном иконописцу, это недовольство было выражено наиболее ярко и определенно. Автор его писал, что «царь. . . божий слуга есть» и подчинение ему поэтому само по себе не грозит «пагубой души». Но если царь, царствуя над людьми, имеет над собой иных властителей — «страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши (хуже) же всех — неверие и хулу», то такой царь «не божий слуга, но диаволь (дьявольский), и не царь, но мучитель». И далее уже прямой призыв:

— И ты. . . такового царя или князя да не слушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя (направляющего тебя), аще (даже если) мучит, аще смертью претить (угрожает)!¹⁷

По решительности и откровенности высказанного им мнения автор трактата, адресованного иконописцу, пожалуй, превосходил всех своих современников — даже автора «Слова о рахманах». Но гнев автора трактата был вызван только одной причиной — «неверием» князя, подымавшего руку на церковь и ее имущество. Вопросы же общественного неравенства, встававшие и в «Слове о рахманах», и в «Повести о Дракуле», его явно не волновали.

И главное — смелость его была смелостью отчаяния. В споре, которые вели обличители ереси со своими противниками в 80-х и начале 90-х годов, все время присутствовал один мотив: ожидание надвигающегося

и скорого конца мира. Что сулил близкий 7000-й год? В послании Иоасафу, написанном в 1489 г., Геннадий прежде всего просил бывшего ростовского владыку посоветоваться с Паисием и Нилом о том, чего ждать, когда «прейдут три леты» и кончится «седмая тысяща»; он вспоминал слова, сказанные ему еретиком Алексеем:

— И мы, деи (дескать), тогда будем надобны.¹⁸

Еретики ждали 7000-го года с надеждой, Геннадий — со страхом и недоумением. Если мир не кончится, окажутся «надобны» еретики, если кончится, то все человеческие дела и споры — суета сует. Семитысячный год неуклонно приближался.

«Того бо державный во всем послушаше»

Новый год в то время на Руси начинался осенью. Семитысячный год наступил утром 1 сентября 1491 года. Люди остались живыми — мир не кончился. А спустя несколько дней произошло событие, которое, конечно, не было равно светопреставлению, но многих все же сильно взволновало.

Великий князь Иван Васильевич пригласил к себе брата — Андрея, княжившего в Угличе. Отношения между Иваном и Андреем давно уже не были братскими; однако за три года до этого Иван Васильевич торжественно поклялся брату, что не имеет против него никаких враждебных намерений — углицкий князь поэтому без страха отозвался на приглашение великого князя. Братья немного побеседовали, затем Иван Васильевич ушел, а на его место явился боярин Ряполовский и, неожиданно всплакнув, оповестил гостя, что тот «пойман» (арестован) «богом да братом своим старейшим». Тем временем в Угличе, в княжеском дворце на берегу Волги, были захвачены дети Андрея и его бояре, а из Волоколамска вызван другой брат Ивана — Борис. Борис Волоцкий знал уже о судьбе Андрея, он участвовал во всех выступлениях углицкого князя и мог поэтому догадываться, что его ждет в Москве. Однако час его еще не пришел — великий князь отпустил Бориса домой, и, уехавший в страхе, он вернулся в великой радости. Но испытанное волнение оказалось слишком сильным — волоцкий князь не пережил углицкого: спустя два года Андрей умер,

|| Злиіо пелікма єго кнѣзь пелікма і по
плати . и посади
єго на каземно
дворік на
москвѣ

Арест Андрея Углицкого. Миниатюра на Лицевого свода.

замученный тюремщиками, и почти тогда же в московскую великокняжескую усыпальницу привезли мертвого Бориса.¹

Смерть обоих братьев произвела сильное впечатление на современников. Иосиф Санин, чей монастырь был построен главным образом от щедрот князя Бориса Волоцкого, посвятил памяти умерших князей прочувствованное послание. Рассуждения о «царе-мучителе» обретали конкретный смысл. Иосиф многозначительно напоминал в послании о Каине, тоже некогда погубившем брата, хвалил покойных князей за твердость в вере и горевал, что они покинули нашу землю как раз в то время, когда в мире умножились грехи и появилось самое страшное зло — ереси.²

Федор Васильевич Курицын был несомненно одним из тех, в кого метил Иосиф Волоцкий. Нет оснований приписывать Курицыну участие в «поимании» князя Андрея, но несомненно, что смерть обоих князей его ничуть не огорчила: в его глазах они были прежде всего столпами старого удельного строя, людьми прошлого. Одно за другим уничтожались и присоединялись к великокняжеским владениям последние удельные княжества. В 1486 году умер белозерский князь Михаил Андреевич, и Белоозеро было окончательно подчинено Москве. Тем самым рушилась и относительная независимость Кириллова монастыря.

Курицына такое усиление власти государя могло только радовать. Гораздо труднее было Федору Васильевичу примириться с другой расправой, учиненной в 1490 г. с ведома и согласия великого князя. За два года до несостоявшегося «конца мира» Иван Васильевич, уступая настояниям церковников и желая, может быть, очистить свою душу перед надвигавшимся светопреставлением (еретики могли быть и предтечами Антихриста!), предал соборному суду наиболее опасных новгородских вольподумцев. Поп-еретик Алексей, не веривший, что в 1492 году наступит конец мира, умер за два года до этой даты — «не дождал» (как потом злорадно писал Геннадий)³ исполнения своего пророчества, но его товарищи были осуждены, отлучены от церкви и разосланы по разным концам государства для наказания. Особенно старательно осуществил это наказание новгородский владыка. Опыт иноземцев, который Геннадий ценил не менее Федора Курицына, но

по-своему, пригодился ему: рассказ об испанской инквизиции в «Речах посла цесарева» получил теперь практическое значение. Следуя «шпанскому королю» или опираясь на восточноправославную практику, Геннадий превратил расправу с еретиками Денисом, Захаром и другими в зрелище поучительное и не лишённое забавности — как ее понимал новгородский владыка. Одетые в шутовские наряды, в берестяных шлемах с надписью «Сатанино воинство», еретки были посажены на коней лицом назад и проведены по шумным новгородским улицам, а затем береста на головах осужденных была подожжена. Это была не смертная казнь — сгорели только шлемы и волосы осужденных, да еще кожа на голове; но Денис, проявивший во время следствия твердость и не признавший себя виновным ни в чем, кроме «невоздержания языка», ее не выдержал: когда с него сняли шлем, он заблеял по-козьиному — предался вселившемуся в него «бесу хульному», как удовлетворенно заметил Иосиф Волоцкий в «Просветителе». ⁴

Федор Васильевич знал, конечно, о судьбе Дениса и его товарищей. Курицын разделял далеко не все воззрения своих новгородских знакомцев — некоторые их взгляды (например, отрицание всей церковной иерархии, а возможно и сомнение в догмате о Троице) могли казаться ему сомнительными и опасными; но расправа над людьми, с которыми он был так или иначе связан, наверняка не могла не огорчить его. Немного утешало, однако, то обстоятельство, что и гонители еретиков не добились того, чего они хотели. Далеко не все, на кого они доносили, были подвергнуты суду; некоторые из новгородских еретиков избежали наказания, а московских еретиков преследования совсем не коснулись.

Ни Геннадий, ни Иосиф Волоцкий никак не могли считать себя удовлетворенными. Геннадий писал митрополиту и собору епископов, что еретическая «беда» началась с приезда Курицына «из Угорские земли», что еретики собираются у Курицына, что «он-то у них печальник (покровитель)» и «начальник», «а о государственной чести попечения не имеет». Никакого влияния эти заявления не имели, никаких доносов на своего дядка великий князь не принимал. Мало того: спустя некоторое время обличители ереси смогли убедиться, что поставленный в 1490 г. на митрополию и начавший свою

деятельность осуждением новгородских еретиков Зосима им вовсе не союзник. Напротив, вслед за великокняжеским дьяком и митрополит стал покровительствовать уцелевшим от расправы вольнодумцам. Глава новгородских еретиков успенский протопоп Алексей не был вопреки настояниям Геннадия посмертно проклят собором, не тронуты были и его ученики, сыновья и зять Иван Максимов, сын осужденного поца Максима. Теперь они стали столь же частыми гостями у Зосимы, какими были в 80-х годах Алексей и Денис у Курицына. В послании суздальскому епископу Нифонту, иерарху, на которого он еще считал возможным надеяться и которого даже именовал «главой всем», Иосиф Волоцкий писал, что еретики «не выходят и спят» у митрополита. Самого Зосиму он объявлял теперь «сатаниным сосудом» и «антихристовым предтечей». Он приводил даже, ссылаясь на своего брата Вассиана, «собственные слова», якобы сказанные главой церкви, позволившим себе отрицать бессмертие души: «Умер, деи (дескать) ин (кто-нибудь), то умер — по та места (до тех пор) и был». ⁵

Но жалобы на митрополита мало помогали: можно было поколебать положение Зосимы, но «начальник» еретиков оставался неуязвимым. «Того бо державный во всем послушаше (ибо его князь во всем слушался)», — написал о Федоре Курицыне в своих личных экземплярах — двух списках «Просветителя» Иосиф Волоцкий пятнадцать лет спустя. Написал и зачеркнул — даже после окончания еретической «бури» так откровенно говорить о влиянии дьяка-вольнодумца на «державного» было небезопасно. ⁶ А в 90-х годах бороться с Курицыным было обличителям и совсем не по силам. Сподвижники Геннадия говорили даже, что их враг неспроста приобрел такую власть, что дело не обошлось без «звездозакония» (колдовство по звездам) и чародейства.

Звезда Федора Васильевича и вправду была в зените. Все сношения с иностранными государствами происходили при его участии, он принимал в конце 80-х и в 90-х годах послов «цесаря» (германского императора) Поппеля и фон Турна, передавал им «речи» Ивана III. Именно он, услышав от «цесарева» посла предложение поставить московского великого князя «кралем», ответил от имени своего государя гордыми словами:

— Мы божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей. . . , а поставления

Протѣже сѣмѣ марта в . 8 . день посла аб
 кнѣзѣмъ литовскимъ послѣ по ихъ крѣпостѣ
 стоемоу кнѣзѣмъ литовскимъ кнѣзю
 александрю андрѣевичю . кнѣзѣмъ кнѣ
 зю ивану попушково . кнѣзѣмъ кнѣзю
 ивану попушково . дядѣмъ
 Федору курицына . соше
 ршии тѣмъ о бѣ
 зънаи тѣмъ о бѣ

Посольство Федора Курицына в Литву. Миниатюра из Лицевого свода.

как есмь наперед (прежде) сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим.⁷

В 1494 г. он отвозил в Вильно дочь Ивана III Елену, выданную замуж за великого князя литовского Александра, сына Казимира, а на обратном пути посетил Ливонию. В милость попал и брат Федора — Иван-Волк, перенявший у старшего брата его склонность к религиозному свободомыслию и дипломатические таланты: Иван-Волк несколько раз ездил с посольством в Германию.

Преобразования, к которым стремился Федор Курицын, приобретали реальные черты. Великий князь уступил Геннадию и его братьям, согласившись на осуждение новгородских еретиков, но он продолжал отбирать земли у церкви, а заодно и у опальных князей и бояр — новгородских и даже московских. Вместо них на этих землях появлялись новые хозяева — помещики, обязанные государству военной службой, представители захудалых и малоземельных родов и, что было уже совсем необычно, бывшие рабы — холопы тех самых бояр, которые попали в опалу.

Не состоявшийся «конец мира» дал в руки сподвижникам Курицына важный козырь в спорах с противниками. Митрополит Зосима выпустил в свет новую пасхалию взамен той, которая была доведена только до 1492 г., и в предисловии дал новые и смелые толкования евангельских слов: «И будут первы последнии и последнии первы». «Первые» — это греки, ныне же, когда Константинополь пал и греки стали «последними», роль их переходит к «государю и самодержцу всея Руси» Ивану III и к «новому граду Константину — Москве и всей Русской земле и иным новым землям». Но это был не единственный вывод, сделанный русскими вольнодумцами из споров о «конце мира». Неизбежное светопреставление предсказывали отцы церкви. Предсказание не сбылось — значит «святые отцы солгали». Но если они солгали в одном случае, следовательно, могли солгать и в других. Ведь именно «отцами церкви» было установлено и монашество. Правильное ли это установление? Не противоречит ли оно тому, что сам Иисус Христос не был монахом? Не следует ли русскому государю вовсе уничтожить монастыри?⁸

Слухи о грядущих переменах одни других мрачнее ходили по монастырям. Иосифу Волоцкому и его спод-

вижникам приходилось теперь уже не нападать, а защищаться от еретиков. Обличители ереси напоминали о монастырской благотворительности, указывали на толпы нищих, получающих милостыню от монастырей, но доводы эти звучали не очень убедительно. Нищие, действительно, постоянно толпились около обитателей, но монашеская милостыня не уменьшала, а увеличивала их число — чем больше было монастырей, тем больше нищих. Чтобы унять опасные толки, Иосиф — глава богатой обители, требовал от монахов, владевших иногда немалыми ценностями, полного отказа от личной собственности: в обители не должно быть бедных и богатых монахов; все они равны в одежде и пище; у себя в келье монах не должен иметь даже собственной книги, иконы или чаши. Лишить монахов собственных «келейных сборников», подобных ефросиновским, Иосиф, естественно, был не прочь. Но мог ли волоколамский игумен действительно рассчитывать на спасительность своих строгих правил? Великому князю нужны ведь были не монашеские книги, а монастырские земли.

Расстановка сил при великокняжеском дворе также не сулила ничего доброго Иосифу Волоцкому и его сторонникам. Обстановка была довольно сложной. Иван III был женат дважды. Первая его жена, как мы уже упоминали, умерла рано. Вторично Иван III женился на Зое Палеолог — «цареградской царевне», племяннице византийского императора, на Руси ее переименовали в Софию. Сведения о жизни Зои на Западе довольно скудны — есть предположение, что до Ивана III она успела побывать замужем за итальянским принцем, но рано овдовела. Воспитана она была при дворе римского папы в католическом духе и при том весьма строгим. Поэтому идеи Возрождения не были восприняты ею: гуманисты, влюбленные в те годы во все греческое, еще в Риме пытались завязать знакомство с наследницей Палеологов, но испытали разочарование. Единственное, чем поразила их царевна, была ее непомерная полнота (наиболее язвительный из ее итальянских гостей уверял даже, что после посещения Зои ему всю ночь снились масло, сало и другая жирная снесь).⁹ В одном отношении, однако, итальянский опыт, соединенный с богатыми византийскими традициями, помог Зое-Софии в России, — приехав в Москву и оказавшись в центре придворных интриг,

гучная «царевна» обнаружила в них необычайное проворство.

Первая жена Ивана III — «тверянка» — успела родить ему сына — Ивана Молодого, который считался наследником великого князя. Иван Иванович был женат на дочери молдавского господаря Стефана Великого, Елене, занимался военными и дипломатическими делами и считался даже соправителем своего отца. Но в 1490 г. он внезапно умер, и перед Иваном Васильевичем опять встал вопрос о преемнике. У Софии к этому времени тоже родился сын — Василий, но великий князь вопреки настояниям жены хотел сделать наследником не Василия, а Дмитрия, своего внука, сына Ивана Молодого и Елены Стефановны. Это был не только семейный спор. Елена, дочь Стефана Великого, воспитанная в Молдавии, где было немало гуситов, сочувственно относилась к Курицыну и его товарищам и участвовала в еретическом кружке. София, напротив, никакой склонности к свободомыслию из Италии не привезла: как и Геннадий, из всех западных нововведений она больше всех ценила одно — инквизицию. Недаром рассказ об испанской инквизиции был передан новгородскому владыке слугой Софии Палеолог, приехавшим с нею на Русь, — Юрием Траханиотом.

В конце 1497 г. борьба стала открытой. Узнав о том, что Иван III собирается назначить Дмитрия своим соправителем, София добыла «зелъе» — яд, который мог ей понадобиться для борьбы с соперниками; по плану заговорщиков, поддерживавших великую княгиню, Василий Иванович должен был бежать на север, на Вологду и Белоозеро, захватить хранившуюся там великокняжескую казну и начать открытую борьбу. Но он не успел этого сделать: заговор был раскрыт, яд у «цареградской царевны» отобран, и великий князь стал жить в «береженьи» от своей чересчур предприимчивой супруги. Сына он велел запереть во дворце под надежной охраной, заговорщиков казнил. А спустя несколько месяцев внук Ивана III Дмитрий, сын еретички Елены Стефановны, был объявлен великим князем Владимирским и Московским и коронован венцом, о котором до того времени не упоминалось в летописях, — шапкой Мономаха.

Провал заговора Василия и коронация Дмитрия-внука совпали еще с одним важным событием — появ-

вижникам приходилось теперь уже не нападать, а защищаться от еретиков. Обличители ереси напоминали о монастырской благотворительности, указывали на толпы нищих, получающих милостыню от монастырей, но доводы эти звучали не очень убедительно. Нищие, действительно, постоянно толпились около обитателей, но монашеская милостыня не уменьшалась, а увеличивала их число — чем больше было монастырей, тем больше нищих. Чтобы унять опасные толки, Иосиф — глава богатой обители, требовал от монахов, владевших иногда немалыми ценностями, полного отказа от личной собственности: в обители не должно быть бедных и богатых монахов; все они равны в одежде и пище; у себя в келье монах не должен иметь даже собственной книги, иконы или чаши. Лишить монахов собственных «келейных сборников», подобных ефросиновским, Иосиф, естественно, был не прочь. Но мог ли волоколамский игумен действительно рассчитывать на спасительность своих строгих правил? Великому князю нужны ведь были не монашеские книги, а монастырские земли.

Расстановка сил при великокняжеском дворе также не сулила ничего доброго Иосифу Волоцкому и его сторонникам. Обстановка была довольно сложной. Иван III был женат дважды. Первая его жена, как мы уже упоминали, умерла рано. Вторично Иван III женился на Зое Палеолог — «цареградской царевне», племяннице византийского императора, на Руси ее переименовали в Софию. Сведения о жизни Зои на Западе довольно скудны — есть предположение, что до Ивана III она успела побывать замужем за итальянским принцем, но рано овдовела. Воспитана она была при дворе римского папы в католическом духе и при том весьма строгим. Поэтому идеи Возрождения не были восприняты ею: гуманисты, влюбленные в те годы во все греческое, еще в Риме пытались завязать знакомство с наследницей Палеологов, но испытали разочарование. Единственное, чем поразила их царевна, была ее непомерная полнота (наиболее язвительный из ее итальянских гостей уверял даже, что после посещения Зои ему всю ночь снились масло, сало и другая жирная еда).⁹ В одном отношении, однако, итальянский опыт, соединенный с богатыми византийскими традициями, помог Зое-Софии в России, — приехав в Москву и оказавшись в центре придворных интриг,

тучная «царевна» обнаружила в них необычайное проворство.

Первая жена Ивана III — «тверянка» — успела родить ему сына — Ивана Молодого, который считался наследником великого князя. Иван Иванович был женат на дочери молдавского господаря Стефана Великого, Елене, занимался военными и дипломатическими делами и считался даже соправителем своего отца. Но в 1490 г. он внезапно умер, и перед Иваном Васильевичем опять встал вопрос о преемнике. У Софии к этому времени тоже родился сын — Василий, но великий князь вопреки настояниям жены хотел сделать наследником не Василия, а Дмитрия, своего внука, сына Ивана Молодого и Елены Стефановны. Это был не только семейный спор. Елена, дочь Стефана Великого, воспитанная в Молдавии, где было немало гуситов, сочувственно относилась к Курицыну и его товарищам и участвовала в еретическом кружке. София, напротив, никакой склонности к свободомыслию из Италии не привезла: как и Геннадий, из всех западных нововведений она больше всех ценила одно — инквизицию. Недаром рассказ об испанской инквизиции был передан новгородскому владыке слугой Софии Палеолог, приехавшим с нею на Русь, — Юрием Траханиотом.

В конце 1497 г. борьба стала открытой. Узнав о том, что Иван III собирается назначить Дмитрия своим соправителем, София добыла «зелье» — яд, который мог ей понадобиться для борьбы с соперниками; по плану заговорщиков, поддерживавших великую княгиню, Василий Иванович должен был бежать на север, на Вологду и Белоозеро, захватить хранившуюся там великокняжескую казну и начать открытую борьбу. Но он не успел этого сделать: заговор был раскрыт, яд у «цареградской царевны» отобран, и великий князь стал жить в «береженьи» от своей чересчур предприимчивой супруги. Сына он велел запереть во дворце под надежной охраной, заговорщиков казнил. А спустя несколько месяцев внук Ивана III Дмитрий, сын еретички Елены Стефановны, был объявлен великим князем Владимирским и Московским и коронован венцом, о котором до того времени не упоминалось в летописях, — шапкой Мономаха.

Провал заговора Василия и коронация Дмитрия-внука совпали еще с одним важным событием — появ-

лением Судебника 1497 г., первого общерусского кодекса законов после древней «Русской правды». Имел ли Курицын какое-либо отношение к введению этого кодекса? Исследователи усматривали связь между рассуждениями о борьбе со «злом, татьбой и разбоем» в «Повести о Дракуле» и провозглашением «правого суда», направленного против «татьбы», «разбоя» и всякого «лихого дела» в Судебнике. Но в «Повести о Дракуле» говорилось не только о борьбе со «злом», но и о равенстве всех — бояр, священников, иноков и «простых» — перед законом. Соответствовал ли Судебник этому идеалу? Еще «Русская правда» резко разграничивала наказание за убийство или преступление, совершенное против «княжа мужа», «людина», «смерда» (крестьянина) и холопа; сходное разграничение предусматривал в XVI веке и Судебник Ивана Грозного для наказания за оскорбление, нанесенное детям боярским, «гостям большим», «торговым людям» или крестьянам. Но в Судебнике 1497 г. такого разграничения нет.¹⁰ Почему? Из-за того ли, что подобная статья уже существовала в предшествующем законодательстве, или потому, что законодатель не желал подчеркивать такое различие? Этого мы не знаем. Во всяком случае прямо идеалам «Повести о Дракуле» Судебник не противоречил.

Как отражались все эти события на церковных делах? В 1494 г. противникам митрополита-вольнодумца Зосимы удалось добиться его отставки (она произошла как раз в то время, когда Курицын находился за рубежом). Но поставленный на место Зосимы новый митрополит Симон не оправдал надежд врагов ереси. В 1498 г. он благословил венчание Дмитрия шапкой Мономаха, а в следующем году дал благословение великому князю на еще более нечестивое дело. В 1499 г. был нанесен удар самому богатому церковному землевладельцу страны — Геннадию Новгородскому; великий князь забрал у него монастырские и церковные земли.

Курицын мог надеяться: еще немного и великий князь осуществит церковные реформы, подобные чешским, — реформы, которые в следующем столетии получили в Западной Европе (Скандинавия, Англия и ряд германских княжеств) наименование «княжеской реформации». В Москве осуществить «княжескую реформацию» было даже легче, чем в западных странах:

русская церковь в конце XV века не зависела от папы и каких-либо зарубежных иерархов. На Руси в то время не признавали ни патриарха-униата, пребывавшего в Риме, ни его православного соперника, оставшегося в захваченном турками Константинополе. Когда в 1495 г. в митрополиты был поставлен Симон, Иван III (которого митрополит торжественно именовал «самодержцем»), совершил поставление Симона по образцу поставления патриархов, подчеркивая этим независимость русской церкви.

Объявив греческое православие «изрушившимся», русский государь мог строить свою церковь как бы заново. Но этому серьезно препятствовало одно обстоятельство. Митрополия «всая Руси» охватывала не только те земли, которыми владел московский государь к концу XV века: Москву, Новгород, Тверь и покорный воле великого князя Псков, но также и Киев, Гомель, Брянск, Смоленск — все западные русские земли, входившие в состав древней Киевской Руси. Но западно-русская церковь имела своего митрополита, признанного в отличие от его московского собрата патриархом. Для того чтобы провести «княжескую реформу» в митрополии «всая Руси», всю эту Русь нужно было собрать воедино.

Уже с 80-х годов важнейшей задачей московской политики стала борьба за западнорусские земли. Польско-литовские государи чувствовали силу Москвы; в 1494 г. литовский князь Александр предложил Ивану III покончить со старыми спорами и скрепить мир семейным союзом. Великий князь согласился, но поставил условие: выйдя замуж за католика Александра, его дочь Елена Ивановна должна была сохранить веру отцов — православие; литовский князь не смел «нудить» к перемене исповедания не только жену, но и ее единоверцев. Речь шла не о пустяке: православным было почти все население литовской Белоруссии и Украины; к «латинству» его «нудили» постоянно, и теперь великий князь получил постоянный повод для вмешательства. «Служебница и девка» Ивана III, как именовала себя Елена Ивановна в письмах к отцу, оказалась превосходным дипломатом и политиком: перед мужем и его родней она делала вид, что слезно умоляет отца оставить «безвинный гнев» и не восвать с Александром, а через своих личных слуг сообщала

в Москву об «укоризнах» за веру, испытываемых от деверя-архиепископа и свекрови, и советовала поставить перед ними новые условия — пожестче.¹¹

По нескольку раз в год в Москву приезжали литовские послы; каждому посольству Курицын выражал негодование по поводу обид, учиненных единоверцам великой княгини. Весной 1500 г. Александру было заявлено, что терпение государя всея Руси истощилось. В апреле началась война; наступление русских войск было стремительным. В мае был взят Брянск; в июле русские разгромили литовские войска на реке Ведрошь и захватили в плен гетмана Острожского. Федор Курицын ждал, что со дня на день придет победа — победа, после которой начнется полное обновление Русской земли.

Конец Федора Курицына

Федора Васильевича «взяли», по всей видимости, летом 1500 г. — в разгар военных успехов русских войск. Что именно произошло в этом году, неизвестно, по-видимому (судя по краткому и достаточно темному сообщению одного местного летописца), Василий Иванович предпринял новую попытку «отъезда» (теперь уже на запад), и на этот раз попытка оказалась успешной для княжича. Иван III уступил Софии и назначил наследником Василия; Елена Стефановна и Дмитрий оказались в опале и были, как и Курицын, заточены.¹

Федор Курицын был человек опытный и мог догадаться, что надеяться ему не на что. Ошибкой оказался весь его замысел, ошибкой была надежда на князя.

Что за человек был «державный» — великий князь Иван Васильевич, с которым так тесно была связана судьба Федора Курицына? В исторической памяти образ Ивана III заслонен и отчасти даже искажен образом другого Ивана Васильевича, его внука — Ивана Грозного.

«. . . Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и свирепый внук его», —

говорит Борис Годунов у Пушкина. Рядом со «свирепым внуком» Иван III воспринимается как «смиритель бурь»

и «разумный самодержец». А между тем в характере «Ивана Горбатого», как звал его слепой отец, было немало черт, доставшихся потом его «свирепому внуку». Иван был жесток не только по отношению к врагам, но и к своим слугам, и рассчитывать на его покровительство было опасно.

В отличие от своего английского современника, известного в истории монарха-горбуна — Ричарда III (царствовал в 1483—1485 гг.), увековеченного Шекспиром, Иван пережил борьбу за престол не в зрелом возрасте, а в детстве: за престол пришлось бороться в основном не Ивану, а его отцу — Василию II; власть его сына уже никто по-настоящему не оспаривал. Но всю волчью мораль междоусобной борьбы Иван впитал почти с рождения: на его глазах нарушались междукняжеские договоры, заточались и умерщвлялись соперники и попавшие в опалу вельможи. Самостоятельное правление он начал с ослепления Федора Басенка — верного вассала своего отца. Вероломно нарушив клятву, данную им брату Андрею Углицкому, Иван III заточил и замучил его. Когда приезжий врач не сумел вылечить сына служилого татарского царевича, Иван III приказал зарезать неудачливого лекаря ножом — «как овцу», хотя даже отец царевича соглашался выпустить врача «на откуп» (за выкуп).²

Однако у великого князя, как и у Курицына, была своя большая цель, и он умел к ней идти, не стесняясь ничем. Не склонный по натуре к ратным подвигам (в военных действиях ему приходилось участвовать лишь в юности, когда он был наследником и соправителем отца), он был, однако, человеком государственного ума и прирожденным дипломатом. Он верил, что его задача — подчинить Москве все земли, когда-то входившие в состав Киевской Руси, и хотел править в могучем и грозном для соседей государстве. К концу жизни его владения были уже поистине обширны и далеко превосходили Московское княжество времен его отца. А для себя он добился власти, о которой не смели и мечтать его предки. К концу жизни Иван Васильевич стал как бы живым богом — доступ к нему не мог получить не только бедный проситель, но часто и ближние люди вроде Курицына. За обедом князь много пил и настойчиво заставлял пить других; потом он нередко засыпал, а приглашенные не смели сказать слова, чтобы не раз-

будить повелителя; проснувшись, он становился весел и иногда изволил шутить.³

Иван III, видимо, не запрещал Курицыну мечтать о будущем устройстве, при котором великий боярин, священник или простой человек будут равны перед законом. Но такое устройство было ему совсем не нужно. Не были нужны подобные преобразования и новым хозяевам — даже бывшим холопам, владевшим теперь всеми благами земными и совсем не помышлявшим о всеобщей справедливости. Новый Судебник, принятый в 1497 г., провозглашал не только «правый суд» и наказание за «лихие дела». Впервые в общерусском масштабе этот кодекс законов ограничил срок, когда разрешался переход крестьянина от одного господина к другому (только за неделю до и неделю после «Юрьева дня осеннего» — 26 ноября), сделав таким образом важный шаг к установлению крепостного права на Руси.

Церковь, у которой отобрали много земель, была ущемлена в своих правах, а между тем она имела сильное влияние в обществе, — Иван Васильевич готов был немного потесниться за столом и допустить к себе верных иерархов. А иерархи уже давно хотели сближения с государем — лишь бы только он перестал держать их в страхе и покровительствовать людям, рассуждавшим о том, о чем не повелел думать бог. Победа приVEDроши обеспечила присоединение к Русскому государству Брянска, Дорогобужа, Гомеля, Новгорода-Северского, но до полного завоевания киевских земель было еще далеко. Следовательно, надо было искать сближения с иерархами — и западнорусскими, и своими, — а не отпугивать их «княжеской реформацией».

Первые годы XVI века были временем непрерывных переговоров Ивана III с обличителями ереси, еще недавно враждебными «державному». После опалы и заточения Елены Стефановны великий князь вызвал к себе Иосифа Волоцкого и беседовал с ним о церковных делах. Во время разговора Иван III признался Иосифу, что он знал «которую держал Алексей протопоп ересь и которую держал Феодор Курицын»; он обещал послать по всем городам «обыскивати еретиков, да искоренити».⁴

Но за уступку «державный» хотел ответных уступок. В 1503 г. согласно более поздним известиям великий князь на церковном соборе поднял вопрос о «землях

Цесареву рѣшати пожегши казань
на оурикзати . нино
микроодик
Зиланцо
сожго
ша
ишо
:

Казань еретиков в 1504 г. Миниатюра из Лицевого свода.

церковных, святительских и монастырских». Попытка эта не имела успеха. Единственная уступка обличителям корыстолюбия высшего духовенства, на которую пошел собор, был запрет взимания «мзды» (платы) со священников и дьяконов за «поставление» на церковные должности. Эта «мзда» вызывала возмущение еще во времена стригольников, выступал против нее и новгородский еретик конца XV в. Захар. Собор постановил за поставление «от священнического чина ничего никому не брать».

По сравнению с широкими планами уничтожения монастырских вотчин это было совсем незначительным нововведением, не дававшим великокняжеской власти существенных выгод, однако и оно имело важные последствия. Владыка Геннадий чувствовал себя после собора победителем — еретическая «буря» кончилась, новые покушения на монастырские земли были предотвращены. Вернувшись в Новгород, он счел для себя не обязательной и единственную уступку, сделанную собором, и начал «мзду имати у священников от ставленья наипаче первого» (т. е. больше, чем прежде). Но Геннадий переоценил свою силу. Иван III выместил свое недовольство за неудачу собора на новгородском владыке — владыку не только лишили сана, но «взяли, и казны попечатали, и поехали к Москве». ⁵

Геннадий мог утешаться одним — его отставка совпала с полным разгромом еретиков. Все друзья и единомышленники Курицына были теперь в заточении; их хватали не только в Москве, но и в Новгороде, где за последние благоприятные годы опять завелась ересь. В декабре 1504 года собрался церковный собор, в трудах которого участвовал новый наследник — Василий, сын Софии Палеолог. Именно для этого собора, по всей видимости, и была составлена «Книга на новгородских еретиков», или «Просветитель», включавшая более ранние противоеретические сочинения Иосифа Волоцкого и других авторов. Главным создателем «Просветителя» несомненно был Иосиф (имя которого прямо обозначено на второй редакции книги), но сочувствовали и помогали ему и другие защитники церковной ортодоксии. Среди них, очевидно, был и Нил Сорский — в этом случае взгляды Нила и Иосифа Волоцкого не расходились. Важнейшей задачей «Просветителя» было обвинить людей, подвергнутых соборному

суду, не только в еретичестве, но и в «отступничестве» — «жидовстве»: отступник в отличие от еретика подлежал казни, даже если каялся. Соборные приговоры и последовавшие за ними наказания были суровыми. К смертной казни в Москве был приговорен брат Федора — Иван-Волк, московский служилый человек Митя Коноплев и новгородец Иван Максимов, избежавший расправы в 1490 г.; в Новгороде казнили Некраса Рукавого, юрьевского архимандрита Касиана, его брата и еще несколько других.

На этот раз дело не ограничилось сожжением берестяных племов на головах осужденных. Казнь была устроена по-настоящему — не хуже, чем у «шпанского короля». Еретиков посадили в клетки; клетки завалили хворостом и подожгли.⁶ Но ни в одной из них Ивану-Волку Курицыну не пришлось увидеть брата. Федора Курицына не было среди казненных. «Державный» Наверное читал «Повесть о Дракуле»; он помнил рассказ Курицына о двух монахах, пришедших к мутьянскому воеводе. Один из монахов ругал Дракулу и называл казненных им людей мучениками, другой признавал право великого государя казнить и миловать любого человека; Дракула посадил на кол дерзкого монаха, а другого, разумного, отправил с почестями. Какую же почесть Федор Васильевич мог ожидать от своего государя? Только одну — заточение вместо казни.

Но если Федор Курицын и стал монастырским узником, то ненадолго. В 1505 г. умер бывший покровитель Федора Васильевича — Иван III; новый князь в отличие от отца видел в опальном дьяке заклятого врага. А с врагами Василий Иванович вовсе не был милостив: он приказал уморить своего племянника и соперника Дмитрия Ивановича и мать его Елену; ему нетрудно было подослать убийц и к «злобесному» еретику.

ИТОГИ

Блестящая карьера Федора Курицына кончилась неудачно: замыслы его потерпели полное крушение; он попал в опалу и умер при неизвестных обстоятельствах — едва ли не насильственной смертью. Что же он оставил после себя?

Больше всего сделал для сохранения имени Курицына в истории, как это часто бывает, его злейший враг — Иосиф Волоцкий.

Учивший когда-то служить богу, а не земным князьям, призывавший сопротивляться такому князю, который нарушает божественные заповеди — даже если мучит, даже если грозит смертью, — Иосиф Волоцкий стал после 1504 г. совсем своим человеком при дворе. Опиравшийся прежде в своем противостоянии великому князю на помощь удельного князя Бориса Волоцкого, Иосиф отплатил сыновьям этого князя — последним удельным князьям, оставшимся от времени Василия Темного — крайней неблагодарностью. Когда в 1503 г. в Волоколамске умирал сын Бориса, то Иосиф не допустил к умирающему ни одного из его родственников; по завещанию этого князя, составленному под диктовку волоцкого игумена, владения его доставались великому князю. С другим сыном Бориса Иосиф вступил в прямое столкновение и, как это делали светские феодалы, открыто «отступил» от волоцкого князя и перешел под власть великого князя (им стал уже к этому времени Василий III).

Иосифов Волоколамский монастырь привлекал «честных и благородных» людей, вельмож и придворных великого князя. В Иосифовом монастыре и в других обителях, подражавших этому образцовому монастырю, не было больше запрета на собственные монашеские вещи, и появились три разных «устроения» в еде и в одежде — для монахов знатных, иноков попроче и совсем бедных. Говорить о прежних планах полного

равенства в монастырях было теперь и неудобно и нелепо — из числа «честных и благородных» иноков выходили потом высшие иерархи церкви, и этим людям нужно было создать спокойную жизнь и обеспечить их плодами труда монастырских крестьян.

Иосиф Волоцкий утверждал, ссылаясь на византийского писателя Агапита, что государь властью «подобен. . . вышнему богу», а недоброжелатели стали звать Иосифа «ябедником» и «дворянином великого князя». Написанные Иосифом когда-то дерзкие слова о Курицыне — «того бо державный во всем послушаше» — он теперь вычеркнул из своей книги, но о «начальнике» еретиков не забыл. Курицын вместе с Алексеем и Денисом упоминался в начале каждой из глав «Просветителя». И именно книга Иосифа прочно определила место Курицына в истории.

Русские книжники в течение нескольких веков переписывали «Просветитель». Но переписывали они также и «Лаодикийское послание» — едва ли подозревая, что автором его был «злобесный» еретик. Труду Курицына посчастливилось: имя автора, скрытое под шифром, не всем было понятно, и сочинение сохранилось до нашего времени.

Однако главное наследие Курицына, дошедшее до нас, это, пожалуй, все-таки «Повесть о Дракуле». Тема этой повести, образ ее главного действующего лица интересны людям XX века не меньше, чем современникам автора.

Мы знаем уже, что не один Курицын собирал и записывал в XV веке сказания о жестоком «мутьянском» князе. Валашский «Дракон» и «Прокальватель» привлекал многие умы в Европе, но оценивали его по-разному. Авторы «народных книжек», популярных брошюр, распространявшихся на немецком языке, не склонны были приписывать «великому извергу» никакой государственной мудрости; ничего хорошего не видел в валашском князе и автор стихотворной поэмы о нем немецкий мейстерзингер Михаэль Бехайм, утверждавший (вероятно, с полным основанием), что из страха перед Дракулой его подданные

. . . все лгали как попало.
Другому верить, видит бог,
Тогда никто ни в чем не мог
И общности не стало. . .

Но итальянский гуманист Бонфини, посетивший двор Матвея Корвина вскоре после приезда Курицына, оценил валашского «Дракона» совершенно так же, как и русский писатель: Дракула, по его словам, был человеком «неслыханной жестокости и справедливости» — соединение этих двух свойств казалось Бонфини вполне законным явлением. Так же жесток и справедлив, коварен и исполнен забот об «общем благе» был в «Венгерской хронике» Бонфини и ее главный герой — древний Аттила. Даже брата своего Аттила убил «ради справедливости и беспристрастия, ради соблюдения закона».¹

О жестоком и справедливом тиране, творящем жестокости «ради общего блага», люди Возрождения думали не раз. «Новый князь не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии», — писал младший современник Бонфини, человек, давший свое имя теории «хорошо примененных жестокостей», — Никколо Макиавелли. Как и Федор Курицын, флорентийский философ вовсе не был поклонником жестокой политики государя — он просто исходил из политической реальности своего времени, из того факта, что сама по себе проповедь верности, любви к ближнему и человечности не приводит государственного деятеля к успеху, что для достижения победы проповедник справедливости должен быть «вооруженным пророком».

И все же теория Макиавелли, хотя и основанная на изучении реальной действительности, включала в себя элементы утопии. Утопичной — не по жанру, а по содержанию — была последняя глава макиавеллевского «Государя», где высказывалась надежда на создание «новым государем» единого и справедливого Итальянского государства.²

Идея «благодетельной тирании» не была только возрожденческой идеей — она не раз возникала в истории человечества. Но это была опасная идея. Дьяволом можно грозить — но вызывать его не следует. Люди позднего средневековья смогли убедиться в этом уже в XV и XVI веках. Грозная власть пришла и не принесла с собой справедливости. Валашский «Дракон», казавшийся Бонфини такой же далекой и символической фигурой, как Аттила, обрел плоть и кровь в лице Филиппа II, Марии Кровавой, Екатерины Медичи; жестокости «ради

общего блага» обернулись истреблением иноверцев, Варфоломеевской ночью, массовыми убийствами людей. Утопическими оказались и идеи Курицына. Через полвека после падения дьяка-еретика на русский престол взшел царь, которого историк, знающий Повесть о Дракуле, может считать наиболее ярким воплощением этого литературного образа в XVI столетии — царь Иван Васильевич Грозный.

Не этого хотели гуманисты XV века. «Благая тирания» была в их глазах лишь средством против многочисленных мелких «извергов» феодального мира; сделав свое дело, она должна была исчезнуть. О настоящей тирании — прочной и длительной — они не думали, как не думал, например, румынский поэт Эминеску, восклицая «О приди, великий Цепеш!» — о диктатуре мелкого тирана, подобного Антопеску.

Государи XVI в. и последующих веков тоже не любили вспоминать откровенные слова тех, кто возвестил их приход. Они заказывали и сами писали трактаты против Макиавелли, всячески настаивали на том, что власть их — не какая-нибудь временная тирания, а установленная навсегда просвещенная милостивая монархия, пекущаяся о всенародном благе. Не видел никакого «окаянства» в своем «истинно христианском самодержавстве» и Иван Васильевич Грозный. Он не умышлял ни на кого «мук и гонений и смертей многообразных», никого даже не «прогонял» из своего царства, а если учинял кому-нибудь «паказание малое», то еще «с милостью», писал он Курбскому. И кроме того, все это уже в прошлом — а ныне все его подданные, даже замышлявшие раньше заговоры, могут наслаждаться «всяким благом и свободой» (Грозный писал эти слова летом 1564 г., за несколько месяцев до учреждения опричнины). Вполне понятно, что «Повесть о Дракуле» с подробным описанием жестокостей государя не пользовалась покровительством властей при Грозном — в XVI в. ее не переписывали.³

Но как ни далеки были мысли провозвестников тирании XV в. от подлинной действительности последующих веков, как ни отрецивались абсолютные монархи от своих провозвестников, история навсегда связала их вместе. Имя Макиавелли уже в XVI в. неизбежно вспоминалось там, где появлялся жестокий и коварный тиран. «Макиавель — школяр передо мною!» — гово-

рит принц-горбун Ричард у Шекспира,⁴ не очень стесняясь тем, что исторический Ричард III царствовал за несколько десятилетий до написания книги Макиавелли.

В Англии во времена Шекспира вера в «хорошо примененные жестокости» была уже в значительной степени подорвана — люди XVI в. убедились в том, что сочетание «неслыханной жестокости и справедливости» невозможно, что оно неизбежно приводит к тирании, не имеющей со справедливостью ничего общего. Но что же они противопоставляли планам Макиавелли и его предшественников? Многие гуманисты все еще сохраняли веру в абсолютную власть, считая только, что им следует воспитывать своих покровителей-государей, призывать их настойчиво и упорно к доброте, к милосердию, к нравственному усовершенствованию.

О нравственном усовершенствовании государей думали и в Москве. Примерно в те же годы, когда окончилась деятельность и жизнь Федора Курицына, при дворе великого князя Василия III появился «великий временный человек», постриженный в монахи князь Василий-Вассиан Патрикеев. В отличие от своего учителя Нила Сорского Вассиан начал свою деятельность тогда, когда не было нужды бороться с еретиками. Они были уже разгромлены, и Вассиан мог не забывать поэтому о любви к ближнему. Еретиков Вассиан решительно осуждал, но не одобрял и Иосифа за его жестокость. Еретиков, объяснял Вассиан, надо наказывать лишь в том случае, если они не признают своих заблуждений, и даже нераскаившихся еретиков не надо казнить: добрые цари ограничивались тем, что приказывали их избить, с бесчестием провести по городу на верблюдах и отправить в заточение. Федор Курицын наверно вспомнил бы при этом совете такую же «милостивую» казнь, учиненную над еретиком Денисом, но и он не мог бы не согласиться, что это лучше, чем массовые сожжения действительных и мнимых еретиков, устроенные Иосифом.

Смелый и красноречивый человек, Вассиан высказывал свои мысли великому князю прямо и открыто. Он был «нестяжателем»; ссылаясь на своего учителя Нила Сорского, Вассиан утверждал, что монастыри не должны владеть «селами с крестьянами». Василий Иванович слушал его со вниманием (он и сам, вслед за отцом, мечтал забрать монастырские земли) и довольно

долго держал в милости. Лишь тогда, когда Вассиан позволил себе оспаривать важнейшие приказы государя (арест неугодных людей в нарушение данной клятвы, насильственное пострижение в монахи надоевшей супруги), князь предал его церковному суду и заточил в монастырь. Там Вассиана и умертвили — так же, как, вероятно, и Федора Курицына.

Мысль о нравственном усовершенствовании государей много раз возникала у писателей и общественных деятелей и в последующие века — не во всех случаях это приводило к такому трагическому концу, как у Вассиана, но результаты этих проповедей всегда были более или менее одинаковыми. Николай Михайлович Карамзин, пересказавший в своей «Истории» повесть о Дракуле и осуждавший ее автора за отсутствие «полезного нравоучения», очень гордился, что он может осуждать тиранию, живя «в правлении самодержавном». «Историю государства Российского» он посвятил Александру I; свои взгляды он излагал царю и во время личных бесед. Об этих беседах и их влиянии на российского самодержца хорошо рассказал Александр Иванович Герцен. «История России сблизила Карамзина с Александром, — писал Герцен. — Он читал ему дерзостные страницы, в которых клеймил тиранию Ивана Грозного и возлагал иммортели на могилу Новгородской республики. Александр слушал его со вниманием и волнением и тихонько пожимал руку историографа. Александр был слишком хорошо воспитан, чтобы одобрять Ивана, который нередко приказывал распиливать своих врагов надвое, и чтобы не повздыхать над участью Новгорода, хотя отлично знал, что граф Аракчеев уже вводил там военные поселения. . .»⁵

По широте и смелости замыслов сторонники искоренения зла насильственными средствами, подобные Курицыну, сильно отличались от Вассиана Патрикеева и его исторических потомков. Но всех их сблизало одно — стремление провести задуманные преобразования сверху, путем чудодейственного подчинения государственной власти своим планам. Завести себе собственного Дракона, чтобы избавиться от всех остальных, — эта мысль была, конечно, заманчива, но таила в себе и серьезные опасности. Ни один из Драконов, на которых надеялись люди, к несчастью, не поддавался нравственному усовершенствованию и не уxo-

дил со сцены, сделав свое дело. Все они неизменно отказывались служить скромным средством для водворения на земле справедливости и осуществляли вместо этого свои собственные цели.

Однако среди людей XV—XVI вв. были и такие, которых мало привлекала власть государя и ее неизмеримые возможности. Одним из них был, по-видимому, первый герой нашего повествования — Кирилло-Белозерский книгописец Ефросин. Федор Курицын, покровительствовавший новгородским еретикам, едва ли осуждал Ефросина за его интерес к «отреченной» литературе и мечты о рахманах: свободномыслящий дьяк был, скорее, способен оказать такому книгописцу покровительство и пригласить его в Москву. Но Ефросин едва ли стремился попасть в великокняжеские палаты. Оригинальная версия «Соломона и Китовраса», помещенная в его сборнике, кончается вопросом Соломона Китоврасу:

— Что есть узорчнее (краше) во свете семь (этом)?

— Всего есть лучши своя воля, — отвечает Китоврас и вырывается из дворца «на свою волю».⁶

Мы не можем утверждать, что Ефросин совсем чуждался политической борьбы — вполне возможно, что, подобно своему патрону игумену Трифону, он в какой-то степени принимал в ней участие. Но в отличие от Курицына, Вассиана и других близких к власти лиц государственным деятелем он не был и не пытался «делать» историю. «Слово о рахманах» в его сборнике было утопией, но совсем не такой развернутой и конкретной, как сочинения западных утопистов, писавших после него, — Томаса Мора и Кампанеллы. Он не рисовал планов будущего, ничего не предписывал людям. Он только мечтал об избавлении от хорошо известных ему общественных зол, как мечтал четыре века спустя Лев Толстой, сочинивший в «Сказке об Иване-дураке» страну «дураков», где, как и в стране рахманов у Ефросина, не ценят золота, ничего не продают и не покупают, не умеют воевать, нет ни солдат, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя. Именно поэтому мы не вправе упрекать Ефросина за то, что он не указал, что «есть в этой стране», которая изображена в «Слове о рахманах».

И Курицын, и Ефросин сошли с исторической сцены на рубеже XV и XVI веков, но уход второго куда менее заметен, чем исчезновение первого. Кирилло-Белозер-

ский иннок не занимал такого высокого положения, как великокняжеский дьяк; ему не пришлось, очевидно, переживать сокрушительного падения. Но крутой поворот в общественной жизни и государственной политике в начале XVI в. должен был как-то отразиться на его судьбе. В виду Ефросину могли поставить не только связь с «злосесным еретиком» Курицыным, чью повесть он переписал. Еще важнее было другое: книгописец был усердным поклонником и переписчиком той самой «смехотворной» и «глумотворной» литературы, которую осуждал еще Иоанн Златоуст и против которой были направлены проповеди Иосифа Волоцкого. «Неполезные повести», «небожественные» писания решительно осуждали и волоколамский игумен, и сорский старец Нил. До начала XVI в. эти выступления могли казаться гласом вопиющих в пустыне.

После собора и казней 1504 г. предостережения противников «неполезных повестей» были услышаны. В рукописной традиции XVI в. совершенно отсутствуют светские повести, входившие в сборники Ефросина — «Повесть о Дракуле», сербская «Александрия» и другие; сказания о Соломоне и Китоврасе вырезались из сборников, в которых они содержались.

«Смеховая культура» и устные народные сказания, прорвавшиеся в письменность в XV в., вновь были изгнаны. Устное народное творчество, бытовавшее на Руси с древнейших времен до XVII в., лишь в очень небольшой части было переложено на письмо. Литература XVI века — и именно художественная литература, о которой писал Пушкин, — куда более, чем литература предшествующего столетия, соответствовала тому образу «пустыни нашей древней словесности», который рисовался поэту, — в ней не было больше «сатир» и сомнительных «легенд»; остались главным образом церковные сочинения, летописи (официальные), публицистика и «полезные повести».

В реальной обстановке конца XV—начала XVI в. оба героя нашего повествования оказались неудачниками. Ефросин стремился к «перенесению на письмо» богатой фольклорно-повествовательной традиции — в XVI веке эта традиция была почти начисто вытеснена из письменности. Федор Курицын боролся за «княжескую реформацию» — XVI век оказался скорее временем контрреформации. Ни Возрождение, ни Ре-

формация на Руси не осуществились. Не пережила страна в отличие от ряда европейских государств и революций XVI—XVIII веков. Но дело Курицына и Ефросина все же нельзя признать совсем бесплодным. Пути развития России и западных стран не разошлись полностью. Ход истории, наметившийся в XV столетии, не мог остановиться. «Бунташный» семнадцатый век и петровские реформы, крестьянские войны и восстания нескольких столетий, военные походы и поражения — все это привело в конце концов к важным преобразованиям XIX века.

Прежде всего изменения произошли в письменности. Уже в начале XVII века после внешних и внутренних войн, получивших название Смуты, в письменность вновь вернулись «Повесть о Дракуле», сербская «Александрия», легенды о Соломоне и Китоврасе и другие. В середине XVII в. неизвестный Кирилло-Белозерский книжник даже непосредственно обратился к одному из сборников Ефросина, где читались «Повесть о Дракуле» и «Александрия», и переписал его текст (включая запись Ефросина на «Повести о Дракуле»).⁷ Вместе с древними повестями появилась и новая литература, обращавшаяся иногда к сюжетам, интересовавшим Ефросина. Так, загадка из «Беседы трех святителей» — об «отметнике» Петре и «блуднике» Давиде — породила «Повесть о бражнике», где «бражник» (пьяница), которого не пускают в рай, напоминает Петру его «отвержение» от Христа, а Давиду — «прелюбодеяние». Окончательная же победа «неполезной» литературы, которую пытался поддерживать Ефросин, совершилась еще позже — в конце XVIII в. и в XIX в.

Но все это определилось лишь в далеком будущем, через много веков после Ефросина. Как завершилась его судьба? Разделил ли он участь многих вольнодумцев XV—XVI вв. и был устранен насильственно, или умер так же тихо и незаметно, как жил? Этого мы не знаем.

Но сборники Ефросина дошли до нас. Они стоят теперь на полках рукописного отдела Публичной библиотеки в Ленинграде, маленькие, размером в осьмушку, но довольно толстые томики, где среди других сочинений содержится повесть о жестоком мутьянском воеводе, сочиненная дьяком-еретиком, сказка о свободолюбивом звере Китоврасе и предание о счастливом народе, не знавшем ни войн, ни вельмож, ни царей.

¹¹ Лотман Ю. М. «Договор и вручение себя» как архетипные модели культуры // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 513. Труды по русской и славянской филологии, XXXII. Литературоведение. Тарту, 1981. С. 5—7.

«Нестор XV века» (с. 28—38)

- ¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916. С. XVI.
- ² Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 62—63.
- ³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976 (далее: Лурье. Летописи). С. 67—121.
- ⁴ Зимин А. А. В борьбе за Москву (Вторая четверть XV в.) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 89.
- ⁵ ПСРЛ. Т. IV, вып. I, ч. I. Новгородская IV летопись. Вып. 1—2. Пг., 1915 — Л., 1925; ПСРЛ. Т. V, Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 81—275; ПСРЛ. Т. V. 2-е изд. (незаконченное). Вып. 1. Софийская I летопись. Л., 1925. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959 (Вологодско-Пермская летопись); ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 17—161 (Никаноровская летопись).
- ⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 142, прим. 55. Ср.: Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV века. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 300, 303—304.
- ⁷ ПСРЛ. Т. V. 2-е изд. С. 172 (левая колонка), 177.
- ⁸ Там же. С. 198. Ср.: ПЛДР. XIII в. С. 114—126.

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 22—23. С. 40.

Кирилло-Белозерский книгописец

Загадки Ефросина (с. 39—49)

- ¹ Eco Umberto. The Name of the Rose. London, 1984. P. 95, 111—112, 130—133.
- ² Покровский А. А. Древнее повгородско-псковское письменное наследие // Тр. XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 273—276, 363.
- ³ Patrologiae cursus completus, ed. J. P. Migne, Series Graeca. Paris, 1860—1862 (далее: PG). Т. LVII. P. 69—71; Т. LXIII. P. 121—122; Творения... Иоанна Златоуста. СПб., 1901—1906. Т. VII. Кн. I. С. 67—69; Т. XII, кн. 1. С. 141—142; ГПБ, Сол. 65/65. Л. 65—67; F. I. 86. Л. 451—453. Ср.: Творения... Иоанна Златоуста. Т. II, С. 588; Т. IX. С. 336; Т. XI. С. 188; F. I. 87. Л. 103 об.
- ⁴ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 313—314. Ср. PG. Т. LXII. P. 119—120; Творения... Иоанна Златоуста. Т. XI. С. 147.
- ⁵ Источники по истории еретических движений XIV—начала XVI в. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955 (далее: Источники). № 17. С. 358; Послания Иосифа Волоцкого. С. 359.
- ⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 93—107. Ср.: Лизачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 154,

- 7 О характере сборников Ефросина см.: *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // *ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 130—168* (далее: *Лурье, Ефросин*); *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники как жанр // *ТОДРЛ, Т. XXVII. Л., 1973. С. 178—180*; *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // *ТОДРЛ. Т. XXXV. Л., 1980. С. 3—300* (далее: *Описание*).
- 8 Индексы у Ефросина см.: *Описание. С. 20—21, 73, 213—214.* Ср.: *Лурье. Ефросин. С. 155, 157—158.* Ср.: *Кобяк Н. А.* Индексы отреченных и запрещенных книг в русской письменности // *Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 45—54.*
- 9 ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088 (далее: КБ-11). Л. 262—263; *Лурье, Ефросин. С. 159*; ПЛДР. XIV—сер. XV. М., 1981. С. 72. Ср.: *Веселовский А. И.* Собрание сочинений. Т. II, вып. 1. СПб., 1913. С. 146—147; Т. VIII, вып. 1. Пг., 1921; *Lehmann P.* Die Parodie im Mittelalter. München, 1922. S. 23—24, 235—240.
- 10 КБ-22. Л. 289; КБ-9. Л. 193, 263 об.; КБ-11. Л. 235—236 об. Об отношении «Беседы трех святителей» к «*Josa monachorum*» см.: *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1910. С. 764—778. Ср. также: *Lehmann P.* Die Parodie im Mittelalter. S. 22—23.
- 11 КБ-11. Л. 234 об.—235; ср.: *Описание, С. 178.*
- 12 Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М., 1965. С. 154—155.
- 13 КБ-11. Л. 339 об.—340 и 483—485 об.; ср.: *Лурье. Ефросин. С. 163.* Издания текста: Слово о рахманах, Александрия. С. 143—144, 165; ПЛДР. Вторая пол. XV в. М., 1982. С. 174—176. Текст Амартола в «Ефросиновском хронографе». См.: *Творогов О. В.* Материалы к истории русских хронографов. Ефросиновский хронограф // *ТОДРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 268.*
- 14 *Малинин В. А.* История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х гг. XIX в.). Учебное пособие. М., 1977.

*На Белозерской земле.
Между Москвой и Новгородом
(с. 49—57)*

- 1 *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 150—153; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 17—18; *Копалев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 21—88; *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // *Ист. зап. М., 1974. Т. 94. С. 372—378.* Ср.: *Каушанов С. М.* Еще раз о «куплях» Ивана Калиты // *ВИ. 1976. № 7.*
- 2 *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. I. СПб., 1903. С. 58—60; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 105, прим. 3; *Vodoff W.* A propos des «achats» (kupli) d'Ivan I-er de Moscou // *Journal des Savants. Paris, 1974, avril—juin. P. 95—127.*

¹¹ Лотман Ю. М. «Договор и вручение себя» как архетипные модели культуры // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности / Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 513. Труды по русской и славянской филологии, XXXII. Литературоведение. Тарту, 1981. С. 5—7.

«Нестор XV века» (с. 28—38)

- ¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916. С. XVI.
- ² Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 62—63.
- ³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976 (далее: Лурье. Летописи). С. 67—124.
- ⁴ Зимин А. А. В борьбе за Москву (Вторая четверть XV в.) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 89.
- ⁵ ПСРЛ. Т. IV, вып. I, ч. I. Новгородская IV летопись. Вып. 1—2. Пг., 1915—Л., 1925; ПСРЛ. Т. V, Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 81—275; ПСРЛ. Т. V. 2-е изд. (незаконченное). Вып. 1. Софийская I летопись. Л., 1925. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959 (Вологодско-Пермская летопись); ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 17—161 (Никаноровская летопись).
- ⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 142, прим. 55. Ср.: Лурье Я. С. Из паблицистский над летописанием первой половины XV века. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 300, 303—304.
- ⁷ ПСРЛ. Т. V. 2-е изд. С. 172 (левая колонка), 177.
- ⁸ Там же. С. 198. Ср.: ПЛДР. XIII в. С. 114—126.

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 22—23. С. 40.

**Кирилло-Белозерский
книгописец**

Загадки Ефросина (с. 39—49)

- ¹ Eco Umberto. The Name of the Rose. London, 1984. P. 95, 111—112, 130—133.
- ² Покровский А. А. Древнее повгородско-псковское письменное наследие // Тр. XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 273—276, 363.
- ³ Patrologiae cursus completus, ed. J. P. Migne, Series Graeca. Paris, 1860—1862 (далее: PG). Т. LVII. P. 69—74; Т. LXIII. P. 121—122; Творения... Иоанна Златоуста. СПб., 1901—1906. Т. VII. Кн. I. С. 67—69; Т. XII, кн. 1. С. 141—142; ГПБ, Сол. 65/65. Л. 65—67; F. I. 86. Л. 451—453. Ср.: Творения... Иоанна Златоуста. Т. II, С. 588; Т. IX. С. 336; Т. XI. С. 188; F.I.87. Л. 103 об.
- ⁴ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 313—314. Ср. PG. Т. LXII. P. 119—120; Творения... Иоанна Златоуста. Т. XI. С. 147.
- ⁵ Источники по истории еретических движений XIV—начала XVI в. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955 (далее: Источники). № 17. С. 358; Послания Иосифа Волоцкого. С. 359.
- ⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 93—107. Ср.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понирко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 154,

- 7 О характере сборников Ефросина см.: *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 130—168 (далее: *Лурье, Ефросин*); *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники как жанр // ТОДРЛ, Т. XXVII. Л., 1973. С. 178—180; *Казан М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. XXXV. Л., 1980. С. 3—300 (далее: Описание).
- 8 Индексы у Ефросина см.: Описание. С. 20—21, 73, 213—214. Ср.: *Лурье, Ефросин*. С. 155, 157—158. Ср.: *Кобяк Н. А.* Индексы отеченных и запрещенных книг в русской письменности // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 45—54.
- 9 ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088 (далее: КБ-11). Л. 262—263; *Лурье, Ефросин*. С. 159; ПЛДР. XIV—сер. XV. М., 1981. С. 72. Ср.: *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений. Т. II, вып. 1. СПб., 1913. С. 146—147; Т. VIII, вып. 1. Пг., 1921; *Lehmann P.* Die Parodie im Mittelalter. München, 1922. S. 23—24, 235—240.
- 10 КБ-22. Л. 289; КБ-9. Л. 193, 263 об.; КБ-11. Л. 235—236 об. Об отношении «Беседы трех святителей» к «*Josa monachorum*» см.: *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1910. С. 764—778. Ср. также: *Lehmann P.* Die Parodie im Mittelalter. S. 22—23.
- 11 КБ-11. Л. 234 об.—235; ср.: Описание, С. 178.
- 12 Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М., 1965. С. 154—155.
- 18 КБ-11. Л. 339 об.—340 и 483—485 об.; ср.: *Лурье, Ефросин*. С. 163. Издания текста: Слово о рахманах, Александрия. С. 143—144, 165; ПЛДР. Вторая пол. XV в. М., 1982. С. 174—176. Текст Амартола в «Ефросиновском хронографе». См.: *Творогов О. В.* Материалы к истории русских хронографов. Ефросиновский хронограф // ТОДРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 268.
- 14 *Малинин В. А.* История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х гг. XIX в.). Учебное пособие. М., 1977.

*На Белозерской земле.
Между Москвой и Новгородом
(с. 49—57)*

- 1 *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 150—153; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 17—18; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 21—88; *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Ист. зап. М., 1974. Т. 94. С. 372—378. Ср.: *Каштанов С. М.* Еще раз о «куплях» Ивана Калиты // ВИ. 1976. № 7.
- 2 *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. 1. СПб., 1903. С. 58—60; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 105, прим. 3; *Vodoff W.* A propos des «achats» (kupli) d'Ivan I-er de Moscou // Journal des Savants. Paris, 1974, avril—juin. P. 95—127.

- ³ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 378—379; Ср.: Рогожский летописец: ПСРЛ. Т. 15, ч. 1. Пг., 1922. Стб. 74.
- ⁴ Житие Кирилла Белозерского // *Яблонский В.* Пахомий Серб и его апокрифические писания. СПб., 1908. Приложения; ср.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 214—218.
- ⁵ ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 268—342; Т. XXXVII. Л., 1982. С. 84.
- ⁶ АСЭИ. Т. II. М., 1958, акты № 1—46.
- ⁷ *Лурье Я. С.* Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 147—152.
- ⁸ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 177.
- ⁹ *Прохоров Г. М., Розов Н. Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 353—374.
- ¹⁰ *Райнов Т.* Наука в России XI—XVII вв. М.; Л., 1940. С. 228; *Лурье.* Ефросин. С. 148, прим. 122; *Прохоров Г. М.* Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. С. 64—65.
- ¹¹ Книга глаголемая Козмы Индикоплова, изд. ОЛДП (фототипическое воспроизведение текста из ВМЧ), XXXVI. СПб., 1886. С. 61, 66, 72.
- ² КБ-22. Л. 239—244; КБ. Л. 98 об.—103. Ср.: Описание. С. 63, 118—119.
- ³ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII; Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. Т. XXVII. С. 163—367; Реконструкция свода // ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 410—441.
- ⁴ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 424—426, 434—440.
- ⁵ Там же. С. 426—428.
- ⁶ Летописчик Гурия Тушина // *Казакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. Т. XVII. С. 200. Ср.: *Лурье.* Летописи. С. 202—203. О Перхушкове см.: АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 15. С. 31.
- ⁸ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 185—187.
- ⁹ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 432. Ср.: *Лурье.* Летописи. С. 168, 202.
- ¹⁰ Ср.: *Лурье.* Летописи. С. 187, 204—206.
- ¹¹ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 420.
- ¹² КБ-9. Л. 2.
- ¹³ *Никольский Н.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XL.
- ¹⁴ КБ-53. Ср.: *Никольский Н.* Описание рукописей. . . С. 8, 137—142, 279—282; Описание. С. 3, 194—215.
- ¹⁵ Послания Иосифа Волоцкого. С. 161.
- ¹⁶ *Прохоров Г. М.* Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 140.
- ¹⁷ *Архимандрит Леонид.* Систематическое описание рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. I. М., 1893. С. 480. Ср.: Описание. С. 215.
- ¹⁸ ГИМ, Увар. № 338 (894)

Вокруг Ефросина (с. 57—75)

- ¹ Описание ослепленного Василия II см. в тверском «Слове похвальному Великому князю Борису Александровичу» инока Фомы: ПЛДР, вторая пол. XV в. С. 318.

- (305). Л. 638. Ср.: Описание. С. 241: «Бог мя избавил. Ферт лекачей в девять держит ферт стамлячий Ф пятьсот держит».
- ¹⁹ КБ-22. Л. 442; КБ-11. Л. 243—243 об. Ср. старопечатное издание: Кормчая. М., 1653. Л. 597.
- ²⁰ КБ-11. Л. 235; КБ-22. Л. 224 об.; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (АСЭИ). Т. I. М., 1952. № 229. Ср.: *Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец / ТОДРЛ. Т. ХLI (в печати).*
- ²¹ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 430.
- ²² Упоминание об Иване Васильевиче Стриге-Оболенском как ярославском наместнике (1467) см.: АСЭИ. Т. I, № 338 (с. 245).
- ²³ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 436.

Сборники Ефросина (с. 75—88)

- ¹ КБ-9. Л. 514 об.—516. Ср.: Описание. С. 140—141. См. также: *Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. Л., 1980. С. 158—163.*
- ² *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. М., 1958. С. 307.*
- ³ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 580. Ср.: ст. Т. А. Махновец в кн. Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 45—54.
- ⁴ *Каган-Тарковская М. Д. «Слово о жєпах добрых и злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 383—384.*
- ⁵ Ср. статью «Сочинения и переводы в стихах Павла Ка-

тсина» // *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. С. 267.*

- ⁶ *Александрия. С. 64.*
- ⁷ Там же. С. 70.
- ⁸ *Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 346—359.*
- ⁹ ПСРЛ. Т. XXVI, XXVII (с. 17—136).
- ¹⁰ ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 466—472.
- ¹¹ ПЛДР. XIV—сер. XV в. М., 1981. С. 42—48.
- ¹² *Хождение за три моря (сер. «Литературные памятники»). Л., 1986. С. 14. Мы цитируем здесь новый, уточненный перевод слов Афанасия Никитина (написанных по-тюрко-персидски), сделанный А. Д. Желтяковым.*
- ¹³ ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404—408.
- ¹⁴ КБ-9. Л. 263 об.; Описание. С. 132; Ср.: С. 106, 144, 172.
- ¹⁵ ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 6 (1083) (далее: КБ-6). Л. 338 об.—339 об. Ср.: Описание. С. 169.
- ¹⁶ КБ-11. Л. 319—321 об., 382 об.—386 об. Ср.: Описание. С. 190.

Великокняжеский дьяк

Переписчик и автор «Дракулы» (с. 89—96)

- ¹ *Эмилеску М. Стихи. М., 1958. С. 210 (перевод Н. Миримского).*
- ² *Krakauer S. From Caligari to Hitler // A psychological history of German film. New York, 1959. P. 79.*
- ³ *Nash O. Verses from 1929 on. Boston; Toronto, 1952. p. 49; Нэш Огден. Все кроме нас с тобой. Перевод И. Б. Комаровой. Л., 1988, С. 26.*
- ⁴ Ср.: ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 13; *Панченко А. М., Успенский В. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха //*

ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 61—63.

- ⁵ Повесть о Дракуле. М.; Л. 1964. С. 119; ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 557—558.
- ⁶ КБ-11. Л. 217; Описание. С. 175.
- ⁷ Повесть о Дракуле. С. 122; ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 564.
- ⁸ Повесть о Дракуле. С. 42—44.

Федор Курицын (с. 97—108)

- ¹ *Лурье Я. С.* К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. // Исследования по социально-политической истории России / Сб. ст. памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 89—95.
- ² ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 309—323.
- ³ Русская историческая библиотека (далее: РИБ). Т. VI. СПб., 1908, № 100. Стлб. 711. Грамоту патриарха об отлучении см.: *Шапов Я. Н.* Восточнославянские и южнославянские книги в собрании Польской Народной Республики. М., 1976. Т. II. Прилож. № 52. С. 145—147.
- ⁴ Источники по истории еретических движений XIV—начала XVI в. // *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI в. М.; Л., 1955 (далее: Источники). № 19. С. 380.
- ⁵ Источники, № 18 (с. 377), 19 (с. 380—381).
- ⁶ Источники. № 7 (с. 256—276); ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 538—539. О «Лаодикийском послании» см.: *Luria J. S.* Unresolved Issues in the History of the Ideological Movement of the Late Fifteenth Century // *Medieval Russian Culture* / Ed. by H. Birnbaum, M. S. Flier. 1984. P. 157—163.

⁷ См.: *Клибанов А. И.* «Панцивание о грамоте» (Опыт исследования просветительно-реформационного памятника конца XV—первой пол. XVI в.) // Сб.: Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 3. М., 1956. С. 325—379. На связь «Лаодикийского послания» и «Написания о грамоте» с «Диалектикой» Иоанна Дамаскина обратил внимание А. Ю. Григоренко в еще не опубликованной работе.

- ⁸ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 238.
- ⁹ Повесть о Дракуле. С. 117—120; ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 554—560.

Враги Курицына (с. 108—119)

- ¹ Источники. № 16. С. 316; № 28. С. 474.
- ² Источники. № 19. С. 380.
- ³ *Пасонов А. Н.* История русского летописания XI—нач. XVII в. М., 1969. С. 306—307; *Лурье.* Летописи. С. 237—238; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. Искусство и культура эпохи Куликовской битвы. М., 1984. С. 305—313.
- ⁴ ПСРЛ. Т. VI. С. 234—239. Ср.: *Лурье.* Летописи. С. 235—239; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений XV—нач. XVI в. М., 1980. С. 182—184.
- ⁵ ПСРЛ. Т. VI. С. 196—198.
- ⁶ ПСРЛ. Т. VI. С. 238; Т. XXIV. Пг., 1921. С. 237. Возможно, что известие это было заимствовано из ростовского летописания 80-х годов (ср.: *Лурье.* Летописи. С. 220, 229—230).

- Источники. № 28. С. 471.
 Ср.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960 (далее: *Лурье.* Идеологическая борьба). С. 213—215, 236—238, 241—243.
- ⁹ Источники. № 18. С. 320.
- ¹⁰ Там же. С. 378; № 19. С. 381; *Седельников А. Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Тр. Комис. по древнерусской лит-ре. Т. I. Л., 1932. С. 49—50.
- ¹¹ *Лурье.* Идеологическая борьба. С. 224—229, 266—270.
- ¹² Источники. № 18. С. 375; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений XV—начала XVI в. С. 86—87.
- ¹³ *Жмакин В. И.* Борьба идей в России в первой половине XVI в. // ЖМНП. 1882. № 4. С. 149—152; ср.: *Лурье.* Идеологическая борьба. С. 10—17, 286—288.
- ¹⁴ Источники. № 17. С. 320—373.
- ¹⁵ *Успенский Л. А.* 1) Исказм и расцвет русского искусства. Гл. 3 // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего экзархата. 1967. № 60. С. 23, прим. 23; 2) Роль московских соборов XVI в. в церковном искусстве // Там же. 1966. № 4. С. 225, прим. 19; *Luria J. S.* Unresolved Issues in the History of the Ideological Movements of the Late XVth Century // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London. 1984. P. 163—179.
- ¹⁶ *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 150—167; *Прохоров Г. М.* Автографы

Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 37—54.

- ¹⁷ Источники. № 17. С. 346.
¹⁸ Источники. № 18. С. 318.

«Того бо державный во всем послушаше» (с. 119—130)

- ¹ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. С. 287; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. С. 97—98; Новгородская Хронографическая летопись // ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 161.
- ² Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 154—160.
- ³ Источники. № 22. С. 390.
- ⁴ Источники. № 28. С. 472—473.
- ⁵ Источники. № 25. С. 428—429; Послания Иосифа Волоцкого. С. 160—162.
- ⁶ Источники. № 28 (вступление). С. 447.
- ⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, Т. I. СПб., 1851. Стб. 12.
- ⁸ РИБ. Т. VI. Стб. 797—799; Источники. № 23, 24. Ср.: *Лурье.* Идеологическая борьба. С. 164—171.
- ⁹ О браке Софии с римским князем Карачоло см.: *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Phrantzes)*. Bonn, 1828. P. 424—425. Ср.: *Пурлинг О. П.* Россия и папский престол. Кн. I. М., 1912. С. 160—161, 187—189; *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 161.
- ¹⁰ Памятники русского права. Вып. I. М., 1952. С. 79 (Русская Правда краткой ред.), 108—110 (Русская Правда простр. ред.); Вып. IV. М., 1966. С. 238—

- 239 (статья 26 Судебника 1550 г.); Ср.: Вып. III. М., 1955. С. 346—357 (статьи, соотв. статье 26 Судебника 1550 г., в Судебнике 1497 г. нет). Ср.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 310—314; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 113, 136.
- ¹¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. (2-е изд. — 1892). С. 368—376, 421—422, 453.
- Конец Федора Курицына*
(с. 130—135)
- ¹ Последнее упоминание о Курицыне в «Посольских делах» — Сборник Русского историч. общества. Т. 35. С. 302, прим. Ср.: *Лурье.* Идеологическая борьба. С. 407—409.
- ² ПСРЛ. Т. VI. С. 235.
- ³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 21—22.
- ⁴ Источники. № 27. С. 436—438; Послания Иосифа Волоцкого. С. 175—178.
- ⁵ ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 3. Л., 1929. С. 611; Т. VI. С. 49. Ср.: *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 279.
- ⁶ ПСРЛ. Т. VI. С. 49—50; ср.: *Лурье.* Идеологическая борьба. С. 420.
- Итоги (с. 136—146)
- ¹ Повесть о Дракуле. С. 45—50.
- ² *Макиавелли Н.* Государь, гл. 6, 18, 26. Ср.: *Макиавелли Н.* Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 25, 73—75, 108—113.
- ³ Повесть о Дракуле. С. 71—76.
- ⁴ Король Генрих VI. Ч. III, акт III, сцена 2 (перевод О. Чюминой: *Шекспир В. Т. V.* «Библиотека великих писателей» под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1904, с. 146).
- ⁵ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. VII. М., 1956. С. 191—192.
- ⁶ КБ-11. Л. 262—263; ПЛДР, XIV—сер. XV в. С. 72.
- ⁷ Повесть о Дракуле. С. 90.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1380 — Куликовская битва.
1382 — нашествие Тохтамыша на Москву.
1389 — смерть Дмитрия Донского; вокняжение Василия I.
1397 — приход Кирилла на Белоозеро; начало войны за Двину.
1415 — рождение Василия II.
1425 — смерть Василия I; вокняжение Василия II.
1427 — смерть Кирилла Белозерского.
1430 — смерть митрополита Фотия.
1431—1432 — спор Василия II с Юрием Галицким в Орде; смерть Андрея Дмитриевича; вокняжение Михаила на Белоозере.
1433 — вступление Герасима Смоленского на митрополичий престол.
1434 — завоевание Юрием Галицким Москвы и его смерть.
1437 — вступление Исидора на митрополичий престол.
1439 — Флорентийская уния с католической церковью.
1445 — пленение Василия II под Суздалем.
1446 — низвержение и пленение Василия II, его ослепление.
1447 — отвоевание Москвы Василием Темным.
1448 — вступление Иопы на митрополичий престол.
1453 — взятие Константинополя турками; отравление Шемяки в Новгороде.
1456 — Яжелбицкий мир с Новгородом; арест Василия Серпуховского.
1462 — казнь серпуховских дворян; смерть Василия II; вокняжение Ивана III.
1463 — присоединение Ярославля.
1471 — Шелонская победа над Новгородом.
1472 — женитьба Ивана III на Софии Палеолог.
1477—1478 — поход на Новгород и уничтожение республики.
1479 — строительство Успенского собора.
1480 — «стояние на Угре» — копец ордынского ига.
1482—1485 — посадка Курицына в Молдавию и Венгрию; начало ереси.
1485 — присоединение Твери.
1488 — первое наказание новгородских еретиков.
1490 — смерть Ивана Молодого; вступление Зосимы на митрополичий престол; собор против еретиков.

- 1491 — несостоявшийся «конец мира»; арест Андрея Углицкого.
1494 — смерть Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого; отставка Зосимы.
1497 — «отъезд» и опала Василия Ивановича; новый Судебник.
1498 — венчание Дмитрия-внука «шапкой Мономаха».
1500 — победа на Ведроши; исчезновение Федора Курицына.
1503 — церковный собор.
1504 — собор и казнь еретиков.
1505 — смерть Ивана III.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авель, библ. 45
Агапит, византийский писатель 137
Адам, библ. 43, 59, 78
Акир Премудрый, лит. персонаж, 9
Александр I 141
Александр, вел. князь Литовский, сын Казимира 125, 129, 130
Александр Владимирович (Олелько), зять Василия I 15
Александр Македонский 10, 43, 46, 47, 79, 80, 81, 102, 147
Алексей, митрополит Московский 54
Алексей, священник новгород., еретик 101, 104, 108, 111, 121, 123, 132, 137
Анастасия Васильевна, дочь Василия I 15
Андрей Васильевич, князь Углицкий 15, 86, 109, 119, 120, 121, 131
Андрей Дмитриевич, князь Белозерский 15, 50, 53, 54, 55
Антонеску Йон, румын. диктатор 139
Аракчеев А. А. 141
Аристотель 56
Атила, предводитель гуннов 138, 139
Ахмат (Ахмед), ордынский хан 60, 61, 86, 87
Басарга Дмитрий, герой повести о Басарге 77
Басенок Федор, воевода 19, 22, 61, 72, 131
Баскервилль У., герой романа У. Эко 39, 40
Батый, хан 33, 50
Бахтин М. М. 7, 40, 145
Беда, подьячий 25
Бехайм Михаэль, нем. мейстерзингер 137
Блок А. А. 89
Боредкий Исак, посадник 25
Боккаччо Джованни 7, 145
Бонфини Антонио, ит. гуманист 95, 138
Борис Александрович, вел. князь Тверской 23, 24, 38, 148
Борис Васильевич, князь Волоцкий 15, 86, 112, 119, 121, 136
Борис Годунов, царь 130
Бородатый Стефан, дьяк 25
Бранко Витторе 145
Булгаков М. А. 48
Буркхардт Я. 3
Василий I Дмитриевич, вел. князь 15, 29, 53, 54, 55
Василий II Васильевич (Темный), вел. князь 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 27, 32, 37, 38, 50, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 70, 72, 74, 76, 82, 87, 131, 136, 148
Василий III Иванович, вел. князь 15, 127, 130, 133, 135, 136, 140, 141
Василий Великий, архиепископ Кесарийский 44, 45
Василий Калика, архиепископ Новгородский 59, 83
Василий Юрьевич (Косой), князь 15, 17, 23, 64
Василий Ярославич, князь Серпуховский 19, 71, 72

- Вассиан (в миру Василий Иванович) Патрикеев, церковный публицист XVI в. 140, 141, 142, 152
- Вассиан Рыло, архиепископ Ростовский 72, 87
- Вассиан Саппи, архиепископ Ростовский, брат Иосифа Санина 123
- Вельяминов Василий, московский тысяцкий 59
- Вельяминов Тимофей 53
- Венгеров С. А. 152
- Вениамин, монах-доминиканец 113, 114
- Веселовский А. Н. 147
- Веселовский С. Б. 148
- Витовт, вел. князь Литовский 29
- Влад Монах, валашский князь, сын Влада Цепеша 95
- Влад Цепеш см. Дракула
- Владимир Всеволодович Мономах, князь Киевский 30, 48, 127, 128
- Владимир Святославич, князь Киевский 12, 48, 59
- Владимир Святославич, князь Новгородский 35
- Всеволод Мстиславич, князь 34
- Всеволожский Иван Дмитриевич, боярин 16, 23, 24, 145
- Габсбурги, императорская династия 5
- Гален, римский ученый 56, 76
- Гама Васко да 103
- Геннадий, архиепископ Новгородский 100, 101, 104, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 119, 121, 122, 123, 125, 127, 128, 133
- Генрих VI Ланкастер, король английский 26
- Георгий Амартол, хронист IX в. 47, 48, 149
- Герасим, епископ Смоленский и митрополит 31, 32
- Герасим Поповка, дьякон 113
- Герберштейн С. 152
- Геронтий, митрополит 72, 110, 111, 112
- Герцен А. И. 141, 152
- Гиппократ, греч. ученый 56, 76
- Гитлер А. 91
- Глостер, герой трагедии Шекспира 25, 26
- Григоренко А. Ю. 150
- Григорий Богослов 44, 45
- Григорий Синаит, церковный писатель 116
- Гус Ян 5, 6, 103
- Гуттен Ульрих фон 6
- Давид, библ. 44
- Давид, сын Федора Смоленского 62
- Далила, библ. 88
- Даниил, игумен, автор «Хожепия» 68, 78
- Дарий, персидский царь 80
- Денис, новгород. священник, еретик 101, 104, 108, 122, 137
- Дионисий, художник-иконописец 11, 117
- Дольчино, вождь крестьянского восстания 39, 48
- Домбровский Ю. О. 3
- Доминик, католич. святой 113
- Дмитриева Р. П. 149
- Дмитрий Донской, вел. князь 8, 14, 15, 24, 33, 50, 53
- Дмитрий Иванович, внук Ивана III 15, 127, 128, 130, 135
- Дмитрий Герасимов, брат Герасима Поповки 113
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь Галицкий 15, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 32, 37, 38, 50, 59, 60, 64, 66, 70, 72, 103
- Дракула (Влад Цепеш), валашский князь 77, 78, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 107, 118, 128, 135, 137, 138, 139, 141, 149, 150, 152
- Ева, библ. 59
- Евфимий II, архиепископ Новгородский 31
- Ездра, библ. 43
- Екатерина Медичи, французская королева 139
- Елена, дочь Ивана III 15, 125, 129
- Елена, дочь Стефана Великого 15, 127, 130, 132, 135

- Еремий И. П. 146
 Ефросин — везде
- Жданов И. П. 147
 Желтяков А. Д. 149
- Захар, монах, еретик 100, 109, 122, 133
 Зимин А. А. 32, 146, 152
 Зосима, митрополит 123, 125, 128
- Иван Андреевич, князь Можайский 15, 17, 19, 23, 24, 25, 64, 70, 72
 Иван I Калита, вел. князь 50, 147
 Иван II Красный, вел. князь 50
 Иван III Васильевич, вел. князь 14, 15, 19, 32, 38, 60, 61, 62, 72, 74, 75, 82, 84, 85, 86, 87, 96, 97, 99, 100, 101, 108, 109, 110, 112, 114, 115, 118, 119, 123, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 135
 Иван IV Васильевич Грозный 50, 128, 130, 139, 141, 148, 149
 Иван, князь Белозерский 50
 Иван-Волк Курицын, см. Курицын Иван-Волк
 Иван Иванович Молодой, вел. князь 15, 87, 127
 Иван Максимов, еретик 123, 135
 Иван Огафонович, великокняжеский наместник в Ярославле 64, 74 (ср. Оболенский-Стрига)
 Иван Черный, еретик 104
 Игнатий, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 67, 68
 Игорь Святославич, князь Новгород-Северский 9, 10, 77
 Иеремия, библ. 80, 81
 Изольда, героиня средневеков. эпоса 7
 Ильф И. А. 90
 Иоанн «царь-ноп», герой «Сказания об Индийском царстве» 83, 84, 103
- Иоанн Дамаскин, греч. поэт и философ 106, 150
 Иоанн Златоуст 40, 41, 44, 45, 146
 Иоанн Предтеча, библ. 44
 Иоасаф, архиепископ Ростовский 115, 116, 119
 Иона, епископ Рязанский, впоследствии митрополит 19, 20, 32, 37
 Иосиф Санин, игумен Волоцкий 12, 13, 41, 45, 67, 108, 111, 112, 115, 117, 121, 122, 123, 125, 126, 132, 133, 137, 140, 146, 148, 151, 152
 Исидор, митрополит 31, 32, 37
- Каган-Тарковская М. Д. 149
 Казакова П. А. 147, 146, 148, 149, 150, 152
 Казимир IV, король Польский и вел. князь Литовский 19, 24, 25, 74, 86, 96, 110, 112, 125
 Каин, библ. 121
 Кампанелла Т. 142
 Карамзин Н. М. 141
 Карачоло Т., итальянский князь 151
 Карл Великий, император 114
 Касим, сын Улу Мухаммеда 24
 Кассиан, архимандрит Юрьевский, еретик 135
 Катенин П. 149
 Каштанов С. М. 147
 Кирилл, игумен Белозерский 53, 54, 55, 56, 57, 62, 75, 101, 116, 148
 Клибанов А. И. 150
 Клосс Б. М. 150
 Кобяк Н. А. 147
 Козьма Индикоплов 148
 Колумб Христофор 3, 103
 Комарова И. Б. 149
 Коноплев Митя, еретик 135
 Константин I Великий, византийский император 114
 Константин Федорович, князь Ярославский 62
 Копанев А. И. 147
 Коперник Н. 3
 Корнуэльский герцог 26
 Кракауэр Э. 90, 149
 Курбский Андрей, князь 139

Курицын Иван-Волк, дьяк 105, 125, 135
Курицын Федор — везде
Кулодарь Иван, дьяк 66, 70, 106
Кучкин В. А. 147
Леонардо да Винчи 3, 6
Леонид (Кавелин), археограф 68, 148
Ливий Тит 152
Лир, герой трагедии Шекспира 25, 145
Лихачев Д. С. 146
Лотман Ю. М. 146
Лурье Я. С. 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152
Макиавелли Никколо 138, 139, 140, 152
Максим, священник, еретик 123
Малинин В. А. 147
Мамай, темник татарский 33
Мария Борисовна, вел. княгиня, первая жена Ивана III 15, 38
Мария Тюдор (Кровавая), английская королева 139
Мартышко угрянин, еретик 96, 104
Матвей Корвин см. Хуньяди Матиаш
Махновец Г. А. 149
Менгли Гирей, хан Крымский 97, 110
Микеланджело Буонарроти 3
Мишле Жюль 3
Михаил Андреевич, князь Белозерский 15, 64, 67, 70, 72
Михаил Борисович, вел. князь Тверской 96
Михаил Киевский, архиепископ Новгородский 74, 86
Михаил Олелькович, князь Литовско-русский 15, 74, 86, 115
Михаил Ярославич, вел. князь Тверской 33
Мор Томас 6, 142
Моркольф (Морольф, Мархольт), лит. персонаж 43, 44, 102
Мстислав Мстиславич Удалой, князь Торонецкий 36, 51, 52

Мстислав Ростиславич, князь Смоленский 34
Мурнау Ф., нем. режиссер 89
Мухаммед II, султан турецкий 33

Назаров В. Д. 150
Насонов А. П. 147, 150
Некрас Рукавой, еретик 135
Нестор, летописец 30
Никитин Афанасий, путешественник и писатель 84, 85, 149
Николай (Миколай), итальянский князь 76
Никольский П. 148
Нил Полев, монах Волоколамского монастыря 117, 153
Нил Синаит, церковный писатель 116
Нил Сорский (Майков) 68, 116, 117, 118, 119, 133, 140, 148, 151
Нифонт, игумен Кирилло-Белозерского монастыря, впоследствии епископ Суздальский 67, 68, 70, 115
Нэш Огден, амер. поэт 91, 149
Оболенский Семен, князь 19
Оболенский-Стрига Иван Васильевич 74, 149
Олег, вел. князь Рязанский 36
Острожский Константин, гетман 130
Ощера-Сорокоумов Иван Васильевич, боярин 60, 61
Павел, апостол, библ. 105
Паисий Ярославов, игумен Троицкий 116, 119
Панченко А. М. 146, 149
Пастернак Б. Л. 145
Пафнутий, игумен Боровский 112
Перхушков Григорий, приближенный Василия II 60, 61, 148
Петр, апостол, библ. 44
Петр I 10, 149
Пимен, летописец в «Борисе Годунове» 28
Пирлинг П. 151
Плутарх 76
Поганка, повар 25

- Погодин М. П. 145
 Покровский А. А. 146
 Полуектов Алексей, дьяк 110
 Понырко Н. В. 146, 147
 Поппель Николай, германский посол 123
 Пор, индийский царь 80
 Пресняков А. Е. 147
 Приселков М. Д. 148
 Прохоров Г. М. 148, 151
 Пушкин А. С. 77, 78, 79, 83, 130, 149
- Рабле Фр. 3, 7, 145
 Райнов Т. 148
 Рансимен С. 151
 Рафаэль Санти 3
 Ричард III, английский король 131, 140
 Родион Кожух, дьяк 109
 Рождественская М. В. 147
 Розов Н. Н. 148
 Роланд, герой фр. эпоса 7
 Роман Мстиславич, князь Новгородский 34
 Романов Б. А. 150
 Рублев Андрей, художник 11
 Ряполовские, княж. род 19
 Ряполовский Семен Иванович, князь 119
- Сакс Ганс, нем. поэт 3
 Самсон, библ. 88
 Святополк Изяславич, князь Киевский 30
 Святополк Святославич (Окаянный), князь Киевский 36
 Святослав Игоревич, князь Киевский 34, 35
 Седельников А. Д. 151
 Семен Гордый, князь Московский 50
 Сервантес М. 7
 Сергеевич В. 147
 Сергей Радонежский, основатель Троицкого монастыря 17, 33, 54
 Сид, герой среднев. эпоса 7, 79
 Симон, митрополит 128, 129
 Сиф, библ. 47
 Скобеев Фрол, герой «Повести о Фроле Скобееве» 77
 Соломон, библ. 43, 44, 78, 81, 92. 142
- София Палеолог, вел. княгиня 15, 110, 126, 127, 130, 133, 151
 Степан (Стефан) Бородатый, дьяк 25, 74
 Стефан Великий, господарь Молдавский 127
 Стоукер Брэм 89
 Твердислав, посадник новгородский 52
 Тверитинова А. С. 145
 Творимир, боярин новгородский 36
 Творогов О. В. 147
 Толстой Л. Н. 142
 Тохтамыш, хан Ордынский 8, 53
 Траханиот Юрий, дьяк 114, 127
 Тристан, герой среднев. эпоса 7
 Трифон, игумен Кириллова монастыря, впоследствии ростовский архиепископ 23, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 72, 111, 142
 Турн фон (де ля Торре), германский посол 114, 123
 Тупин Гурий, монах 148
- Уваров А. С., граф 148
 Улу Мухаммед, хан Ордынский и Казанский 16, 17, 19, 23, 24
 Успенский Б. А. 149
 Успенский Л. А. 151
 Упадыш, новгородец 85, 99
- Федор Добрый, епископ Тверской 59, 83
 Федор Курицын, см. Курицын Федор
 Федор Ростиславич, князь Смоленский-Ярославский 62
 Феофан Грек, художник 11
 Феофил, архиепископ Новгородский 100
 Феофил Дедеркин, автор послания о землетрясении в Италии 76
 Филипп II, король испанский 139
 Филипп, митрополит Московский 110
 Фиораванти А., архитектор 101, 110

- Филофей, монах, брат архиепископа Трифона 67
Фома, тверской придворный писатель 38, 158
Фотий, митрополит Московский 14, 16, 31
- Хойзинга И. 6, 102, 145
Хорхе, герой романа У. Эко 40, 41
Хорошкевич А. Л. 150, 151
Хуньяди Матиаш (Матвей Корвин), король венгерский 5, 95, 96, 102, 138
- Чаадаев П. Я. 145
Черепнин Л. В. 147, 152
Чол-хан (Щелкан), наместник хана в Твери 33, 52
Чюмина О. 152
- Шахаиша, герой повести «Слово о двенадцати снах царя Шахаиши» 78
- Шахматов А. А. 28, 148
Шекспир У. 7, 25, 131, 140, 145
- Щапов Я. Н. 150
- Эко Умберто 39, 45, 48, 146
Эминеску М. 90, 91, 139, 149
- Юрий Васильевич, князь Дмитровский 15, 19, 62, 86
Юрий Дмитриевич, князь Галицкий и Звенигородский 14—17, 24, 53, 54, 55, 64
- Яблонский В. 148
Ягеллоны, династия польских королей 5
Ягуп, сын Улу Мухаммеда 24
Ярополк Ростиславич, князь Новгородский 34
Ярослав Изяславич, князь Новгородский 34, 59

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Накануне	14
«Великое нестроение»	14
«Нестор XV века»	28
Кирилло-Белозерский книгописец	39
Загадки Ефросина	39
На Белозерской земле. Между Москвой и Новгородом	49
Вокруг Ефросина	57
Сборники Ефросина	75
Великокняжеский дьяк	89
Переписчик и автор «Дракулы»	89
Федор Курицын	97
Враги Курицына	108
«Того бо державный во всем послушаше»	119
Конец Федора Курицына	130
Итоги	136
Примечания	145
Хронологическая таблица	153
Указатель имен (составила Р. Е. Крупова)	155